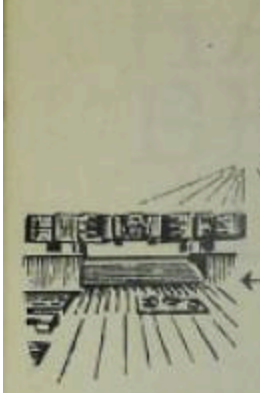
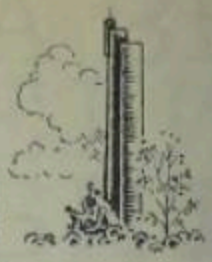
НА ЗЕМЛЕ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

1. Памятник героям-саперам вблизи поселка Поныри. 1968

2. Мемориальный комплекс На Яковлевских высотах. 1973

3. «Дом Ромодановских» в Курске. XVII в.

4. Памятник И. С. Тургеневу в Орле. 1968

5. Троицкая церковь в Болхове. 1708

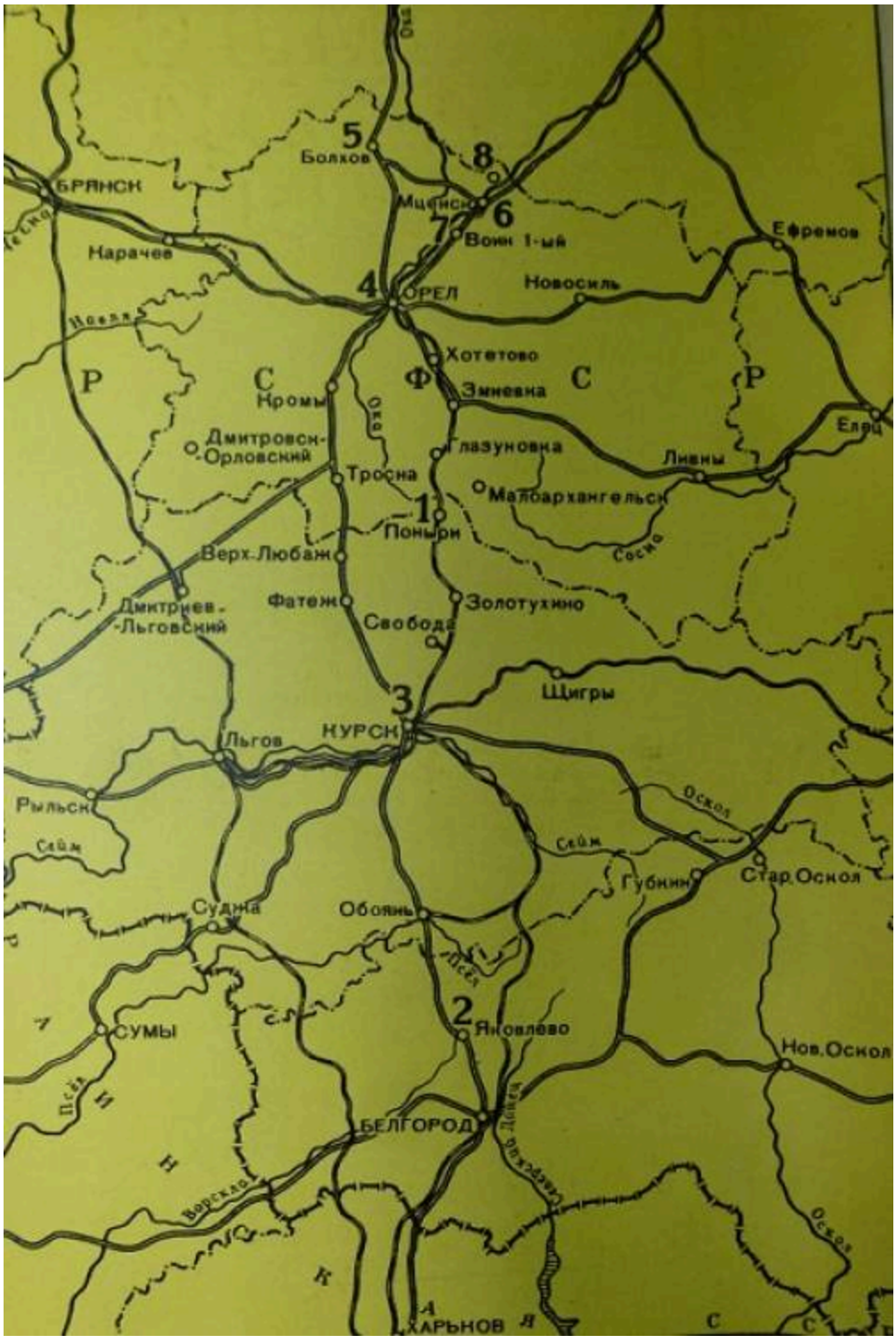
6. «Дом боярина» (церковь Михаила Архангела) в Мценске. Конец XVII — начало XVIII в.

7. Беседка-ротонда в усадьбе Воиново

8. Дом И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове

5
Болхов
8
БРЯНСК
Мценск
6
7
Воин 1-ый
Ефремов
Нарачев
4
ОРЕЛ
Новосиль
Хотетово
Р
С
Кромы
Ф
Змиевна
С
Р
Дмитровск-
-Орловский
Глазуновка
Ливны
Тросна
Малоархангельск
1
Понырн
Верх.Любаж
Дмитриев-
-Льговский
Фатеж
Свобода
Золотухино
3
Щигры
Льгов
КУРСК
Рыльск
Сейм
Оскол
Губкин
Стар.Оскол
Суджа
Обоянь
Псёл
2
СУМЫ
Яковлево
Нов.Оскол
Псёл
БЕЛГОРОД
Ворскла
Оскол
ХАРЬКОВ

На земле великой битвы (Курская и Орловская области)

М. М. ДУНАЕВ

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1976

72С1
Д83

80102-013
Д----------195-76
025(01)-76

© Издательство «Искусство», 1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

1. ПАМЯТЬ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

Курская битва — одно из величайших событий второй мировой войны (9). Мемориальный ансамбль на месте штаба Центрального фронта (10). Сражение у Понырей (14). Памятник

героям-саперам (15). У села Теплое (18). На Яковлевских высотах (20). Прохоровка (26). Подвиг летчика А.К.Горовца (30).

2. КУРСК

Местоположение города (33). История Курска. Формирование его архитектурного облика (33). «Дом Ромодановских» (37). Шедевр курской архитектуры (42). Знаменский монастырь (49). «Дом Денисьева» (50). Краеведческий музей и картинная галерея (51). Ансамбль Красной площади (60). Усадьба Моква (62) Коренная пустынь (66).

3. ГОРОД-КРЕПОСТЬ ОРЁЛ

Первое знакомство с городом (70). История Орла (73). Орёл — город первого салюта (82). Архитектурные памятники Орла (83). Ансамбль городского центра (88). Литературный Орёл (91). Сабуровская крепость (96).

4. БОЛХОВ И МЦЕНСК — ДРЕВНИЕ КРЕПОСТИ НА ГРАНИЦЕ ДИКОГО ПОЛЯ

Болховские жители (103). История Болхова (104). Троицкая церковь (109). Рождественская церковь (111). Оптин монастырь (112). Панорама Мценска (115). История Мценска (116). Памятники архитектуры Мценска (117).

5. ПО ТУРГЕНЕВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Воиново — типичное «дворянское гнездо» (122). Спасское-Лутовиново (123). Голоплеки (135). Бежин луг (141). Колотовка — место соревнования тургеневских певцов (142). Тургенево (144).

ПРИМЕЧАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

На земле великой битвы (Курская и Орловская области)

Вступление

История Курской и Орловской земель — прежде всего история военная. Набеги, битвы, штурмы, осады — много видел их этот край. Южные соседи — степные кочевника татары — постоянно грозили русским землям бедой и разорением. Здесь начиналось необъятное Дикое поле, одно название которого говорит о той опасности, что таило оно в себе для русского человека.

Долгий и кровавый спор за эти земли вели русские князья и с татарами, и с Литвой, а порою и друг с другом. Обращались в пепел города, приходили в запустение огромные территории, гибли люди. Часто горела эта земля на пути врага: поджигались степные травы, для того чтобы лишить корма конницу неприятеля и не допустить его к границам государства.

С ростом и укреплением Москвы возрастала и роль южных русских городов, которые постепенно один за другим отходили под власть московских государей. В XVI—XVII веках на этих землях возникает множество крепостей, вставших на пути многочисленных вражеских набегов. Сравнивая время строительства этих крепостей, можно легко проследить, как росло Русское государство, как всё дальше отодвигались от Москвы его границы. В начале XVI века отстраивается мощный Тульский кремль, затем сооружаются Большая Засечная черта и крепости Орловской земли: Болхов, Мценск, Орёл и другие. В конце XVI века возникает Курская крепость. А в XVII столетии Москва отгораживается от врагов укреплениями Белгородской черты.

История всех названных крепостей во многом сходна и отличается порою только датами штурмов, осад и сражений.

Но никакие беды и разорения не сравнятся с тем, что обрушила на этот край последняя война. Крупнейшим событием всей многовековой истории этих земель стала грандиозная Курско-Орловская битва — одно из решающих сражений второй мировой войны.

Даже сегодня, через тридцать лет после окончания Великой Отечественной войны, многое на Курской и Орловской землях напоминает о ней. Прежде всего это мемориальные сооружения, монументы, посвященные военным событиям, героям боев за русскую землю. Память о войне хранят разрушенные и уничтоженные ею (с болью понимаешь: уничтоженные навсегда) прекрасные памятники архитектуры и искусства. Память о войне хранят и уцелевшие в её разрушительной жестокости сооружения ушедших времен, ибо теперь это не просто архитектурные и исторические памятники, но памятники, спасенные от врага.

Наше путешествие по землям Курской и Орловской начинается с воспоминаний о событиях войны, с посещения тех мест, где летом 1943 года решалась судьба Курской битвы. Из множества памятников мы выберем самые главные, самые интересные, принимая во внимание и значительность связанных с ними событий и художественную ценность самих монументов.

В тревожные годы постоянной военной опасности жителям этих мест было, конечно, не до строительства значительных монументальных сооружений. Древнейшие памятники Курской и Орловской земель относятся лишь к XVII веку, но их тут очень немного. Относительно спокойным временем в истории Курска и Орла были XVIII и XIX столетия. Именно к этой эпохе относится большинство сохранившихся здесь памятников архитектуры.

В период расцвета дворянской империи по всей стране возникло множество помещичьих усадеб, иные из которых славились великолепными постройками, прекрасными парками, богатыми коллекциями произведений искусства. Немало «дворянских гнезд» было в Курской и Орловской губерниях. Но затем настало время оскудения, разорения, обнищания древних родов. Многое из созданных и собранных здесь художественных ценностей исчезло ещё в те времена. О разорении «дворянских гнезд» Тургенев писал уже в середине прошлого века. До нашего же времени от этих усадеб сохранились лишь жалкие остатки. Многое уничтожила война.

И все же те, кто любит русское искусство, архитектуру, древнюю историю нашу, найдут здесь немало интересного.

История Курской и Орловской земель неотделима от истории русской литературы. Необычайно велик перечень писателей, родившихся, живших, работавших в этих краях. Из всех памятных литературных мест мы побываем лишь в тех, которые связаны с именем И.С.Тургенева. Во-первых, потому, что Спасское-Лутовиново является главной литературной достопримечательностью Орловского края, во-вторых, потому, что с Тургеневым связано не одно лишь Спасское, а вся Орловская земля, которую можно назвать и землей Тургенева. Ни о каком другом писателе она не может рассказать так полно и живо, как о нём.

Все памятные и исторические места, которые нам предстоит посетить, связаны единым маршрутом, и описание их ведётся в обусловленной этим маршрутом последовательности.

Однако рассказ о событиях Великой Отечественной войны определяется не маршрутом, а хронологией основных эпизодов Курской битвы. Это сделано и для того, чтобы воскресить в памяти целостное представление о сражении и чтобы каждому, кто будет знакомиться с памятниками, посвященными отдельным эпизодам грандиозной битвы, легче было бы уяснить место и значение каждого из этих эпизодов в общем ходе сражения.

Маршрут нашего путешествия начинается в Курске, из которого можно совершить поездку в район боев на южном крае Курской дуги (село Яковлево, станция Прохоровка). К северу от Курска находится поселок Свобода, где рядом с остатками Коренной пустыни сооружен мемориальный комплекс на месте бывшего штаба Центрального фронта. Затем путешествие продолжается через поселок Поныри, в районе которого происходили основные сражения на северном крае дуги, и далее до Орла. Из Орла по хорошему асфальтовому шоссе можно быстро добраться до Болхова, а оттуда — до Мценска. Кончается путешествие чуть севернее Мценска, в тургеневских местах.

Теперь нам осталось сказать традиционное: в путь!— и начать наше путешествие.

Автор благодарит М.П.Цапенко за помощь, оказанную при работе над этой книгой.

1. Память великой битвы

Куда б ни шёл, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.
Кто б ни был ты— рыбак, шахтёр,
Ученый иль пастух,—
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.
И для тебя и для меня
Он сделал всё, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберёг.

М. Исаковский

Где ни пойдёшь, куда ни поедешь по Курской земле, всюду встречает тебя у дороги то скромный обелиск, то монумент на братской могиле, то старое орудие — память былых боёв.

С каждым годом памятников Великой Отечественной Войны становится здесь всё больше, сейчас их уже несколько сот. Целые мемориальные комплексы отмечают основные этапы грандиозного сражения летом 1943 года.

В течение пятидесяти дней на громадной территории сражалось в общей сложности более четырех миллионов человек. В битве участвовало свыше тринадцати тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, около семидесяти тысяч орудий и минометов, до двенадцати тысяч самолетов. Это больше, чем в Московской и Сталинградской битвах, вместе взятых.

Даже отдельные сражения битвы на Курской дуге затмевали порою многое из того, что знала мировая военная история.

Здесь, в районе Курского выступа, образованного огромной дугой фронта к июлю 1943 года, гитлеровское командование рассчитывало нанести решающее поражение Красной Армии, которое должно было бы, по его расчетам, предопределить её полный и окончательный разгром. Здесь решалась судьба страны, судьба всего народа, судьба каждого из нас. Двумя одновременными ударами с севера и с юга фашисты предполагали прорвать нашу оборону, соединившись у Курска, окружить и уничтожить расположенные в образовавшемся «котле» советские войска, а затем «продолжать наступление в тыл нашему Юго-Западному фронту, находившемуся в Донбассе, и провести новую операцию под условным наименованием «Пантера»[1].

В 27 километрах к северу от Сурска, в поселке Свобода, находится бывшая Коренная Рождество-Богородицкая пустынь. На её территории в самый разгар битвы размещался штаб Центрального фронта, войска которого приняли на себя удар врага на северном крае дуги. Здесь с самого начала и до конца оборонительного сражения неотлучно находился на своём КП командующий Центральным фронтом генерал армии К.К.Рокоссовский.

Правда, вначале штаб размещался не в самом монастыре, а рядом с ним, в деревянных домиках у монастырских ворот. Но вражеской воздушной разведке удалось обнаружить расположение штаба. Командующего спасло чудо. Обычно он до глубокой ночи работал в штабе, но в тот самый вечер, когда прилетели немецкие бомбардировщики, Рокоссовский решил, нарушив обычный распорядок, сходить на ужин в столовую, что была неподалеку. «От моего дома ничего не осталось — он был

снесён... Если бы кто-нибудь находился в этом помещении, никто бы не уцелел. Спас меня просто случай, а возможно, интуиция. На войне всякое бывает»[2].

Ещё более удивительная история произошла с генералом Г.Н.Орлом, одним из работников штаба. Заслышав приближающиеся самолеты, он укрылся в щели, специально вырытой рядом с его домом, но затем передумал и вернулся к себе. Бомба угодила прямо в то место, где чуть ли не за несколько мгновений до этого находился генерал. Орел объяснял потом: «Холодно в этой щели показалось, как в могиле. Решил, если уж погибать, то хоть дома...»

На войне всякое бывает.

После этого случая штаб был переведен в блиндажи, оборудованные на территории монастыря.

Сюда в первых числах июля прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза Г.К.Жуков.

Советскому командованию стало известно, что в начале июля фашисты планируют наступление в районе Курской дуги. Не стоит лишний раз повторять рассуждения о значении подобных сведений. Заранее было решено воспрепятствовать плановому наступлению врага артиллерийской и авиационной контрподготовкой. Но нужно было ещё и точно знать, в каком месте и когда, в какой не только день, но и час начнётся это наступление. Можно было и ошибиться, выпустить часть запаса снарядов впустую.

Как легко сейчас читать о тех днях и часах! Тон мемуаров чаще всего спокоен и величав. И уже трудно представить себе то невероятное нервное напряжение, которое предшествовало началу битвы.

Какая гигантская ответственность легла на плечи этих людей, находившихся здесь в ночь на 5 июля 1943 года! Получены показания только что захваченных в плен немецких солдат. Но, может быть, это ложные сведения, хитрость врага? «Перед нами встал вопрос: верить показаниям пленных или нет? Необходимо было немедленно принять решение на проведение

предусмотренной планом артиллерийской подготовки, так как времени на запрос Ставки и получение ответа не было. И оно было принято.

Командующий артиллерией фронта получил приказ обрушиться на противника всей мощью запланированных для этой цели средств»[3]. Так сухо и по-деловому вспоминал об этом впоследствии Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский. Но, думается, такие моменты дорого стоят человеку.

Началась канонада. Но здесь лучше опять передать слово очевидцу событий. Вспоминает Г.К.Жуков:

«Всё кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот — началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов.

Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой не более чем в 20 километрах. Мы слышали и ощущали ураганный огонь, и невольно в нашем воображении возникали страшные картины на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный огонь контрподготовки»[4].

...Сейчас здесь разве что прошумит далекий поезд или пройдет редкая машина. На месте бывшего командного пункта растет молодой парк. Эти вот пушки, что стоят у его входа, били когда-то по вражеским укреплениям в давнем уже июле 1943 года. Впереди возвышается семиметровая фигура солдата с поднятой вверх рукой — главный монумент мемориального комплекса. Рядом — бетонная Стена Славы с названиями воинских соединений, участвовавших в Курской битве в составе Центрального фронта. Тут же — выполненная в бетоне карта-схема всего сражения. А неподалеку, ближе к монастырской стене,— восстановленный блиндаж Рокоссовского и бюст полководца.

Этот комплекс создан трудами и стараниями Николая Ивановича Морозова, старого фронтовика, полковника в отставке, бывшего заместителя директора местного

Профессионально-технического училища, которое размещается в бывших монастырских корпусах.

Я встретил его у самого входа в монастырь, и он сразу же повёл меня к памятнику.

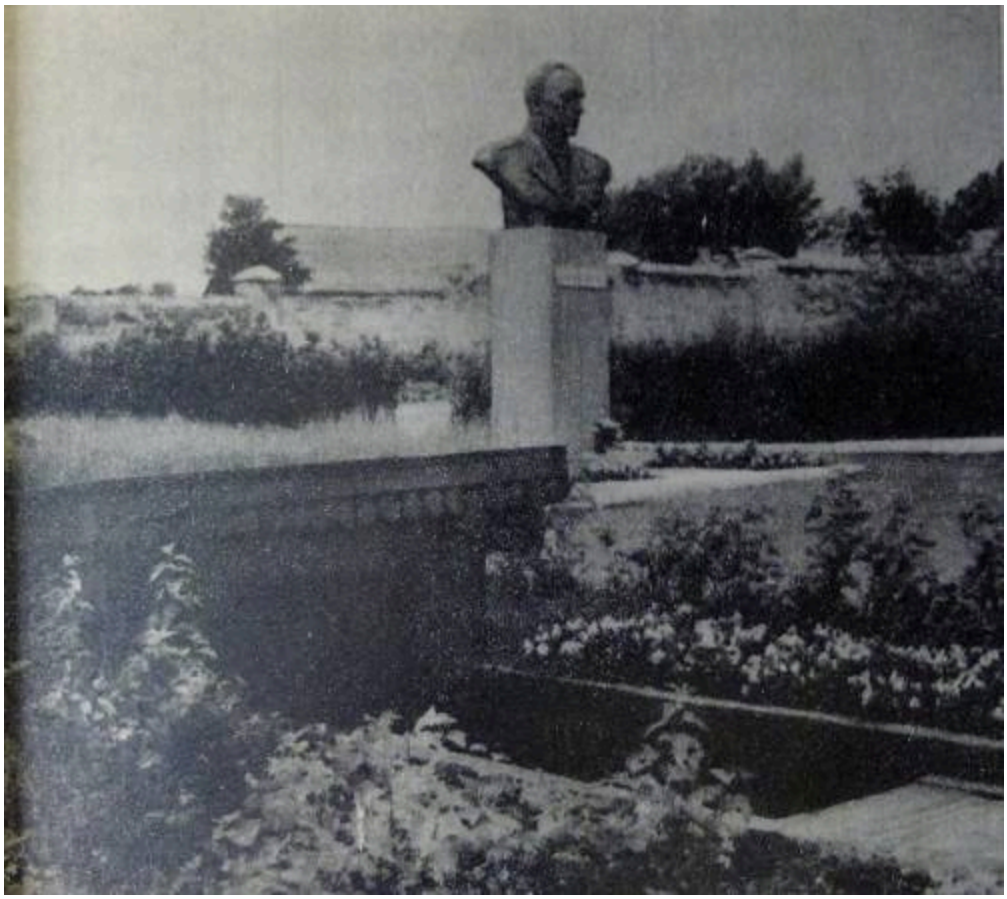
— Рокоссовский сюда приезжал, когда двадцать лет отмечали. А здесь бурьян был, заросло всё. Он как увидал, даже рукой махнул. Расстроился. Потом отошёл, начал рассказывать... Я тогда и подумал: как же это мы не бережем память об этом! Начал писать везде. П.И.Батов меня поддержал. Бывший начальник инженерных войск А.И.Прошляков сам план вычертил, где что находилось. Говорит, что если ошибся, то не больше, чем на полметра. Мы по этому плану землянку Рокоссовского восстановили. И ведь у нас рабочих тут нет. Всё ребята из ПТУ делают, всё их работа: и парк и остальное. Завод местный ни в чем не отказывает... Колхоз «Дружба» не забудьте себе записать...

Это внимание к памятникам войны, забота о них видны повсюду. Порою спорны художественные достоинства иных монументов, но в состоянии они всегда содержатся образцовом. Память об ушедших нужна живым.

Весь мемориальный комплекс бережно охраняется. Когда в следующий раз я пришел к памятнику, у входа на территорию комплекса меня остановил сердитый старик:

— Ноги вытирать надо!

Только что кончился дождь, и на улице было грязновато. Асфальт же вокруг памятника просто сиял чистотой. Да, сюда, как и в дом, грязь нести не полагалось.

Блиндаж К.К.Рокоссовского в поселке Свобода

Мемориальный комплекс на месте штаба Центрального фронта в поселке Свобода. 1973. Скульпторы М.Кузовлёв, В.Колбасов. Архитекторы Д.Гаркуша, И.Гулин

С высокого берега Тускари, на котором расположен комплекс, видно далеко вокруг. Удачно установлен главный монумент — огромная фигура солдата-автоматчика. Он стоит у самого ската, где ничто не заслоняет то необъятное пространство, что раскинулось до самого горизонта. Он один как бы прикрывает собой всю эту землю, защищая её. А если смотреть с небольшого расстояния, то кажется, что он стоит не здесь, на холме, а где-то там, далеко над равниной, и от этого фигура его кажется ещё более внушительной, почти исполинской.

Наверное, в хорошую ясную погоду отсюда можно разглядеть те места, где происходили жестокие сражения на северном крае Курской дуги.

После первого неудачного наступления в районе села Ольховатка немецкие войска решили нанести мощный удар вдоль линии железной дороги у станции Поныри.

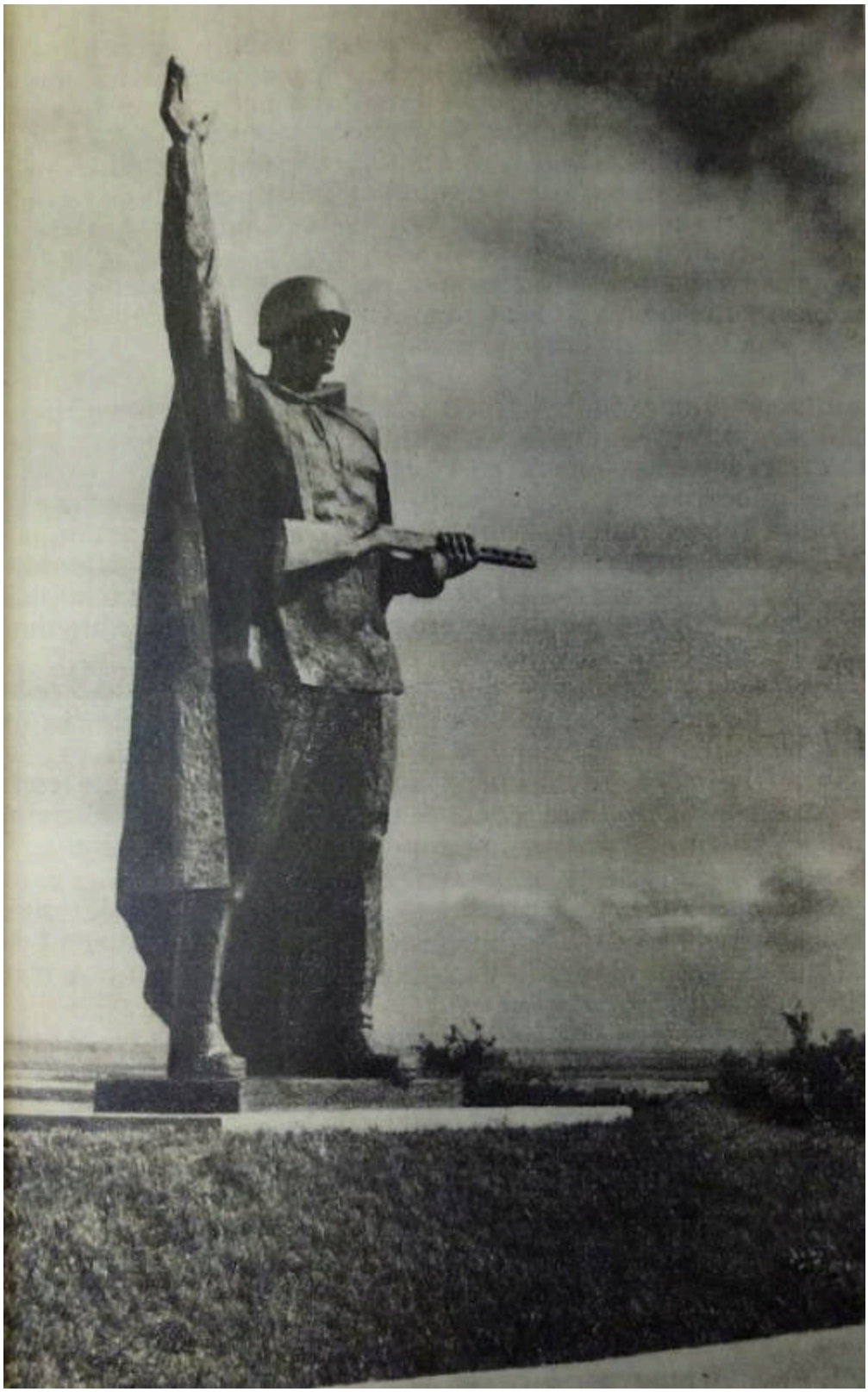
«Здесь разгорелась одна из самых жестоких битв за время восточного похода»[5],— вспоминал впоследствии один из гитлеровских офицеров. Непрекращающиеся бои за Поныри шли около двух суток, несколько раз станция переходила из рук в руки.

Пересказать все эпизоды сражения у Понырей — задача трудная, да в этом и нет необходимости: у нас имеется богатая военно-историческая и мемуарная литература. Но, может быть, стоит вспомнить хотя бы один из многих подвигов, совершенных в этом бою, вспомнить здесь, у могилы погибших героев, перед памятником, что возвышается на привокзальной площади поселка Поныри.

Более полутора суток без передышки вел бой у Понырей командир орудия старшина К.С.Седов. Когда немцы решили совершить обход наших частей и ударить с фланга, на их пути

встало орудие Седова. Было уничтожено уже семь танков, но от нашего расчета осталось всего два человека. Сам Седов был ранен, но продолжал бой и подбил ещё один, восьмой, танк. Кончились боеприпасы. Седов и рядовой Пилюгин взялись за автоматы и гранаты. Вскоре Седов остался один. Фашисты решили взять его в плен, но он подорвал себя и приблизившихся к нему врагов оставшейся гранатой.

К.С.Седову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Над братской могилой, в которой он похоронен, хорошо знакомая всем скульптура — уменьшенная копия монумента «Воинам Советской Армии» в Трептов-парке в Берлине (скульптор Е.В.Вучетич), солдат с мечом, прижимающий к себе спасенного им ребенка. Так же как и в далеком Берлине, здесь, на маленькой железнодорожной станции, этот памятник вновь напоминает нам о той благородной цели, ради которой жертвовали жизнью герои Великой Отечественной войны.

Мемориальный комплекс на месте штаба Центрального фронта в поселке Свобода. Фрагмент

А в трех километрах от станции — другой монумент, памятник героям-сапёрам, погибшим в Курской битве (авторы монумента: скульптор В.Ф.Супонев, архитектор Д.И.Гаркуша). У его основания зажжен вечный огонь.

Памятник героям-сапёрам вблизи поселка Поныри. Скульптор Ф.Супонев, архитектор Д.Гаркуша

«Плечом к плечу с артиллеристами и пехотинцами отражали атаки врага сапёры, — писал К.К.Рокоссовский.— Они славно потрудились на оборонных работах и выше всякой похвалы действовали теперь, отражая наступление противника. Выставленные ими на основных танкоопасных направлениях управляемые минные поля и фугасы сейчас взрывались под вражескими танками. На многих участках путь танкам преграждали подвижные сапёрные отряды»[6].

Задолго до начала битвы наши войска начали подготовку к ней. Было создано 8 оборонительных полос, прорыто 10 тысяч (!) километров траншей. На Центральном фронте сапёры установили 400 тысяч мин и фугасов.

В первой же атаке 5 июля подорвалось 36 немецких танков, а за весь день — около сотни. Всего за Курскую битву минами было уничтожено 1100 танков и орудий.

Воины 1-й гвардейской инженерной бригады под командованием полковника М.Ф.Иоффе, уже участвуя в боях у Понырей, подложили буквально под гусеницы танков три тысячи противотанковых мин. На виду у гитлеровцев они взорвали 7 июля мост через реку, к которому уже направлялись вражеские танки.

Но вот началось контрнаступление. Четыре с половиной тысячи мин сняли сапёры 3-й гвардейской танковой армии только за два первых его дня, восстановили 100 километров дорог, оборудовали 70 бродов и переправ. На всём Центральном фронте было ликвидировано 1300 минных полей, 1200 тысяч мин и фугасов.

«Здесь не было ни гор, ни скал,

Здесь не было ни рвов, ни рек.

Здесь русский человек стоял,

Советский человек».

Эти слова из поэмы Е.Долматовского «Поныри» выбиты на памятнике сапёрам.

«Здесь не было ни гор, ни скал...». Какие скалы! Ни одного холмика. Чистое, ровное поле. Кое-где крохотные лесные островки, но по ровным рядам деревьев нетрудно догадаться: искусственные посадки, и не очень давние. Природа не создала здесь никакой естественной преграды на пути врага. Всё нужно было строить своими руками. И это не просто понимаешь, а физически ощущаешь, стоя в центре огромного поля возле монумента. Здесь негде укрыться, некуда спрятаться. И тут не нужно долго втолковывать, как велик был подвиг сапёров, вставших на пути врага. Само расположение памятника помогает понять это.

Да, место для монумента выбрано необычайно удачно. Издалека видишь высокий белый обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Рядом с ним нет никаких жилых построек. Поле, небольшой лесной островок и в центре его — обелиск. У его подножия — скульптурная группа: трое солдат с противотанковыми минами.

Фигура одного из них вся — застывшее движение. Пригнувшись к земле, он зорко вглядывается в даль, и кажется — ещё мгновение, и он, распрямившись пружиной, бросится навстречу врагу. Динамике и напряженной мощи этой фигуры противопоставлено безвольное движение умирающего солдата. Он опустился на колени, левая рука его бессильно повисла, правой он ещё силится опереться на что-то, чтобы не упасть, но тяжёлое тело его безжизненно никнет к земле. В центре композиции — фигура, несущая на себе основную идейную нагрузку. Её подчеркнутая статичность уравновешивает движение, выраженное двумя крайними фигурами. Но в этой статичности нет ни безжизненности, ни бесстрастия. Непоколебимая уверенность, стойкость, мужество — всё это соединилось в фигуре воина, возвышающегося в центре скульптурной группы.

Памятник героям-саперам вблизи поселка Поныри. Фрагмент

«Здесь русский человек стоял,

Советский человек».

Километрах в десяти от Понырей, у села Теплое, стоит своеобразный памятник отгремевших здесь боев — боевое орудие № 2242 76мм калибра образца 1939 года из батареи капитана Г.И.Игишева. Восьмого июля триста танков при поддержке артиллерии и авиации атаковали в районе Тепловских высот позиции 3-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады полковника В.И.Рукосуева.

«Самоотверженно сражались наши артиллеристы, отражая атаки танков,— писал К.К.Рокоссовский.— ...Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага. Это они, артиллеристы, превратили хваленые «тигры» и «фердинанды» в бесформенные груды исковерканного и обгоревшего металла»[7].

Тридцать танков наступало на батарею капитана Игишева. Семнадцать из них было уничтожено огнем батареи, но всего три человека и одна пушка остались здесь. Фашисты предприняли новую атаку. Были подбиты еще два танка. На героической батарее не осталось в живых ни одного человека.

Затем бой приняла батарея старшего лейтенанта В.П.Герасимова. У одного из орудий батареи оторвало щит, разбило колеса, сорвало панораму. Артиллеристы установили пушку на ящики из-под снарядов и, целясь сквозь ствол, продолжали бой.

Памятник на Тепловских высотах

В разгар сражения от командира бригады в штабе была получена радиограмма: «Бригаду атакует до трехсот танков, 1-я и 7-я батареи погибли, ввожу в бой свой последний резерв — 2-ю

батарею. Прошу помочь боеприпасами. Или устою, или погибну. Рукосуев».

В этих боях погибла почти вся бригада.

Одно из орудий, участвовавших в сражении, и стоит теперь на постаменте перед высоким обелиском у села Теплое. Здесь похоронены герои-артиллеристы бригады Рукосуева. Находящаяся неподалеку деревня Самодуровка переименована в Игишево.

В боях у Понырей и на Тепловских высотах окончательно захлебнулись атаки врага на северном крае Курской дуги. Уже 10 июля он вынужден был перейти к обороне. Всего фашисты продвинулись здесь на глубину 10—12 километров. А 15 июля наши войска перешли в наступление.

Более ожесточенные и продолжительные бои происходили на южном крае Курской дуги. Атаки немцев начались здесь еще 4 июля. Но в них участвовали незначительные силы гитлеровцев. Главное наступление врага началось 5 июля вдоль шоссе Москва — Симферополь, в направлении от Белгорода на Обоянь.

Особые надежды гитлеровское командование возлагало на новые образцы вооружения, полученные немецкой армией в значительных количествах незадолго перед началом решающих сражений, и прежде всего на «тигры» — тяжелые танки, считавшиеся почти неуязвимыми. Многие участники сражений вспоминают, что вначале людей охватывал страх, когда они видели, как разлетаются на тысячи искр артиллерийские снаряды, ударяющиеся о броню «тигров», не причиняя вражеским танкам ощутимого вреда. Выстрел же из пушки, установленной на «тиграх», был для наших средних танков Т-34 смертельным даже с большого расстояния.

В первый же день на Обоянском направлении было брошено в наступление 700 немецких танков. Противник был остановлен у небольшого населенного пункта Крапивенские дворы. Сейчас здесь большое братское кладбище. В центре его монумент — фигура солдата с поднятым вверх автоматом. На высоком постаменте надпись: «Слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей великой Родины».

На следующий день гитлеровцам удалось прорвать первую полосу обороны советских войск. На второй полосе, у села Яковлево, врага встретила 1-я танковая армия генерала М.Е.Катукова. Танкисты Катукова прославились ещё в боях под Тулой, где они сдерживали танки Гудериана. Теперь они встали на пути армады «тигров».

Десять часов продолжались упорнейшие бои на Яковлевских высотах 6 июля. В этот день совершил свой подвиг Герой Советского Союза Вольдемар Шаландин.

Здесь, у Яковлева, в тот день на десять «тигров» приходилось в среднем всего лишь четыре советских танка. Гитлеровское командование рассчитывало на лёгкую и быструю победу: с «тиграми» вообще бороться трудно, а при таком значительном преимуществе в танках можно ли было сомневаться в успехе.

Но наши танкисты приспособились бить и «тигров». Советские танки Т-34 в два раза превосходили их в скорости, в манёвренности. Башня «тигра» поворачивалась медленно, и, маневрируя, можно было уйти из-под его огня. Укрывшись за холмом, по склону которого вскарабкивались наступавшие «тигры», наши танки, постоянно меняя позиции, внезапно выскакивали из-за вершины, наносили удар и тут же снова скрывались. Фашисты просто не успевали вести прицельный огонь по советским танкам.

Первым этот маневр применил Шаландин, затем — его боевые друзья Г.И.Бессарабов, Соколов, Мажоров. На счету экипажа Шаландина было уже три танка, он продолжал атаковать врага, но вот навстречу его «тридцать-четверке» вышло восемь вражеских машин. Метким выстрелом был подбит один из «тигров», но силы были неравны. Танк Шаландина охватило пламя. Вдруг он, неожиданно для всех, развернулся и на полном ходу таранил одного из врагов. После боя наши танкисты обнаружили в искареженном танке обгоревшее тело героя.

На окраине села Яковлево стоит памятник, изображающий Вольдемара Шаландина в полный рост в комбинезоне танкиста. А неподалеку — большой мемориальный комплекс на месте одного из решающих сражений битвы на Курской дуге.

«7 июля — один из самых тяжелых дней Курской битвы». Член Военного совета 1-й танковой армии генерал Н.К.Попель писал в своей книге «Танки повернули на запад»: «Пожалуй, ни я, ни кто другой из наших командиров не видели такого количества вражеских танков. Генерал-полковник Гот... ставил на кон всё. Против нашей роты в 10 танков действовало 30—40 немецких. Гот отлично понимал, что, если он прорвётся к Курску, любые потери будут оправданы, любые жертвы не напрасны. Если прорвётся...»[8].

Гитлеровское командование бросило на прорыв все силы. На каждый километр фронта здесь приходилось около ста немецких танков. Огромное бронированное полчище устремилось на север. Могло ли что-нибудь остановить это неудержимое движение?

«Немцы были настолько уверены в своем подавляющем численном перевесе на этом маленьком участке, что шли исключительно нагло — походным порядком, растянувшись на много километров.

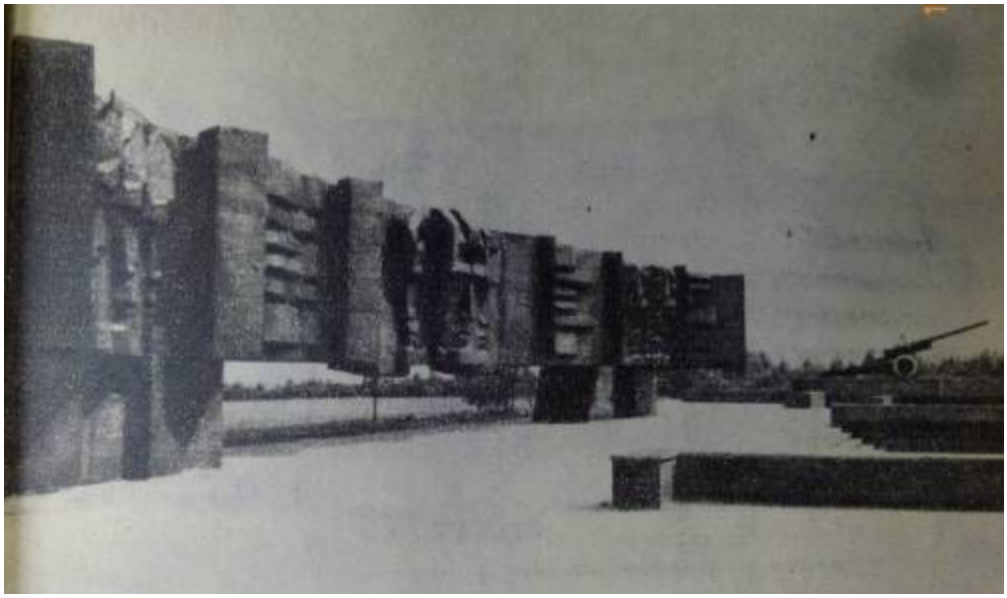
Они думали, что те ожесточенные бомбежки и обстрелы, которым до этого подвергались расположения наших частей, сделали свое дело и что им остаётся победным маршем пройти вперед. И вдруг со всех сторон перепаханного бомбами клочка земли всё затрещало, загрохотало. Взревели могучие моторы наших танков, и завязалась небывалая по остроте борьба»[9], — писал очевидец этих боев журналист Юрий Жуков.

Он же сообщает любопытную подробность: в одном из подбитых «тигров» нашими солдатами был обнаружен немецкий танкист, прикованный цепью за ногу к своему месту. «Прочна» была уверенность вражеского командования в стойкости своих танкистов!

В боях под Яковлевом отличились и наши артиллеристы. Одна лишь батарея капитана Гакаева уничтожила здесь 90 танков (из них 50 «тигров»). Попытка прорваться к Обояни кончилась для гитлеровцев поражением.

Большой мемориальный комплекс, посвященный подвигу советских воинов, стоит сейчас у самого шоссе. Огромная стела,

поднятая над землей на мощных опорах, является смысловой и художественной доминантой всего ансамбля. На ней — барельефные изображения воинов-героев. Создавая их обобщенные образы, авторы стремились в суровых, мужественных лицах этих людей передать основные черты героического характера: стойкость, непоколебимость, несгибаемый дух. Танк Т-34 и два боевых орудия удачно включены в ансамбль (авторы монумента А.Гребенюк, В.Козак, В.Леус).

Мемориальный комплекс на Яковлевских высотах. 1973. Авторы А.Гребенюк, В.Козак, В.Леус

Стела расположена на высоком цоколе, внутри которого находится Зал Боевой славы. В Зале развернута музейная экспозиция, посвященная битве.

Мемориальный комплекс на Яковлевских высотах. Фрагмент

Чуть правее памятника — небольшая высота (на этой плоской равнине даже еле заметный холмик называется уже высотой). Здесь сохранены нетронутыми со времен войны оборонительные укрепления: окопы, блиндажи. Из-за бруствера выглядывает орудийный ствол. Прямо на земле лежит памятная доска с надписью: «Эту высоту 7 июля 1943 года героически защищали доблестные воины 3-й механизированной бригады и артиллеристы 35-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 3-го механизированного корпуса 1-й танковой армии. За один день артиллеристы под командованием полковника Суровова Анатолия Петровича уничтожили 17 танков и более ста гитлеровских солдат и офицеров». Далее идет список особо отличившихся воинов.

Английский журналист Александр Верт, посетивший эти места вскоре после окончания сражений, писал: «...мы ехали по страшно опустошенной местности к северу от Белгорода, где в июле происходили самые ожесточенные бои в ходе Курской операции. «Живого места нет», как говорят русские. Такая

картина простиралась перед нами на многие километры вокруг, и воздух был наполнен смрадом от полузасыпанных трупов». И в другом месте: «...район к северу от Белгорода... превратился в мрачную пустыню — даже все деревья и кусты здесь были сметены артиллерийским огнем. Поле боя всё еще было усеяно сотнями сгоревших танков и разбитых самолетов»[10].

«На безымянной высоте» у села Яковлево

Сейчас трудно представить себе эту картину. Уже тридцать с лишним лет прошло с тех пор. На полях — рокот тракторов. Одна за другой подъезжают к памятнику легковые машины, украшенные лентами и шарами, женихи и невесты, окруженные толпой друзей, несут цветы к Вечному огню, зажженному в центре комплекса.

Сразу за памятником начинается огромное поле. Над ним летит самолет и что-то разбрасывает над землей. Далеко в поле копошится какая-то машина. Подсолнухи медленно поворачиваются вслед за солнцем... Нет, уже очень трудно представить то, что творилось здесь в июле сорок третьего.

От памятника на Яковлевских высотах видно далеко вокруг. Видна и дорога, которая начинается у села и тянется куда-то к горизонту. У самого поворота на неё с Симферопольского шоссе стоит указатель с названием «Прохоровка».

«Запомните, друзья, 12 июля 1943 года, запомните этот день и это местечко под названием Прохоровка»[11]. Так писал Главный маршал бронетанковых войск П.А.Ротмистров, бывший командир 5-й гвардейской танковой армии, вставшей на пути отборнейших танковых дивизий фашистской Германии: «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх».

Убедившись в невозможности прорвать советский фронт на Обоянском направлении, гитлеровское командование решило нанести мощнейший танковый удар восточнее Яковлева, вдоль линии железной дороги. Надо сказать, что немцы вовсе не рассчитывали на встречу с гвардейцами Ротмистрова. По их расчетам, в районе Прохоровки вообще не должно было быть крупных боевых соединений Красной Армии. И действительно, армия Ротмистрова ещё совсем недавно находилась в глубоком тылу.

На рассвете 12 июля две окутанные облаками пыли и дыма бронированные лавины двинулись навстречу друг другу. Началось крупнейшее в истории второй мировой войны танковое сражение.

Около полутора тысяч танков и самоходных артиллерийских установок участвовало в этом сражении. Глубина боевых порядков доходила до 4 километров.

«Широкое поле под Прохоровкой оказалось тесным для огромной массы сражающихся... Сцепившись в один гигантский клубок, танки уже не могли разойтись... На поле боя горело свыше сотни танков и самоходных орудий. Стоял страшный шум, в воздухе массами летали бронебойные снаряды, многие из них, ударяясь о броню, с визгом летели в сторону»[12].

Более четырехсот разбитых и сгоревших танков оставил враг на поле боя. «Острие танкового клина противника, надломленное в районе Обоянского шоссе, было окончательно сломлено»[13].

Вероятно, когда-нибудь на Прохоровском поле установят грандиозный монумент. Но, быть может, лучшим памятником великого сражения является само поле, широкое поле, на краю которого на высоком постаменте стоят танк Т-34 и две пушки по его сторонам.

Установка боевых орудий, танков на месте былых боев стала давней традицией. Иногда их включают в состав мемориальных комплексов, но часто просто устанавливают на постамент, и они сами становятся памятниками минувших событий. Памятниками и потому, что являются как бы участниками тех сражений, в честь которых они установлены, и потому ещё, что в самом облике их есть что-то монументальное. Силуэт танка на пьедестале динамичен, экспрессивен. И такой монумент лучше всего смотрится на открытом месте, среди ровного, ничем не загроможденного поля. Такого, как это поле у станции Прохоровка.

Здесь была окончательно решена судьба всей Курской битвы. Вскоре после Прохоровского сражения начался второй её этап: от оборонительных боёв Красная Армия перешла к наступательным операциям.

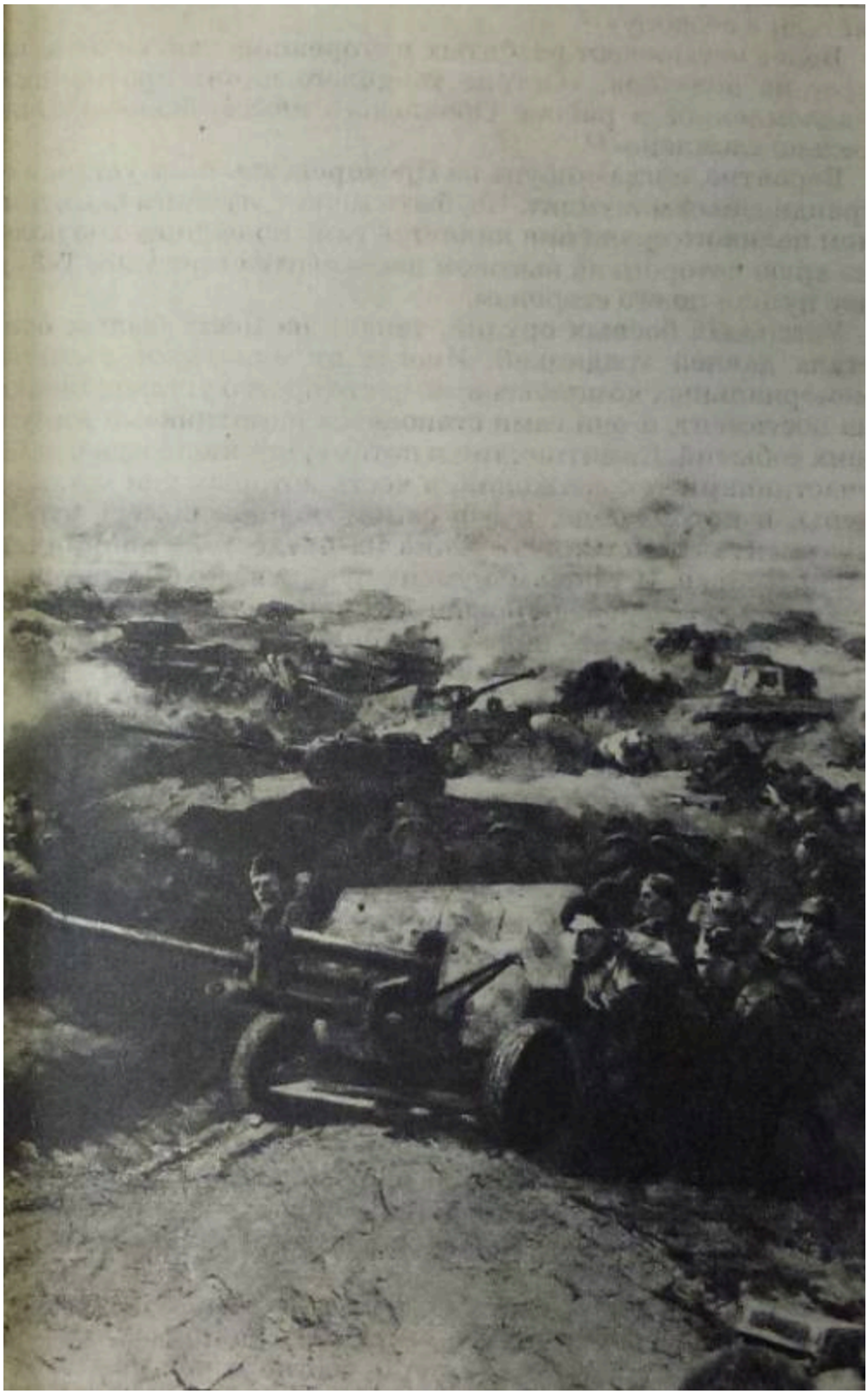
Диорама «Встречный танковый бой 12 июля 1943 года». Фрагмент.

Авторы Н. Присекин, П.Жигимонт. Курский краеведческий музей

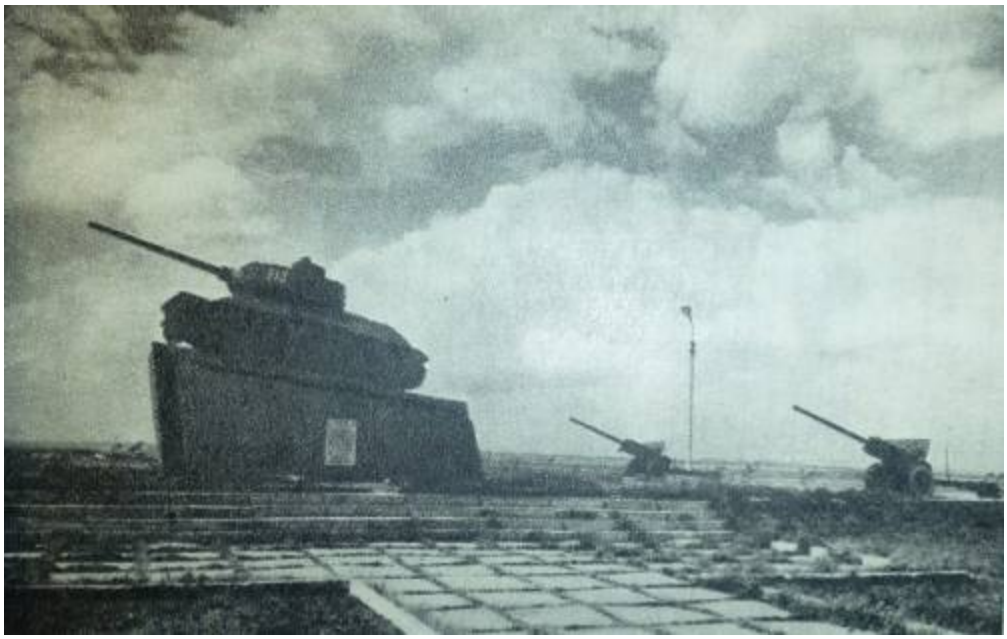
Но до конца самой битвы было ещё далеко. И много ещё жертв потребовала победа. О подвигах одних героев написаны книги, другие погибли безвестными. Но ведь уже само участие в битве — это тоже подвиг.

«Когда участок протяжением в 20—30 километров непрерывно в течение трех суток обрабатывают тысячи самолётов, орудий и танков, он видоизменяется настолько, что трудно понять, как в таком аду может сохраниться что-либо живое. Но стоит после сотой и сто первой воздушно-артиллерийской подготовки немецким танкам сунуться вперёд, как эта мёртвая земля оживает, и на их пути встаёт огненная стена»[14],— писал Юрий Жуков.

Идёт время, но память не даёт людям успокоиться. И спустя многие годы мы узнаём о новых подвигах. Находятся останки неизвестных героев, устанавливаются имена.

Диорама «Встречный танковый бой 12 июля 1943 года». Фрагмент.

Памятник-танк на Прохоровском поле

Если от Яковлева ехать по шоссе в сторону Курска, то километров через тридцать, у самой границы Курской и Белгородской областей, на перекрёстке дорог можно увидеть бронзовый бюст над могилой Героя Советского Союза А.К.Горовца. Это единственный в мире лётчик, который в одном воздушном бою сбил девять вражеских самолётов.

Группа, в состав которой входил гвардии старший лейтенант Горовец, возвращалась с задания. Машина Горовца была замыкающей. Вдруг над деревней Зоринские дворы лётчик заметил группу немецких бомбардировщиков, летевших бомбить наши боевые порядки. Никто не знает, отказала ли рация или в рёве и грохоте истребители не расслышали голоса своего товарища, но в бой с врагами вступил только самолёт Горовца. Горючее и боеприпасы были у него уже на исходе.

После первой же атаки на землю упало четыре фашистских самолёта. Остальные сразу же освободились от бомб, приготовившись пуститься наутек. Но в следующий заход Горовец уничтожил ещё четыре, а затем у самой земли настиг ещё одного.

И вот тут-то, когда у нашего летчика уже кончились боеприпасы и он уже возвращался на свой аэродром, на него обрушилась атака четырех истребителей врага… Это случилось 6 июля 1943 года.

Десятилетний мальчик Сергей Сергеев видел, как на поле близ деревни упал советский истребитель. В 1956 году, вернувшись со службы в Советской Армии, Сергей разыскал то место, где врезался в землю самолёт Горовца, и вместе с товарищами откопал останки лётчика-героя.

Памятник А.К.Горовцу. Скульптор Г.Нерода

Памятников, братских могил, мемориальных ансамблем на Курской земле много. С каждым годом число их растет. Понятно стремление отметить, увековечить память о подвиге советских людей.

Но не всегда художники, скульпторы оказывались на высоте поставленной перед ними задачи. Порою произведения их маловыразительны, единообразны. Во многих местах встречают нас либо традиционный солдат с поднятой вверх рукой, либо женщина с венком.

Одна из причин этого, конечно, в том, что огромное число памятников было установлено в сравнительно короткий срок. Кроме того, не следует забывать, что сооружались эти памятники на почти полностью разоренной врагом земле в те, уже далекие от нас, послевоенные годы, когда средства были ограничены и сооружение такого огромного количества монументов по индивидуальным проектам было просто невозможно. Избежать повторений в подобных условиях просто нельзя. Главное—всё же не забыли, не отмахнулись.

Идут годы. И уже много можно привести примеров, когда старые, разрушающиеся или просто слабые в художественном отношении памятники заменяются новыми, более совершенными. Уже прошло то время, когда нужно было просто не забыть и отметить каждую могилу, каждое место. Эта задача выполнена. Настало время создания высокохудожественных произведений, достойных великих событий на Курской дуге летом 1943 года.

2. Курск

«От туристов приходится летом слышать о местоположении Курска, что оно после Киевского по красоте первое»[15] — написано в одной из книг о Курске в начале нашего века. Конечно, спорить о красоте и распределять места — только время терять, но расположен Курск на месте и вправду замечательном. Древние русские города в большинстве своем

стоят удивительно живописно. Город возвышается обычно на крутом берегу реки, так что издалека ещё возникает перед путником его зубчатая панорама. Из самого же города, с крутого обрыва над рекой, открываются широчайшие просторы, необъятные и зовущие. Такими до сих пор остались многие из старых городов. Как бы ни менялся их внешний вид, главное оставалось: город на холме и бескрайняя даль за рекой.

Тут не только Киев можно вспомнить. Владимир, Рязань, Калуга, Ярославль... А из южных — Путивль, Новгород-Северский, Чернигов... Не исключение и Курск.

Высоко над Тускарью, при впадении в неё реки Кур (с этой речкой и связывают название города), была поставлена треугольная крепость. Подобное расположение объясняется не только пристрастием русского человека к красоте, но и военной выгодой: и обороняться легче и врага ещё издали заметить можно.

Когда был основан город — точно никто не знает. Поселение славян существовало здесь с незапамятных времен. Крепость же первую некоторые историки связывают с киевским князем Владимиром Святославичем и датируют постройку 990 годом. Другие оспаривают эту дату, указывая, что первое упоминание о Курске встречается в Печерском Патерике и относится только к 1002—1004 годам. Есть и третья дата — 1032 год. Не будем вмешиваться в этот спор. А то, что Курск — город древний, знают все. Кто не помнит из «Слова о полку Игореве»:

«...седлаи, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, оседлали у Курьска напереди. А мои ти Куряни сведоми кемети: подъ трубами повити, под шеломы възлелеяны, конець копия въскръмлени, пути имъ ведоми, яруты имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отверени, сабли изъострени, сами скачють, акы серыи влъци въ поле, ищучи себе чти, а князю славе»[16].

Историческая судьба Курска типична для большинства русских городов. В период княжеских усобиц много раз переходил он из рук в руки. Входили Курские земли (правда, недолго) и в состав Суздальского княжества. Во время батыевского нашествия город был сожжен, а героические защитники его погибли. Курск был

разрушен настолько, что, по утверждениям некоторых историков XIX века, он вообще прекратил существование более чем на 300 лет, до 1597 года, когда повелением Федора Иоанновича на месте якобы погибшего при Батые древнего города была выстроена новая крепость. Однако это утверждение неверно: Курск неоднократно упоминается в различных источниках и после Батыя. О новом разорении города в 1285 году рассказывает, например, «Повесть о граде Курске»:

«...и сему граду Курску пленену и до основания разорену сущу бывшу и оттоль многие годы пребывания пустея и от многих лет запустения положение того града Курска и уезд великим древесем поростоша и многим зверям обиталище быша...»[17].

Такому наказанию город был подвергнут за многолетнюю непрекращающуюся борьбу курян против татарского владычества. Может быть, и были после этого попытки восстановить крепость, но очень уж на «неуютном» месте стоял Курск. Впомнить хотя бы, что неподалеку проходил Муравский шлях, излюбленный путь татар на русские княжества. Татары, конечно, не могли позволить курянам восстанавливать здесь прежние укрепления. Очевидно, это и дало некоторым историкам основание утверждать, будто город на долгое время прекратил существование: ведь городом в Древней Руси называли не всякое поселение, а лишь место, огороженное крепостной стеной. Поэтому можно сказать так: не было Курска —города, но существовал Курск — населенный пункт, отстроенный после разорения на прежнем обжитом месте.

В середине XIV века Курская земля отходит под власть Литвы. Дрались из-за этой земли и русские князья. Только в 1508 году вошел Курск в состав Московского государства. Окончательно укрепившись в этих местах, московское правительство позаботилось о строительстве курской крепости. Произошло это, как уже было сказано, в самом конце XVI века.

Строительство крепости — одно из важнейших событий в истории города. С этого момента начинается его рост.

В 1612 году польские войска под начальством гетмана Жолкевского осадили город. В обилии бурных событий

Смутного времени затерялась скромная по масштабам оборона Курской крепости, длившаяся около месяца. Но из таких вот эпизодов и складывалась победа. Несколько раз пытались враги взять крепость приступом. Засылали лазутчиков, сеяли ложные слухи. Нашлись и предатели в русском стане, чуть было не сгубившие родной город. Но всё же он устоял. А когда после долгой осады измотанные голодом и нехваткой воды, но не сломленные духом куряне совершили смелую вылазку, Жолкевский решил, что благоразумнее всего отступить.

Ещё несколько осад выдержал Курск в XVII веке. Неспокойна была жизнь и в самом городе. Усиление классовых противоречий вызывало вспышки недовольства. Крупное антифеодальное восстание произошло в Курске в 1648 году.

В XVIII веке Курск утратил свое военное значение: границы были далеко, и нужды в крепости уже не было. Город, стоявший на пересечении многих дорог, превратился в торговый центр. Большой известностью пользовалась знаменитая курская Коренная ярмарка, одна из крупнейших в стране. С конца XVIII века Курск стал центром сначала наместничества, а затем губернии.

В условиях постоянной военной опасности Курск оставался очень долгое время городом небольшим. До середины XVII века все постройки здесь (включая острог) были деревянными. Каменное строительство начинается лишь во второй половине XVII века, когда возникает собор Знаменского монастыря (не сохранился), дом архимандрита, монастырские стены с башнями, усадебные постройки курского воеводы и некоторые здания Троицкого монастыря (всё это частично сохранилось до наших дней).

Эти первые каменные сооружения были возведены прежде всего в целях обороны: Знаменский монастырь являлся мощной цитаделью внутри крепости, а Троицкий монастырь и усадьба воеводы — форпостами на подступах к ней.

Чем дальше отодвигались границы государства, тем всё более разрастался, заселялся, отстраивался город. Подгородные слободы — Стрелецкая, Казацкая, Пушкарская — постепенно слились с посадом, образовали с ним единое целое. Курский

острог с начала XVIII века начал приходить в запустение. Со временем он был снесен, окружавший его ров «по высочайше конфирмованному в 1782 году о построении города плану зарыт, где и сделана площадь, весьма украшающая город, и названа «Красная»[18].

Планировка 1792 года внесла регулярность в дотоле беспорядочную застройку Курска. Город получил четкую прямоугольную сетку улиц. Основу планировки составляют сходящиеся на Красной площади почти перпендикулярно друг другу современные улицы Ленина и Дзержинского.

Если к 80-м годам XVIII века из имевшихся в Курске примерно двух тысяч домов было лишь около сорока каменных, то с превращением города в административный центр здесь развернулось каменное строительство. Архитектурный центр Курска складывается вокруг Знаменского монастыря. Здесь возникает несколько интересных сооружений: Дворянское собрание, дом архиерея, гимназия. В 1818—1826 годах строится грандиозный Знаменский собор, который сразу же приобрел исключительно важное значение в облике всего города. Была выполнена сложная градостроительная задача объединения зрительно разрозненных построек в неделимое целое.

Несколько классических зданий первой четверти XIX века как бы завершили формирование облика губернского дворянского города, каким был тогда Курск.

Конец XIX века характеризуется упадком городского строительства. Ведущая роль переходит в это время от дворянства к купечеству. Местные же купцы мало заботились о промышленном и культурном развитии города, занимаясь в основном скупкой в окрестных деревнях сельскохозяйственного сырья и перепродажей его не только на внутреннем российском рынке, но и за границей. Промышленность развивалась так медленно, что в 1897 году в Курске было всего 1160 рабочих. «В результате Курск постепенно превращался в захолустный город без перспектив для дальнейшего развития, отличаясь от других провинциальных городов исключительно большим числом

купцов... Отсталость экономики и культуры города пагубно отражалась на городском строительстве»[19].

Нельзя сказать, чтобы в купеческом Курске строительство прекратилось вовсе. Строили, может быть, даже более интенсивно, чем прежде, но значительных памятников архитектуры эта эпоха в Курске не оставила.

Жизнь в Курске в XIX веке была, по описаниям, тосклива и удручающе однообразна. Однажды судьба пыталась внести некоторые изменения в размеренную и сонную жизнь горожан, но безуспешно. При Александре I было решено учредить университет в одном из южных городов. Выбор пал на Курск. Спросили мнение самих курян. Те решительно воспротивились. Свой протест объяснили тем, что все студенты — безбожники, а университеты — «рассадники нечестия и вольнодумства». А поэтому просили не нарушать благочестивую жизнь курских обывателей. Так и остался город при своем, а университет открыли в Харькове.

Можно вспомнить также историю строительства вокзала в Курске, весьма характерную для провинции прошлого века. Удобнее всего было бы поставить вокзал в самом городе, но для составления проекта и необходимых работ инженеры требовали 10 тысяч рублей. «Отцы города» ответили: «Кому надо приехать, тот, где ни поставь вокзал, приедет»,— и отказали в деньгах. Железную дорогу провели в стороне от города, вокзал поставили за рекой. (Кстати, строительство дороги от вокзала до города стоило впоследствии много дороже.)

Интересно, что подобную же примерно историю рассказал А.П.Чехов в повести «Моя жизнь»:

«Вокзал строился в пяти верстах от города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила к самому городу, просили взятку в пятьдесят тысяч, а городское управление соглашалось давать только сорок, разошлись в десяти тысячах, и теперь горожане раскаивались, так как предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смете обходилось дороже»[20].

Трудно поверить, что это написано не про Курск.

Но всё это уже в прошлом. И лишь проходящая стороной железная дорога напоминает о нерасчетливой скупости курских купцов. Впрочем, Курск с того времени настолько разросся, что вокзал находится уже в черте города. Да и вокзальное здание — новое, послевоенное. Старое было разрушено войной.

Война не пощадила город. Очень многое здесь было уничтожено.

Но всё же в Курске сохранилось несколько ценных памятников архитектуры. Прежде всего — это древнейшее в городе сооружение, так называемый «дом Ромодановских». Точная дата постройки его неизвестна. Здание связывали даже с эпохой Бориса Годунова. Но по более достоверным сведениям, «дом Ромодановских» был построен во второй половине XVII века. По преданию, он принадлежал роду бояр Ромодановских (отсюда и название памятника). В XVII веке представители этого рода дважды исполняли обязанности курского воеводы. Так что нет ничего невозможного в том, что и возведен он был в годы службы одного из них.

«Дом Ромодановских» был когда-то одним из красивейших сооружений Курска. В окружении ветхих домишек и землянок бедного люда палаты (пожалуй, их можно назвать в известном смысле дворцом курского воеводы), вероятно, подавляли богатым видом и великолепием.

«Дом Ромодановских» в Курске. XVII в

По центру главного фасада «дома Ромодановских» расположено массивное крыльцо с мощными и приземистыми восьмигранными каменными столбами и полукруглыми арками. Над крыльцом небольшой башенкой возвышается теремок. Маленькие окошки его смотрят на три стороны. Крыльцо с теремком придает особую выразительность всему зданию, является подлинным его украшением. В прежние времена украшала палаты венчавшая их кованая решетка. Кровля на четыре ската была выложена большими квадратными листами и раскрашена в разные цвета в шахматном порядке. Узорчатые фризы из фигурного кирпича опоясывали дом. Окна были оформлены характерными для XVII столетия наличниками.

Живописный декор древнего сооружения не дошел до наших дней. И теперь в облике «дома Ромодановских» более отчетливо выступает и другая особенность здания: монолитная кладка толстых стен, сооруженных из особо прочного крупного кирпича, маленькие окошки, имевшие когда-то на себе кованые решетки, мощные своды, для укрепления которых использовались железные полосы— «затяжки»,— от всего этого веет холодом беспокойного и сурового времени, когда подобные сооружения были и домом, и крепостью, и тюрьмой. Сохранявшаяся угроза внешнего нападения и частые мятежи городских низов заставляли господ тщательно заботиться о собственной безопасности. Да, за такими стенами можно было при случае отсидеться во время холопьего бунта. Ниши, тайники, устроенные в стенах, придают дому еще большее сходство с крепостью. Интересно, что в XVII веке во второй этаж можно было попасть по единственной лестнице, которая шла вдоль наружной стены здания, начинаясь со стороны двора, затем поворачивала и по главному фасаду поднималась ко второму ярусу крыльца. Второй, жилой этаж, таким образом, не имел прямого сообщения с первым, что делало его, конечно, более неприступным. В теремок же вела особая узкая лестница, выложенная внутри одной из стен здания. Вход на неё был устроен в глухом и темном углу, который кажется ещё темнее из-за того, что всякому, кто приближается к этому месту, бьёт в глаза свет из расположенного рядом окна.

Глухие подвалы, «каменные мешки» древних палат предназначались и для устрашения врагов и для расправы над ними. Легенда утверждает, что именно сюда, к этому дому, были доставлены взятые в плен Степан Разин и его брат Фрол и здесь переданы воеводе Ромодановскому. Может быть, в «каменном мешке» этого дома Разиных продержали некоторое время перед отправкой в Москву.

В XVIII веке внешний вид здания был несколько изменен. К этому времени относятся, без сомнения, угловые рустованные пилястры и наличники с полукружиями в верхней части над окнами второго этажа. Всё это искажает, даже в известном смысле уродует облик древнего сооружения.

Вообще «дом Ромодановских» давно нуждается в подлинно научной реставрации. Да и использовать здание можно иначе, нежели сейчас. Древнейшее сооружение города заслуживает иной участи, чем быть заурядным складским помещением.

Существует предание, что когда-то «дом Ромодановских» составлял единый комплекс с расположенной через дорогу церковью Нижней Троицы (XVII век). Дом и церковь были якобы связаны высокой галереей и входили в состав одной усадьбы. Если это так, то здесь был интереснейший архитектурный ансамбль. Но и сегодня «дом Ромодановских» и Троицкая церковь образует как бы единое целое, являясь небольшим фрагментом городской застройки второй половины XVII века.

Церковь Нижней Троицы — типичное сооружение конца XVII столетия. Внушительный восьмерик церкви с небольшой главкой покоится на четверике, как бы вырастающем над восточной частью высокой прямоугольной в плане трапезной, над западной же её частью высится восьмигранная ярусная колокольня. Восьмерик, четверик и ярусы колокольни украшены простыми поясками-фризами из небольших балясин. Окна церкви оформлены скромными в верхней части полуциркульными наличниками.

Здание имеет два этажа. Нижний этаж был приспособлен для богослужений в зимнее время, холодная летняя церковь располагалась в верхней, более просторной и светлой части здания.

Церковь Нижняя Троица в Курске. Конец XVII в.

В XVIII веке церковь была несколько перестроена, но её облик не был искажен так сильно, как у сходного с ней храма Верхней Троицы, памятника архитектуры конца XVII века. Очевидно, Нижняя и Верхняя Троицы построены почти одновременно, но если Нижняя была приходским посадским храмом, то Верхняя

Троица принадлежала когда-то женскому монастырю, являвшемуся северным форпостом Курского острога. (От самого монастыря, кроме церкви, до наших дней ничего не сохранилось.) В XVIII и XIX веках Верхняя Троица была перестроена, и сегодня только восьмерик с небольшой главкой выглядывает из пристроек более позднего времени. Декор этого восьмерика выглядит ещё скромнее, чем у Нижней Троицы. Да и сама Верхняя Троица кажется намного ниже, приземистей. Это впечатление усиливается тем, что церковь как бы «утонула» в окружающих пристройках. Но в восточной части храма остались незастроенными древние алтарные апсиды, и с этой стороны здание имеет эффектный и внушительный вид. Существующая ныне колокольня, повторяющая облик шатровых колоколен, типичных для XVII века, была, очевидно, выстроена в конце прошлого столетия.

Церковь Верхняя Троица, в Курске. Конец XVII в. Перестроена в 1836 г.

Велика роль подобных сооружений в формировании городского пейзажа. Возвышаясь над окружающими домами, Нижняя Троица, например, является основной архитектурной доминантой большого района. Без неё силуэт местности стал бы плоским, невыразительным.

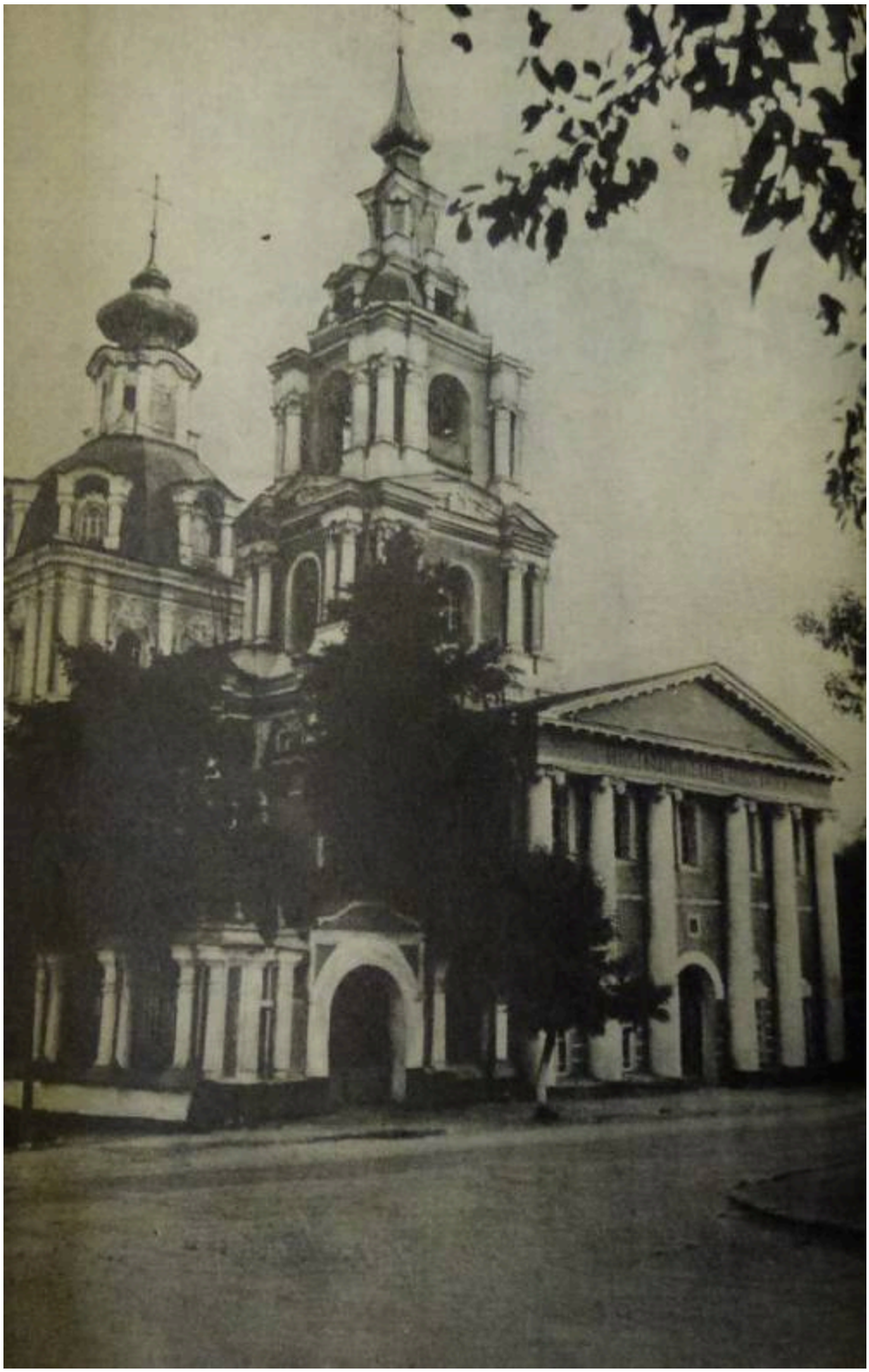
То же самое можно сказать и о других церквах (их, кстати, не так уж много в Курске). Если ехать мимо Курска по железной дороге (а в это время перед взором медленно разворачивается вся городская панорама), то сразу бросается в глаза особая выразительность церковных зданий в общем силуэте города. Этому способствует и расположение некоторых храмов: они

возвышаются над самым обрывом, на переднем плане, и ничто не заслоняет их от взора.

Церковь Верхняя Троица. Фрагмент

Центральное место в панораме города занимает шедевр курской архитектуры — Сергиево-Казанский собор (1762—1778). «Сия церковь великолепием своим превосходит прочих всех»[21] — сказано о храме ещё в XVIII веке. То же самое можно сказать о нём и сегодня. Среди прочих строений Курска собор выделяется своим нарядным, праздничным видом.

Сергиево-Казанский собор в Курске. 1762—1778

Сложные карнизы с раскреповками, фигурные наличники, лепные украшения на стенах, колонны и пилястры коринфского ордера, причудливый силуэт завершения храма и колокольни — всё это придает храму особую живописность, изысканность.

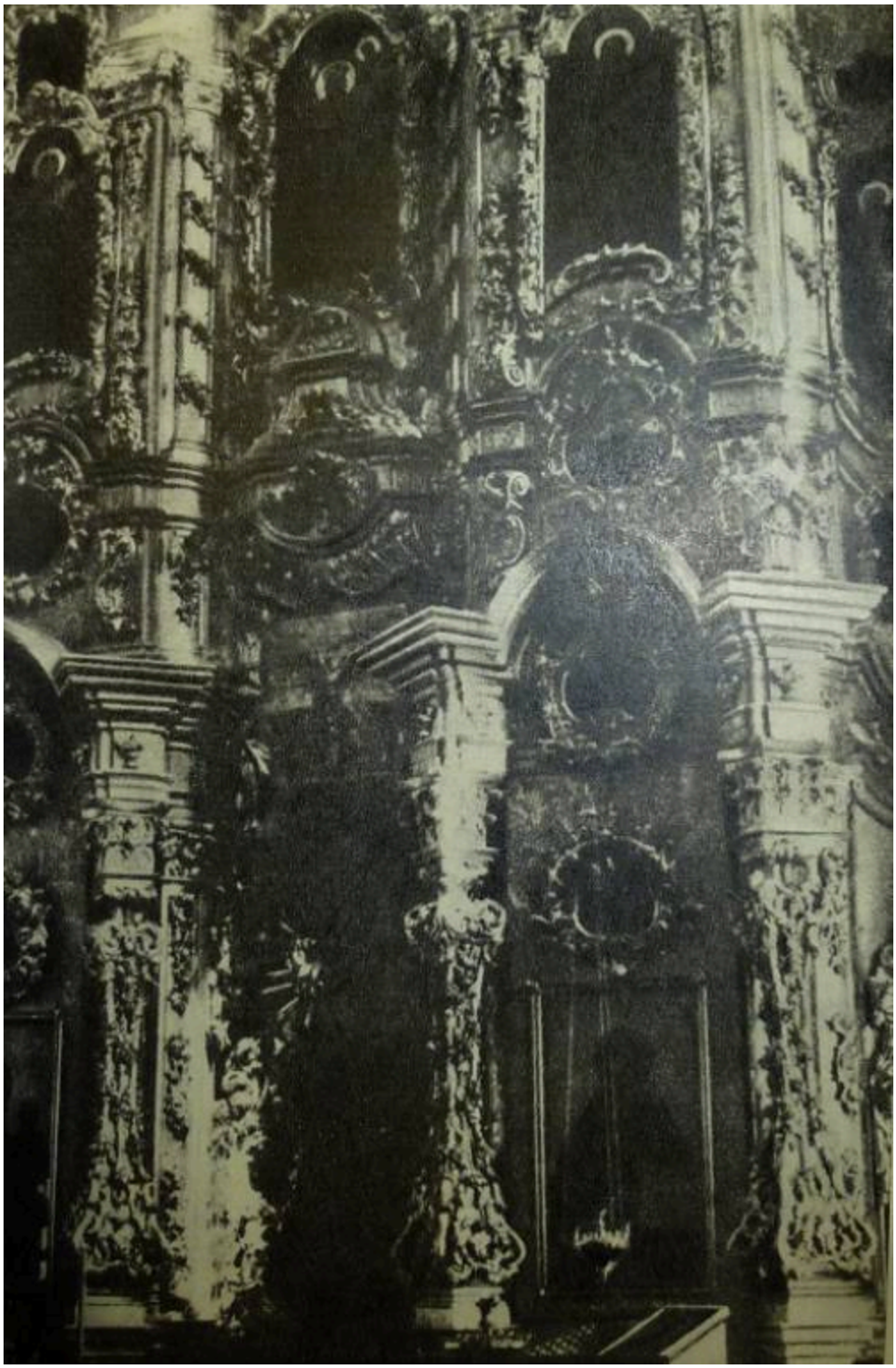
Сергиево-Казанский собор. Фрагмент

Очень часто автором собора называют крупнейшего зодчего эпохи барокко В.Растрелли. Однако если всмотреться в храм внимательнее, после того как пройдёт первое впечатление, то начинает одолевать сомнение: точно ли его строил сам Растрелли? По сравнению с произведениями Растрелли декор храма кажется суховатым, здесь нет того изящества, которое было присуще растреллиевским творениям. Колокольня по пропорциям своим несколько грузновата, как будто что-то чуть придавило её сверху, мешая непринужденному стремлению ввысь, так характерному для Растрелли. Да и само авторство Растрелли документально не подтверждено.

Сергиево-Казанский собор. Фрагмент

И всё же собор — подлинное украшение Курска. Несомненным произведением искусства является соборный иконостас. XVIII век вообще славится иконостасами. Кого могут оставить равнодушными знаменитые иконостасы Успенского собора в Смоленске, Петропавловского в Петербурге или Троицкого в Пскове! Курский иконостас не так широко известен (и скорее всего, потому, что город этот реже посещается экскурсантами и туристами), но художественная ценность его от этого не становится меньшей. Золотая ажурная стена возвышается почти до самого свода. В основе резного оформления иконостаса — растительный орнамент.

Сергиево-Казанский собор. Иконостас

Если в XV—XVI веках главным достоинством, основной художественной ценностью иконостаса была икона, то к XVIII столетию на первое место выходит оформление, и на фоне его пышного великолепия икона теряется, её чаще всего просто не замечаешь, не обращаешь на неё внимания.

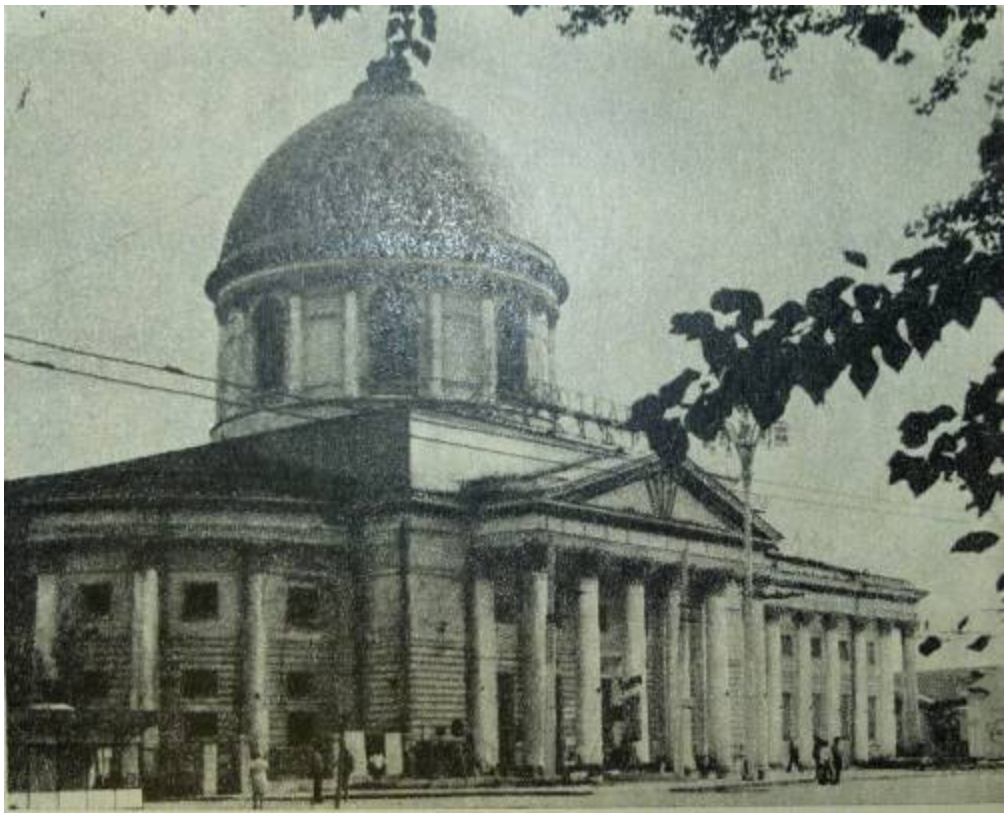
По стенам и сводам собора размещены позолоченные лепные рельефы. Они делают храм ещё наряднее, торжественнее.

Иконостас, о котором шла речь, находится а верхней церкви Сергиевского собора. Нижняя же — зимняя — его церковь по убранству своему значительно скромнее. Однако и здесь можно видеть украшения из резного позолоченного дерева.

В XIX веке к собору была сделана небольшая классицистическая пристройка (лестничная клетка со стороны колокольни), нарушившая целостный облик здания в западной его части.

Собор бывшего Знаменского монастыря является второй архитектурной доминантой в общей панораме города. Он был выстроен в 1816—1826 годах архитектором А.И.Мельниковым.

Три портика с колоннами коринфского ордера и фронтонами украшают здание с северного и южного фасадов, а также со стороны главного, западного, входа в собор. Колоннам портиков вторят равные им по размерам коринфские полуколонны, опоясывающие собор по всему периметру его стен. Такие же полуколонны помещены и на огромном барабане под куполом храма. Подобный прием подчеркивает единство и незыблемую монолитность всего сооружения.

Собор бывшего Знаменского монастыря в Курске. 1816—1826. Архитектор А.И.Мельников

В 30-е годы нашего века были разобраны четыре малых купола по углам центральной части здания, а также две колокольни над западным притвором. Во время Великой Отечественной войны собор был сожжен, но в послевоенные годы восстановлен по проекту архитекторов С.И.Федорова и Л.А.Литошенко. Здание переоборудовано сейчас в двухзальный кинотеатр «Октябрь».

Знаменский монастырь в XVII столетии был как бы «крепостью в крепости». Его территория входила в состав «острога», выстроенного в Курске в конце XVI века. Укрепления того времени не дошли до наших дней. Остались часть монастырской стены и круглая башня, в основе своей относящиеся к XVII веку, но существенно перестроенные в XVIII веке. Именно к этому времени относится, конечно, купол с круглыми люкарнами, украшающий башню монастырской ограды.

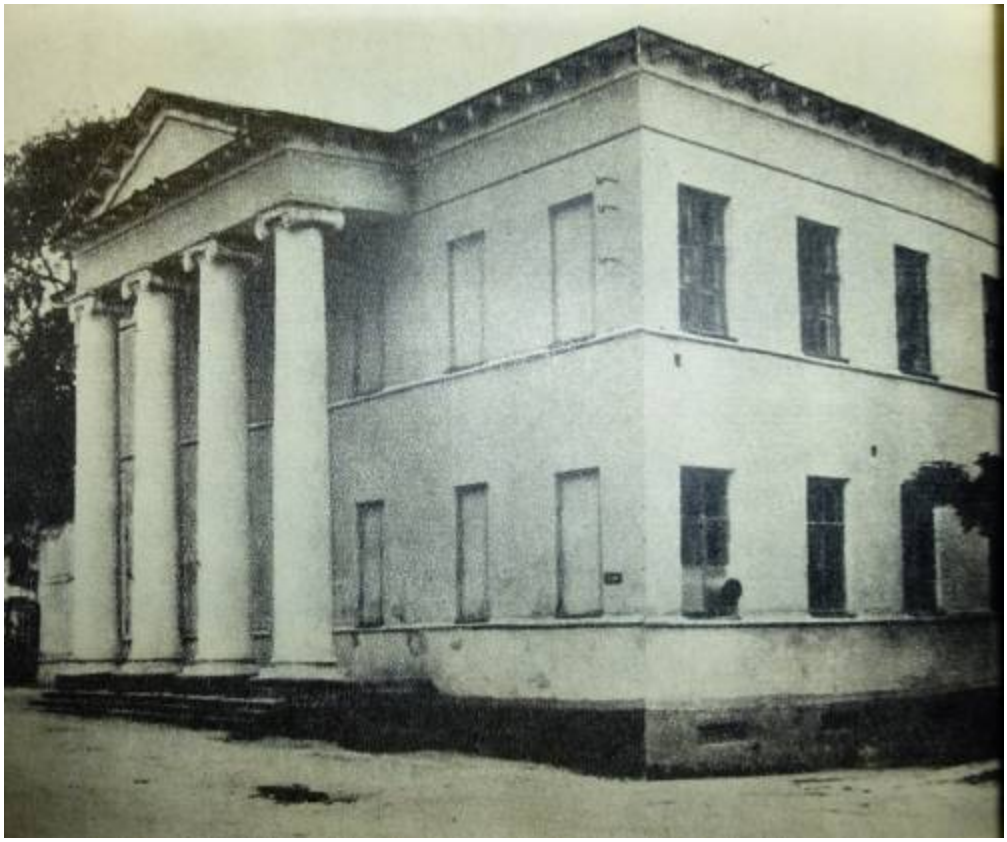
Стена и башня бывшего Знаменского монастыря в Курске. XVIII в.

Сохранились на территории монастыря также некоторые постройки прошлого века, но большой художественной ценности они не имеют, да и доступ к ним в настоящее время затруднен.

Классицизм оставил в Курске несколько памятников гражданской архитектуры. Наибольший интерес среди них вызывает здание областной больницы (бывший дом Денисьева, конец XVIII века) на углу Советской и Семеновской улиц. Его приписывают архитектору Дж.Кваренги.

Внешний вид «дома Денисьева» отличается строгостью и лаконизмом оформления. С трех сторон прямоугольного в плане здания расположены четырех- и шестиколонные ионические портики с фронтонами. Ровные плоскости стен прорезаны двумя рядами ничем не украшенных окон. Когда-то

над центральной частью здания возвышался купол, но в 1930-е годы он был разобран.

Бывший дом Денисьева (областная больница) в Курске. 1790. Архитектор Д.Кваренги (?)

Кажется, нет достаточных оснований категорически утверждать принадлежность здания именно Кваренги, однако нельзя не согласиться, что подобные сооружения весьма характерны для эпохи раннего русского классицизма. «Дом Денисьева» по духу своему напоминает многие постройки Кваренги в России на рубеже XVIII—XIX веков. (Тут можно вспомнить хотя бы здание Академии наук в Петербурге.) Вопрос этот требует, конечно, более тщательного изучения.

Памятником архитектуры классицизма является также бывший архиерейский дом, находящийся рядом со Знаменским монастырем. Сводчатые комнаты первого этажа этого здания

сохранились от древней постройки XVII века. Здесь находились когда-то покои игумена монастыря. В начале XIX века была возведена основная часть дома с традиционным фронтоном и шестиколонным портиком, а в 1853 году к зданию были сделаны две пристройки с северной и южной стороны.

В архиерейском доме сейчас располагается Курский краеведческий музей. После революции сюда начали свозить художественные коллекции из бывших дворянских имений, богатых городских особняков.

Особенно богатой была коллекция из усадьбы Барятинских Марьино. Эта усадьба находится на дороге из Курска на Рыльск. В ней и по сей день сохранился большой дворец, памятник русского классицизма, перестроенный, правда, в середине прошлого века и во многом утративший классическую простоту и ясность. Вокруг дворца — великолепный парк с прудами, каналами, фигурными мостками, павильонами. В Курском краеведческом музее находится картина неизвестного крепостного художника, изображающая владельцев Марьина на фоне усадьбы. Всякому, кто знаком или только собирается познакомиться с усадьбой, будет интересно взглянуть на картину: на заднем плане здесь виден дворец, и по этому его изображению можно ясно представить себе, каким он был до перестройки.

Бывший архиерейский дом (Краеведческий музей) в Курске. XVII—XVIII в.

Значительная часть марьинской коллекции находится сейчас в Рыльском музее, однако многое из собрания Барятинских можно увидеть и в Курске. Во дворе Краеведческого музея стоят, например, мраморные статуи, вывезенные Барятинскими из Италии. Это не античные подлинники, а лишь копии, выполненные в XVIII столетии, но и они представляют значительную художественную ценность.

Экспонаты же краеведческого музея посвящены природе и истории Курского края. Специальная экспозиция рассказывает об открытии и разработке богатств Курской магнитной аномалии. Большой интерес представляют материалы, посвященные выдающимся уроженцам Курской земли.

У самой стены музея со стороны Красной площади стоит древняя каменная баба. Таких немало можно было видеть когда-то в нашей южной степи. Рядом с бабой — большой валун, причудливо «обработанный» самой природой, придавшей ему сходство с неким степным животным.

В 1935 году на основе художественной коллекции Краеведческого музея в Курске была создана областная

картинная галерея, пополнившаяся затем многими произведениями изобразительного искусства XVIII—XIX веков, а также советского периода.

Курская картинная галерея, которой недавно присвоено имя А.А.Дейнеки, уроженца Курска, находится в доме № 3 по Советской улице. Здесь можно увидеть: портреты кисти Ф.С.Рокотова, В.Л.Боровиковского, В.А.Тропинина, И.Н.Крамского, И.Е.Репина; пейзажи А.К.Саврасова, Ф.А.Васильева, И.И.Шишкина, И.К.Айвазовского, В.Д.Поленова, К.Ф.Юона, этюды И.И.Левитана; жанровые полотна В.Е.Маковского, А.А.Дейнеки, Кукрыниксов; скульптуры М.К.Клодта, Н.А.Андреева, Е.В.Вучетича; графику М.В.Нестерова, Л.О.Пастернака, В.А.Серова. Один этот весьма неполный перечень имен говорит о немалой ценности художественного собрания галереи.

Каменная баба у стены Краеведческого музея в Курске

Многие произведения, выставленные в Курской галерее, являются авторскими повторениями или этюдами к картинам, находящимся в Третьяковской галерее, Русском музее и других крупных музеях страны.

Например, здесь есть вариант хранящегося в Государственном Эрмитаже портрета великой княгини Александры Павловны работы В.Л.Боровиковского. Как старый знакомый, встречает нас в Курске прекрасный пейзаж В.Д.Поленова «На Тивериадском (Генисаретском) озере». Москвичи, да и не только москвичи, должны хорошо помнить эту картину по Третьяковской галерее.

Небольшая картина Л.И.Соломаткина «Славильщики» имеет несколько вариантов, в том числе в Русском музее и в Третьяковской галерее.

Курская галерея может гордиться не только вариантами известных полотен, но и оригинальными произведениями. Картина И.К.Айвазовского «Буря на Черном море» по праву считается одним из значительных произведений в собрании галереи, так же как и «Портрет Алеши Репина», выполненный И.Е.Репиным в связи с работой над образом А.С.Пушкина.

А.А.Дейнека. Пионер. 1934. Курская областная картинная галерея имени А.А.Дейнеки.

А.А.Дейнека. Лыжники. 1950. Флорентийская мозаика. Курская областная картинная галерея имени А.А.Дейнеки.

В разделе советского искусства привлекают внимание «Женский портрет» Б.М.Кустодиева и «Портрет М.В.Морозова» И.Э.Грабаря. Знаменитая «Лениниана» Н.А.Андреева представлена бронзовой скульптурой «Ленин слушает доклад». Трудно пройти мимо пейзажей В.К.Бялыницкого-Бируля — художника, умевшего передавать настроение и характер русской природы.

В галерее немало произведений художников — уроженцев Курской земли. С жизнью Курского края было тесно связано творчество К.А.Трутовского, художника-реалиста второй половины XIX века. В своих работах Трутовский изображал различные черты крестьянского быта. Из имеющихся в собрании музея произведений художника наибольший интерес представляет картина «В половодье», сочетание пейзажа и жанровой сценки.

В собрании галереи имеется около тридцати работ одного из основоположников русской исторической живописи

В.Г.Шварца, родившегося, жившего и работавшего в Курске. Среди них — «Отстреливающиеся французские солдаты», «Негр», множество этюдов.

Немало полотен художников-курян экспонируется в разделе советского искусства. В первую очередь здесь необходимо назвать имена старейших мастеров Е.М.Чепцова, П.Х.Лихана, А.А.Дейнеки.

Но перечислить всё, чем богата Курская галерея, разумеется, трудно. Да в этом и нет нужды. В таких случаях всегда вспоминается старая истина: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Это и остается пожелать всякому, кому случится побывать в Курске.

В городе находится также музей Курской битвы. Его экспозиция размещена в нескольких залах Дома офицеров (бывшего Дворянского собрания) на Верхненабережной улице, неподалеку от Знаменского монастыря.

Улица, на которой стоит бывшее Дворянское собрание (а также башня и часть ограды Знаменского монастыря), начинается неподалеку от Красной площади. В районе этой главной площади Курска сосредоточены многие достопримечательности города — музеи, архитектурные памятники. К ней, как уже было сказано, сходятся две осевые магистрали городской планировки — улицы Ленина и Дзержинского. Даже само исторически сложившееся название площади — Красная, то есть красивая — тоже имеет большое значение: Красная площадь должна всегда оставаться «красной», всегда украшать город. Облик площади имеет определяющее значение в архитектурном облике всего города.

В годы войны Курск был сильно разрушен, и не будет большой ошибкой сказать, что современный вид центральной части его сложился в основном в послевоенное время. Несколько значительных сооружений появилось на улице Ленина, площади Перекальского. Это и жилые дома и административные и торговые здания. Но особое внимание в послевоенном строительстве было уделено ансамблю Красной площади. Архитекторам удалось добиться стилевого единства всего комплекса застройки прошлого века и нашего времени. С

южной стороны возвышается Знаменский собор, и, думается, именно на него ориентировались архитекторы при возведении самых значительных зданий комплекса. Мощная колоннада собора как бы находит свое повторение в колоннаде Дома Советов (архитектор А.Г.Шукалин), расположенного в северной части площади. Угловые портики здания горкома КПСС (архитекторы П.Г.Стенюшин и Н.С.Власенко) и гостиницы (архитектор П.С.Стенюшин) вписываются в общий ансамбль, не нарушая его единства.

Центр Курска

Здания горкома и гостиницы отмечают выход на площадь улицы Ленина, поэтому они играют важную роль и в ансамбле

центральной городской улицы. Если по улице Ленина подходить к Красной площади, то классические детали угловых зданий становятся своеобразной рамой для виднеющегося в перспективе улицы Знаменского собора.

Красная площадь в Курске

Перед зданием Дома Советов установлен памятник В.И.Ленину (скульптор М.Г.Манизер). На противоположной стороне — памятник «Героям-курянам». На огромной плите, украшенной мозаичным изображением солдата в развевающейся плащ-палатке, выбиты имена курян, погибших в годы Великой Отечественной войны.

От Красной площади через Сад имени 1 Мая можно выйти к крутому пятидесятиметровому обрыву над Тускарью. С высоты

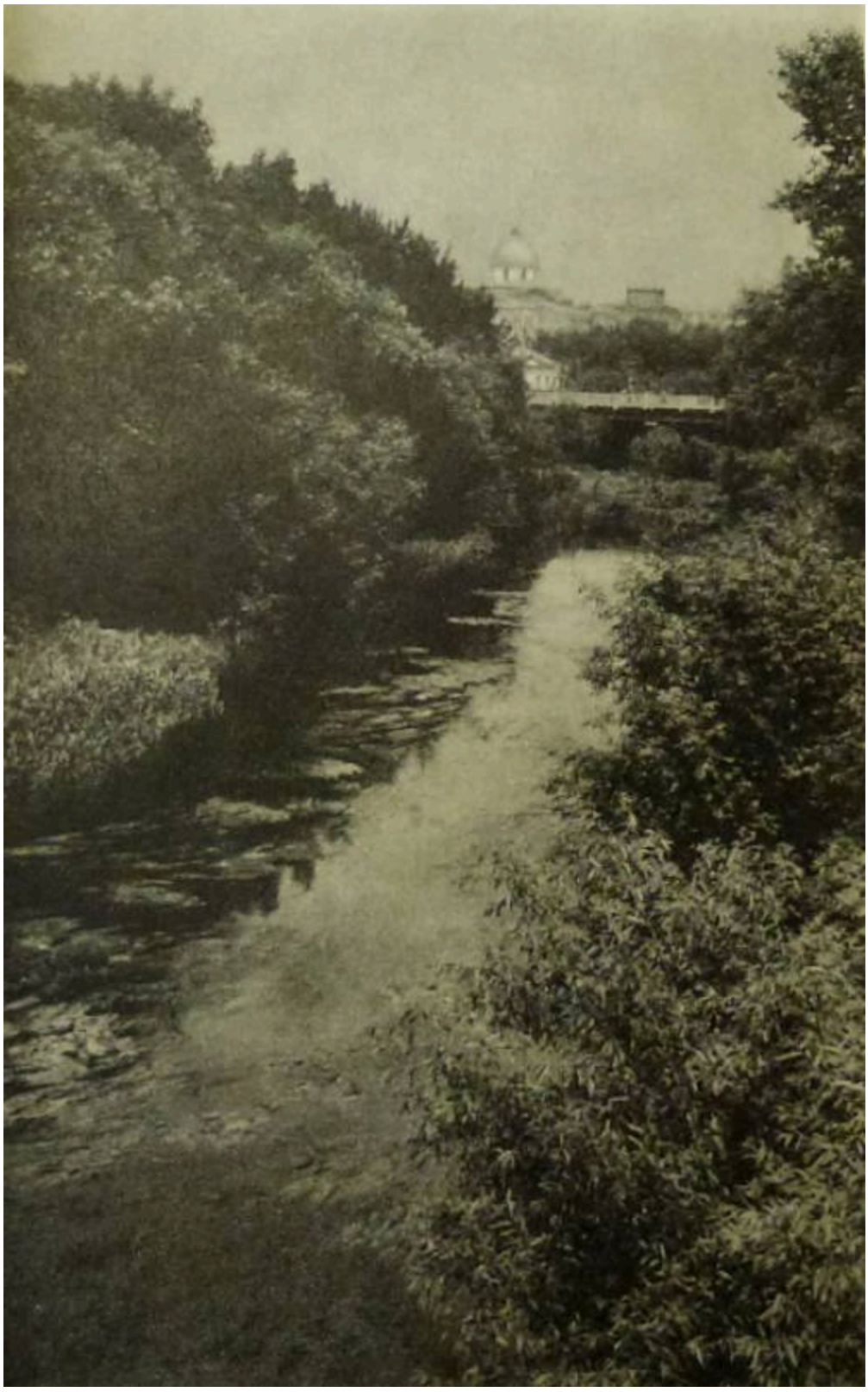
открываются отсюда широкие просторы за рекой. Курск — город сравнительно большой, но близость природы чувствуется здесь во многих местах: так удачно его расположение. Если идти улицей Ленина, протянувшейся параллельно берегу реки, то в перспективе почти всех пересекающих ее под прямым углом переулков возникают небольшие пейзажи, кусочки заречья. Кажется, будто «окна в природу» открываются из самого центра города. Природа дополняет архитектурный облик города, придает ему своеобразие и особую выразительность.

Прощаясь с Курском, можно снова вспомнить слова путешественников начала века о местоположении города: «...оно после Киевского по красоте первое».

Центр Курска

Окрестности Курска не слишком богаты достопримечательностями. Но два места посетить следует: усадьбу Моква и бывший монастырь — знаменитую когда-то Коренную Рождество-Богородицкую пустынь.

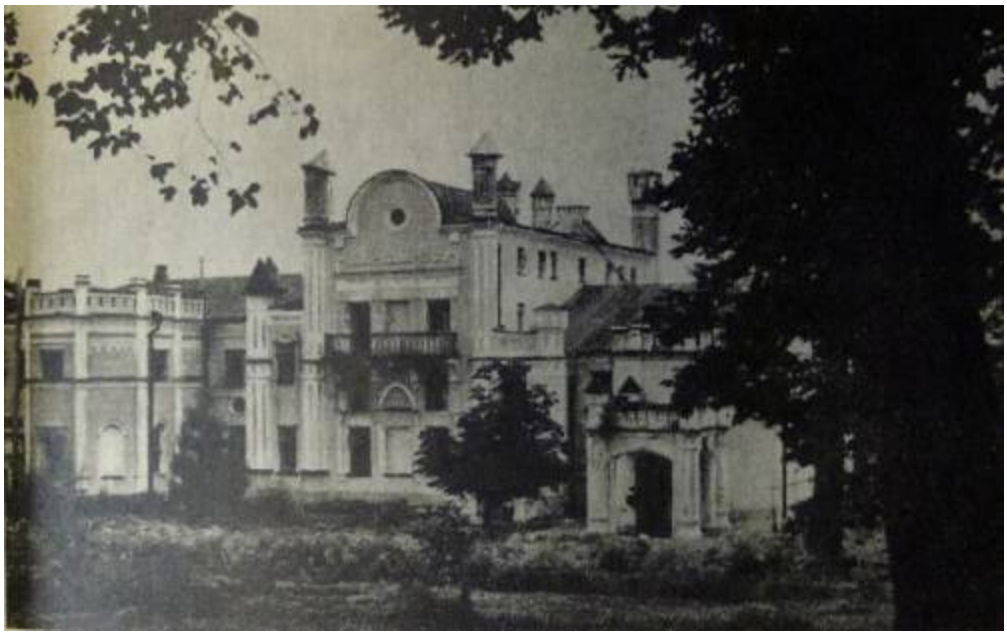
Река Тускарь в Курске. Вдали — купол Знаменского собора

Усадьба Моква находится совсем недалеко от Курска, до неё можно доехать на городском автобусе.

С конца XVIII века владельцем усадьбы стал некто Аркадий Иванович Нелидов. Судьба этого человека весьма любопытна. В 22 года он получил чин майора. В этом, впрочем, не было ничего необычного для того времени, но через два дня он стал уже подполковником, а два месяца спустя — генерал-адъютантом. В 1796 году он получил от Павла I тысячу душ вместе с усадьбой Моква. И за какие всё это заслуги? — Он был братом Екатерины Нелидовой, фаворитки царя. В 1798 году Нелидов получил отставку и был сослан в свое имение. За какие провинности? — Павел разошелся с его сестрой. При Александре I в 1811—1818 годах Нелидов был курским губернатором. Почему он был назначен на эту должность? — Как «пострадавший» при Павле.

Вот так, не имея никаких личных заслуг, но также и никакой вины за собой, совершал свои «взлеты» и «падения» первый владелец усадьбы. Потомки его были людьми и вовсе незаметными.

В 40-е годы XIX века в Мокве был выстроен большой дворец. Вокруг него разросся парк с тенистыми аллеями. Сейчас здесь размещен санаторий.

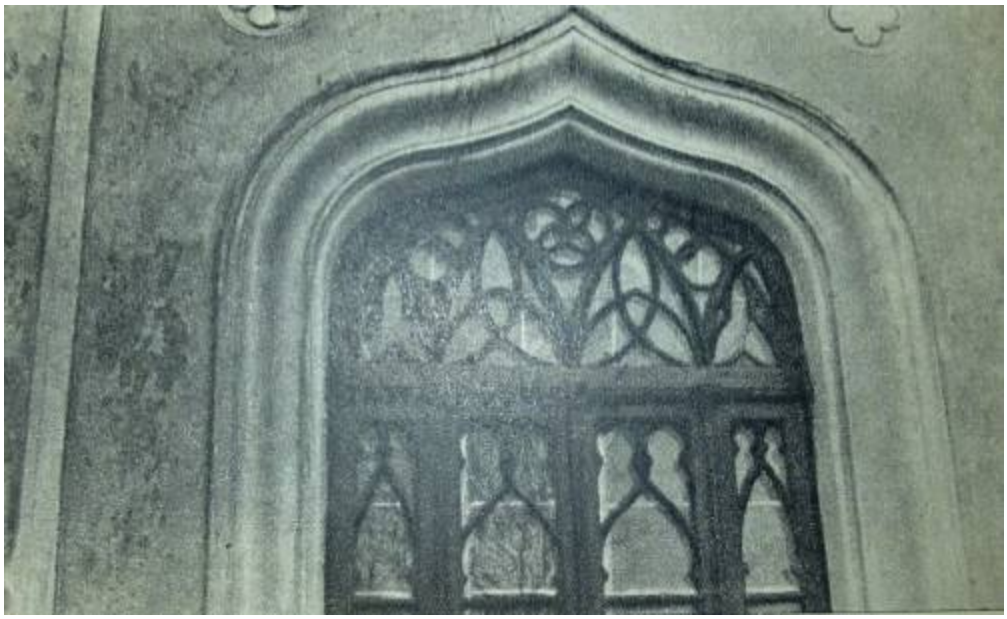

Дворец в усадьбе под Курском. 40-е гг. XIX в.

Всякий, кому довелось побывать в подмосковной усадьбе Марфино, сразу же отметит сходство между дворцами Марфина и Моквы. Сооружения эти — ровесники, и оба относятся к тому архитектурному стилю, который часто именуют «николаевской готикой». Обилие различных по форме и по размерам башенок, зубцов, стрельчатых «готических» окошек придает зданию дворца в Мокве причудливый и необычный вид. Как справедливо отмечает профессор М.А.Ильин, «готика николаевского времени 30—40-х гг. XIXв. существенно отличается от предшествующего подобного же стилистического направления. Здесь уже нет попыток воскресить древнерусские формы и приемы. Собственно готического здесь несравненно больше»[22].

В оформление здания включены даже переплеты окон и дверей, повторяющие оформление дворца в Марфине и образующие затейливый сложный орнамент.

Живописны и интерьеры дворца Моквы, выполненные в том же стиле. К сожалению, нам неизвестно имя автора этого здания. Возможно, им был строитель Марфина Быковский.

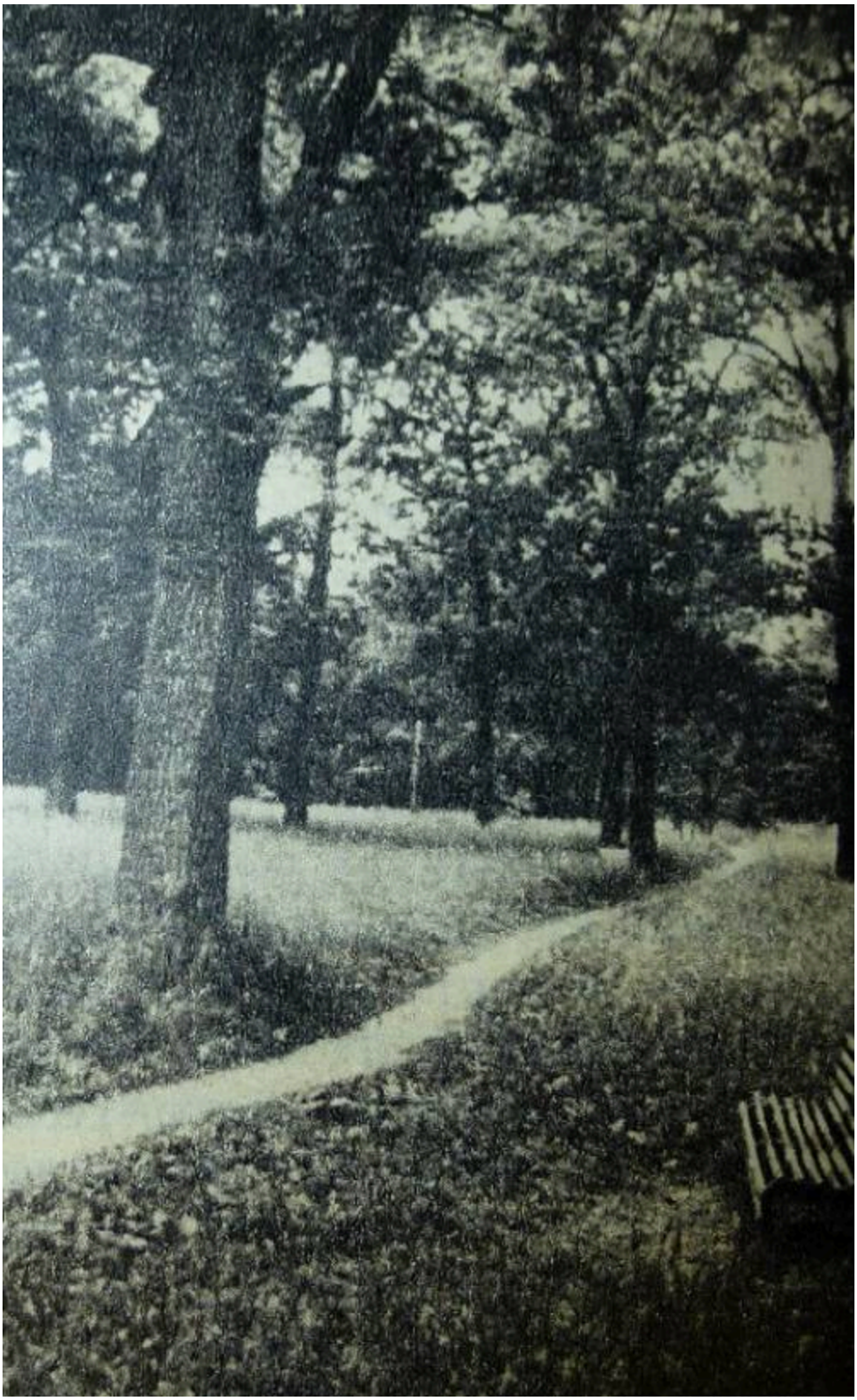
Фрагмент декора дворца в Мокве

Поиски новых выразительных средств, связанные с постройкой дворца в Мокве, в чём-то предвосхищают работы мастеров эпохи модерна на рубеже XIX—XX веков. Достаточно, например, сравнить дворец со зданием курского банка (архитектор Ф.И.Лидваль)[23], чтобы отметить некоторое сходство приемов, примененных при их оформлении. «Готические» стрельчатые окошки, башенки и зубчики есть и на здании банка. Конечно, здесь можно говорить только об отдаленном сходстве этих сооружений, но сходстве всё же ощутимом.

Здание банка в Курске. Конец XIX в. Архитектор Ф.И.Лидваль

Парк усадьбы Моква является интересным памятником садово-паркового искусства XIX века.

Парк усадьбы Моква

Парк усадьбы Моква

Подъезжая к Коренной пустыни со стороны Курска, издалека видишь на холме одноглавую белую церковь. Потом, уже вблизи, она разочаровывает своим видом: грузная «тоновская» архитектура ее маловыразительна; но издали церковь необычайно привлекательна, она гордо царит над местностью (тут точнее всего подходит именно это, уже немного затасканное, слово — царит), она стала самой приметной особенностью всей округи.

Природа Курской земли несколько однообразна, лесов здесь мало, и чаще всего перед глазами плоская равнина. Редкостью являются здесь и немногие сохранившиеся церковные постройки. И поэтому там, где они всё-таки имеются, сразу понимаешь, видишь, чувствуешь, как необходимы они здесь. Архитектура разнообразит окрестность, делая её

выразительной, она становится организующим началом всякого пейзажа, без неё он пуст.

Если подходить к монастырю со стороны железнодорожной станции, церковь является верным ориентиром, но потом начинаешь различать, что она стоит сама по себе и к монастырю отношения не имеет. Остатки же монастырского ансамбля всё более четко выделяются в зелени деревьев, растущих по склону высокого берега Тускари.

От монастыря сохранилось немногое: Святые ворота с колокольней, от которой остался лишь нижний ярус, просфорня, корпус настоятеля, братский корпус. Каждое из этих зданий не представляет собою ничего особенного, примечательного, но все вместе, даже сейчас, они составляют интересный ансамбль. Когда-то он был более выразительным: в центре прямоугольной площади, покато спускающейся к реке, стоял большой собор середины прошлого века. Храм возникал перед входящим в монастырь сразу, вырисовываясь в арке Святых ворот, как в раме. Подобная планировка — расположение на одной оси монастырского собора и Святых ворот — применялась при строительстве многих русских монастырей, не была исключением и Коренная пустынь. Теперь же от всего комплекса осталась лишь площадь. Кроме собора были здесь и другие церковные сооружения, но и они не сохранились.

Начало истории Коренной пустыни теряется где-то в XIII веке. Легенда рассказывает, как некий житель Рыльска, проходя берегом Тускари, обнаружил у корня дерева (отсюда и название — Коренная пустынь) лежащую ниц икону Знамения. Для иконы была устроена часовня.

На месте маленькой часовни в 1597 году был основан монастырь — Коренная пустынь. Сама икона после многих перемещений обосновалась в Знаменском соборе Курска. Но каждый год устраивались от города до монастыря (а расстояние между ними примерно 27 верст) торжественные крестные ходы. При огромном стечении народа икона доставлялась к месту «чудесного обретения».

Местные жители наперебой рассказывают, что именно здесь, в Коренной пустыни, писал И.Е.Репин свою картину «Крестный ход в Курской губернии». По описанию церковников, крестные ходы эти происходили в необычайно торжественной и «благостной» обстановке. Однако картина Репина лучше всяких слов передает атмосферу, в которой совершались подобные шествия.

С историей пустыни связано существование у стен монастыря большого торга, давшего начало знаменитой Коренной ярмарке, по значению второй в стране после Макарьевской. Этот торг, зарождение которого относят к первой половине XVII века, был не только местом товарного обмена между Россией и Украиной, но до открытия южных и балтийских портов в начале XVIII века выполнял функцию коммерческого посредника между Россией и Западной Европой.

В 1793 году Екатерина II дала разрешение на строительство здесь Гостиного двора, который сооружали почти двадцать лет. Проект огромного комплекса Торговых рядов был составлен выдающимся архитектором Дж.Кваренги.

Сколь грандиозен был проект, можно судить по сохранившемуся плану, составленному Кваренги. Длинные ряды магазинов с колоннадами образовывают большую круглую площадь в центре всего торгового комплекса. Площадь, очевидно, должна была производить впечатление огромного римского форума. Но, к сожалению, мы можем теперь прибегать только к помощи своего воображения.

Уже в конце XIX века сообщалось, что в связи с запустением ярмарки здания приходят в негодность, разрушаются. На фотографии того времени видны настоящие развалины. В наше время от этих построек фактически ничего не сохранилось.

С высокого холма далеко видна вся окрестность. Вьется неширокая Тускарь. Деревни, поля, железная дорога вдали, небольшие перелески. Тихо и спокойно вокруг.

3. Город-крепость Орёл

Очень часто отношение к городу определяется тем впечатлением, которое получает человек, впервые его увидев. Тут порою играют роль вещи совсем уж незначительные, даже погода: в тусклый и пасмурный день город тоже может показаться серым и хмурым.

Орёл — город во многих отношениях замечательный, и, чтобы полнее понять и почувствовать его, вначале лучше всего, не задаваясь целью непременно сразу оглядеть его достопримечательности и музеи, просто пройтись по тем его улицам и площадям, которые наиболее характерны для этого города, которые определяют его облик в нашем сознании и наше отношение к нему.

Каждый город имеет в своем облике что-то особенное, свое, неповторимое. И трудно разобраться порою, что именно создает эту неповторимость. Часто и выдающихся сооружений как будто нет или почти нет; отдельные же здания, улицы — самые обыкновенные. А всё вместе составляет нечто своеобразное, хорошее или плохое — не в том даже дело, но такое, чего не встретишь больше ни в каком другом месте.

Да и всмотреться — в каждом почти доме можно увидеть что-то непередаваемое словами, милое, обаятельное. Ф.М.Достоевский говорил, что дома имеют свою физиономию. Вглядываться в эти физиономии, раскрывать неповторимость каждой — занятие в высшей степени увлекательное. Порою можно обнаружить много любопытного.

Да ведь и не просто же дома это, холодные камни. За каждым — человек. И тот, кто строил, и тот, кто сейчас живет.

Только торопиться не следует. Иначе всё пройдет стороной. Всё мимо...

От «Тургеневского бережка», с крутого обрыва над Окою, открывается панорама левобережной части Орла. Кварталы невысоких домов, над которыми кое-где возвышаются главы церквей и колоколен, уходят, кажется, к самому горизонту. В отдалении видны дымящиеся фабричные трубы,

промышленные корпуса. Сверху хорошо проглядываются направления основных улиц, заполненных транспортом. Город представляется отсюда огромным, движущимся, живым, беспокойным.

От парка на «Тургеневском бережку» лучше всего пересечь большую центральную площадь и спуститься по улице Ленина, бывшей Болховской, к мосту через Орлик. Болховская — одна из наиболее сохранившихся улиц дореволюционного Орла и весьма характерна для провинциального города конца прошлого века. В перспективе улицы виднеется небольшой кусочек городской панорамы и огромное пятиглавие грузного храма «тоновской» архитектуры. Верхним же своим концом она ориентирована на центр площади, где высится теперь над всеми прочими сооружениями внушительное здание Дома Советов, ставшее архитектурной доминантой не только центральной площади, но и всей нагорной части Орла.

Вдоль берега Орлика тянется большой зелёный бульвар, уходящий под мост, к которому выводит улица Ленина. На противоположном берегу — древнейшая часть Орла.

Сразу за мостом возвышается церковь Михаила Архангела — памятник классицизма начала XIX века. Рядом с храмом — классическая ротонда-часовня, придающая особую привлекательность этому уголку города.

А неподалеку — небольшая площадь перед городским театром. Неоклассическая угловая ротонда Театра имени Тургенева, доминирующая в ансамбле площади, стала для многих архитектурным символом Орла.

В северной части площадь переходит в короткую улицу, выводящую к берегу Оки. По левую сторону улицы вытянулся трехэтажный корпус Торговых рядов, выстроенный в середине прошлого столетия. Открытая аркада галереи нижнего этажа заставляет вспомнить аналогичные сооружения в других городах Российской империи. Напротив Торговых рядов — здание, которое вторит им своим обликом и размерами, создавая здесь запоминающийся архитектурный ансамбль.

Торговые ряды в Орле. Середина XIX в.

От Торговых рядов можно выйти к мосту через Оку. Слева видна отсюда обрывающаяся к реке круча «Тургеневского бережка». Справа в отдалении — главы и колокольня Ахтырской церкви, памятника архитектуры XVIII века. За мостом — Сквер танкистов, и дальше ансамбли городской застройки советского времени, в основном послевоенных лет.

Здесь открывается один из самых привлекательных видов города. Разбегаются глаза: куда идти дальше? Всё интересно, везде нужно побывать, всё хочется увидеть.

Торговые ряды в Орле. Фрагмент

Но лучше всего спуститься на берег реки и пройти к виднеющемуся совсем рядом монументу в честь 400-летия

Орла. Он поставлен на том самом месте, где возникла в середине XVI века древняя Орловская крепость. Она была заложена здесь, при слиянии рек Орла (с 1784 года её стали называть Орликом) и Оки. Легенда утверждает, что, когда при начале строительства крепости был срублен могучий столетний дуб, с его вершины взлетел в небо большой орёл и это якобы определило название города. Однако проще связать имя города с названием протекающей здесь реки.

Деревянная Орловская крепость была выстроена одновременно с другими крепостями этой земли на границах Русского государства для защиты его с юга. Датой основания Орла принято считать 1566 год.

Монумент 400-летия Орла. 1966. Архитектор Р.К.Топуридзе, скульптор А.Н.Бурганов

Судьба Орла в XVI—XVII веках была типичной судьбой русской крепости, не раз подвергавшейся нападению врагов. Их многочисленные набеги порою приносили городу большие беды и разорения. Так, в 1571 году, уже через пять лет после возникновения крепости, её почти полностью разрушил Девлет-Гирей. Но на следующий год указом Ивана Грозного Орёл был укреплен вновь «более прежнего». Постепенно рос и примыкавший к крепости посад. О его существовании напоминают современные Посадские улицы Орла.

XVII век начался на Руси страшным бедствием: неурожай и повальный голод охватили почти всю страну. Повсюду возникали и росли народные волнения. Пошли тёмные слухи о таинственном и чудесном спасении царевича Димитрия.

Гонимые голодом, целые толпы беглых крепостных крестьян потянулись в Орловские земли: здесь выдался сравнительно неплохой урожай. Но можно ли было прокормить им столько голодных? Начались грабежи, разбой на дорогах, нападения на дворы и усадьбы помещиков и богатых людей.

В самый разгар голода помещики не препятствовали побегам своих холопов: в каждом побеге они видели избавление от лишнего рта. Но когда пришла нужда в рабочих руках и помещики захотели вернуть своих беглых крепостных, те, вкусив уже вольной жизни, возвращаться в кабалу желания не имели. Крестьяне объединялись в отряды, порою немалые, поднимались на борьбу против господ. То здесь, то там вспыхивали бунты, восстания, и усмирить всех недовольных властям было уже не под силу.

Многие из таких крестьянских отрядов поддержали Лжедимитрия, связывая с «законным царем» свои надежды на отмену крепостной зависимости.

Хотя таких отрядов было в Орловских землях немало, сам Орёл дольше других городов хранил верность Борису Годунову. Причина проста: воеводой здесь долгое время был родной брат царя — Иван Федорович Годунов. Однако в мае 1605 года новый орловский воевода Федор Шереметьев вышел навстречу

самозванцу с хлебом и солью. Лжедимитрий I, впрочем, в Орле задержался недолго и вскоре двинулся дальше.

В 1607 году Орел был занят войсками Болотникова, который рассылал отсюда свои грамоты, призывая местных крестьян присоединиться к нему для похода на Москву. Болотников получил в Орле значительное подкрепление и выступил навстречу царской рати.

В конце 1607 года в Орле появился Лжедимитрий II. Кто был этот самозванец, мы не знаем, но по всему было видно, что человек он был отчаянный, или лучше сказать — отпетый. Ведь он появился в городе, который совсем недавно видел первого Лжедимитрия. Многие орловцы должны были знать его в лицо. Но одни успели уже сложить головы, другие были далеко, третьи предпочитали помалкивать. Всё же нашлись и такие, которые решили избавиться от нового самозванца и составили заговор. Но Лжедимитрий вышел сухим из воды, а затем начались его метания между Орлом и Карачевом: ни тот, ни другой город не казался ему достаточно надежным пристанищем. Наконец, после неудачной попытки овладеть Брянском, самозванец решил провести зиму 1607/08 года всё-таки в Орле. Только бездействие царских воевод, которые находились в это время с большим войском в непосредственной близости от Орла, спасло его и помогло собраться с силами.

Лжедимитрий собирал вокруг себя разрозненные крестьянские отряды, прельщая их обещаниями освободить от помещичьей неволи. Он усиленно одаривал своих сторонников поместьями, рассылал грамоты, величая себя всеми титулами московских царей. Любопытно, что в это время повсюду объявлялось великое множество различных самозванцев, выдававших себя за представителей царского рода. Некоторые из них, называя себя родственниками царя Лжедимитрия, явились в Орёл, рассчитывая на сладкую жизнь при «царской особе». И самое курьезное во всей этой истории то, что беспощадную борьбу с ними повел сам «царь Димитрий», приказывая казнить или бить кнутами и сажать в тюрьму каждого такого новоявленного «родственника», чтобы другим было неповадно.

Основную силу Лжедимитрия II составляли польские войска. Поначалу самозванец пытался проявить свою независимость от них, держался с ними гордо, надменно. Но поляки очень скоро дали ему понять подлинную суть происходящих событий. Самозванец фактически оказался в плену у «находившихся у него на службе» поляков и вынужден был во всём подчиняться их требованиям.

Конечно, большинство и русских и поляков не верили ни в то, что самозванец — подлинный Димитрий, ни даже в то, что он Лжедимитрий I. Многие высказывали свое неверие открыто. Тогда была разыграна комедия «уверения неверующего», при помощи которой надеялись прекратить толки о самозванстве.

Некий поляк в присутствии многих свидетелей начал разговаривать с «царем», вспоминая различные эпизоды царствования Лжедимитрия I, и при этом намеренно ошибался. Самозванец же всякий раз поправлял его и рассказывал, как было на самом деле. Вскоре поляк воскликнул: «Милосердный царь! Признаюсь тебе, я доселе не считал тебя за того, который царствовал на Москве; но теперь дух святой осиял меня, я верю, что ты тот самый!»[24].

В начале мая 1608 года войско Лжедимитрия выступило из Орла. В сражении под Болховом самозванец обратил в бегство царских воевод, а затем приступил к Москве и обосновался в Тушине.

Отступая в 1611 году из Орла после гибели «Тушинского вора», поляки почти полностью сожгли и разорили город, который находился после этого в развалинах двадцать с лишним лет.

В 1614 году на Орловской земле появился с большим отрядом полковник Лисовский, принесший много бед этому краю. После того как местные воеводы не смогли выгнать поляков Лисовского, утвердившихся в Карачеве, из Москвы было выслано войско князя Пожарского. Узнав это, поляки решили бежать, но Пожарский настиг их возле Орла, и здесь, в трех верстах от города, на так называемом Царевом Броду произошло кровопролитное сражение.

Первый день сражения сложился для русских неудачно. Передовые отряды воевод Пушкина и Исленева не выдержали натиска Лисовского и бежали. В результате у Пожарского против 3 тысяч поляков осталось всего 600 человек. Тогда Пожарский обгородился телегами и до вечера отбивал все нападения врага. С наступлением ночи битва прервалась. Лисовский, не предполагавший, что у русских осталось так мало войска, отступил и разбил лагерь в двух верстах от обоза Пожарского.

Многие из русских воинов предлагали Пожарскому скрыться и, пользуясь темнотой, бежать к Болхову. Пожарский же ответил: «Всем нам помереть на этом месте»,— и приказал готовиться к нападению. Тем временем подошли бежавшие с поля боя ратники. Тогда было решено напасть на Лисовского в его собственном лагере, однако тот отступил к Кромам, затем к Болхову и таким образом избежал окончательного поражения.

В 1616 году поляки совершили новое нападение на Орловский край. Враг был выбит, но Орел пришел в окончательное запустение, и московские власти даже перестали посылать сюда своих воевод.

Только в 1636 году указом Михаила Федоровича «для бережения от Крымских и Ногайских людей... на старом Орловском городище поставлен город, а в нем устроены ратные и жилецкие люди»[25].

В 1645, 1646, 1650, 1659, 1662 годах Орловская земля подвергалась опустошительным набегам крымских татар. И не стоит лишний раз говорить, сколько бед принесли они русским людям.

Крепость же в Орле постепенно разрушалась, приходила в ветхость. Воевода Афанасий Титов доносил царю в 1672 году: «...на Орле по осыпи город сделался худ и развалился, башни раскрыты, острог подгнил и упал; а без поделки городу и острогу быть нельзя, и в приход воинских людей в нем сидеть страшно»[26].

Разрешение на ремонт крепости было получено, но пока суд да дело, пока шла переписка, составлялись расчеты и планы, в

городе случился пожар, обративший Орёл в пепел.

В те времена крепость и посад занимали лишь небольшую часть современного города, располагаясь на левом низменном берегу Оки. После пожара жители решили испросить разрешение строиться на более удобном, возвышенном месте, о чём и писали в своей челобитной, указывая невыгоды старого местоположения: «...старый город Орёл поставлен в низком месте, и в приход воинских людей от пушечной стрельбы укрыться в городе нельзя, и в полую воду казенный погреб заливает, и зелейную казну во все годы от воды выносят вон на городскую стену; и в сполошное время, по вестям от воинских людей Орловского уезда, уездные люди, видя городскую некрепость, бегают в иные города и в леса»[27].

Но тут опять началась такая волокита, что, не дождавшись разрешения, орловцы построились на старом месте. Вопрос же о строительстве крепости вскоре отпал за ненадобностью.

В начале XVIII столетия Орел был небольшим городишком, затерявшимся среди начинавших скудеть лесом плодородных хлебных земель.

«Город Орёл,— писал о нём современник,— стоит на Оке-реке в степи на низком месте на левой стороне; город деревянный ветх уже, жильем не многолюден; пристань соленая и хлебная зело велика; матица хлебна! Орёл-река сквозь градское жилье течет и пала в Оку с левой стороны; лесом и дровами зело нужно; церквей каменных много; монастырь мужской зело хорош, ограда каменная»[28].

В XVIII веке с усилением тягот крепостной жизни участились случаи побега крестьян в леса, где возникали порою многочисленные отряды, нападавшие на помещичьи усадьбы, грабившие купеческие обозы, не дававшие спуску никому, кто попадался им на дороге. Предание утверждает, что однажды они набросились на самого Петра I и отступились только после того, как он назвал им себя. На вопрос царя, что заставило их заняться такими делами, разбойники якобы ответили: «Твои, государь, чиновники, наши супостаты-антихристы, одолели

нас!» Царь, как и водится в народном предании, помиловал разбойников.

Но на самом деле царские власти, конечно, не могли смириться с существованием огромного числа беглых крестьян-разбойников. Не раз посылались из Москвы специальные войска для усмирения непокорных. И всё же борьба с ними была трудна: разбойничьи отряды постоянно пополнялись, местные же крестьяне очень часто видели в них своих защитников и поддерживали чем могли.

В связи с этим возникло множество легенд, сказок, историй о разбойниках, и нетрудно разглядеть классовую направленность большинства этих преданий. Особенно популярны были рассказы о благородном Тришке-Сибиряке, удалом атамане и народном заступнике. Вот краткое содержание одной из сказок о Тришке.

Некий помещик, известный своими жестокостями, получает письмо от Тришки с требованием раздать своим крестьянам по 50 рублей за нанесенные им обиды. Помещик, конечно, приказания не исполняет. В новом письме Тришка требует выдать крестьянам уже по 100 рублей. Помещик и на этот раз не желает подчиниться. В третьем письме Тришка предупреждает, что скоро явится сам и велит барину готовиться к встрече. Помещик вооружает крестьян и надеется отбить нападение Тришки. В это самое время из города на помощь помещику является отряд солдат под командой офицера. Офицер обещает барину защиту и покровительство, но затем, оставшись с ним наедине, открывает свое подлинное имя. Разумеется, офицер — это переодетый Тришка. Он требует у барина выплаты денег крестьянам, кроме того, налагает на него за непослушание немалую «контрибуцию». Помещик вынужден подчиниться. После этого случая барин ведет себя тише воды, ниже травы, а для крестьян наступает счастливая привольная жизнь.

Ходило также множество легенд о разбойнике Кудеяре, о неком Федьке Рытике, который, будучи посаженным в острог, рисовал на стене лодку и на ней уплывал от своих тюремщиков. Обилие разбойников в Орловском крае породило известные поговорки:

«Орёл да Кромы — первые воры. Елец всем ворам отец. А Ливны самим ворам дивны».

Вообще большое число разбойников в Орловском крае объясняется, очевидно, и богатством этих мест. Орловские купцы вели обширнейшую торговлю, и прежде всего — хлебом, который в изобилии родился на плодородной земле. В Орле находилась одна из крупнейших хлебных пристаней на Оке. Город постепенно рос, развивался.

В 1778 году Орел становится центром губернии. На следующий год он получает, подобно другим городам Российской империи, регулярный план застройки. На необжитой территории в нагорной части Орла, по левому берегу Орлика и Оки, возникло множество дворянских особняков. Вероятно, ещё в начале XIX века этот район стал называться «Дворянским гнездом». Орловское купечество селилось на так называемой Кромской стороне, в районе современных улиц Гагарина, Сакко и Ванцетти. Немалая часть застройки Орла прошлого столетия сохранилась здесь и по сей день.

Жизнь Орла в XIX столетии протекала относительно спокойно. Промышленность в городе почти не развивалась. Значение Орла как торгового центра, «перевалочного пункта» на пути товаров из южных губерний к Москве и Петербургу, упало со строительством во второй половине XIX века железной дороги: грузы теперь миновали город, не задерживаясь здесь как прежде. Обмелевшая Ока не могла уже использоваться для торгового судоходства.

Никакие потрясения не тревожили тихое существование провинциального дворянско-купеческого города.

Многое изменилось в Орле с той поры. Сегодня Орёл — большой промышленный город. И облик его всё больше определяется застройкой последних лет — теми зданиями, улицами, площадями, целыми кварталами, которые возникали здесь в послевоенное время.

Генеральная схема планировки Орла была составлена ещё в конце 30-х годов. Но война принесла городу такие разрушения, что план реконструкции Орла нужно было составлять заново.

В историю Великой Отечественной войны Орёл вошел как город первого салюта. 5 августа 1943 года, ровно через месяц после начала Курской битвы, Красная Армия освободила Орёл и Белгород. В этот день в Москве впервые прогремел победный салют.

«В привычных сумерках суровых
Полночным залпом торжества,
Рукоплеща победе новой,
Внимала матушка-Москва.

И говор праздничный орудий
В сердцах взволнованных людей
Был отголоском грозных буден,
Был громом ваших батарей.

И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах —
ОРЁЛ и БЕЛГОРОД — слова».

Так писал Александр Твардовский.

В городе сохранился дом, на котором был водружен красный флаг в честь освобождения Орла. Это дом № 11 по Московской улице; от монумента 400-летия он находится совсем рядом, на другом берегу Оки. И здесь же — Сквер танкистов. В центре большой площади установлен на постаменте танк Т-34. Перед ним — Вечный огонь. В освобождении Орла принимали участие танкисты 17-й гвардейской танковой бригады. Погибших в сражении за город было решено похоронить на одной из центральных площадей Орла.

Памятник героям-танкистам в Орле

7 августа 1943 года «Правда» писала: «Днём на Первомайской площади весь Орёл хоронил павших героев. Одним из них был танкист старший лейтенант Марченко, подвиг которого видели тысячи людей. Когда немцы подбили танк, Марченко с пистолетом в руках выскочил из люка и возглавил атаку сопровождавшего его взвода мотопехоты».

Имя Марченко высечено среди имен других героев на большой гранитной плите. Над могилой был установлен танк, первым ворвавшийся в город. Сегодня это пост № 1 для орловских пионеров, они стоят в почетном карауле по обе стороны Вечного огня.

Одним из героев битвы за Орёл был генерал-майор Л.Н.Гуртьев, командир 308-й Сибирской стрелковой дивизии 3-й армии Брянского фронта. Он погиб на своем командном пункте у деревни Калиновка. Памятник генералу Гуртьеву установлен перед зданием библиотеки имени Н.К.Крупской, рядом с центральной площадью. Скульптор Е.В.Вучетич изобразил Гуртьева в ролный рост — генерал стоит в накинутой на одно плечо плащ-палатке, опираясь на эфес сабли.

После освобождения в августе 1943 года Орёл лежал в развалинах. И нужно было не только восстановить город, но также сохранить уже сложившийся и привычный для всех облик его.

Архитектурных памятников, впрочем, сохранилось в Орле немного.

Привлекают наше внимание колокольни двух церквей, выстроенных в разных частях города, но почти одновременно: Ахтырской, или Никитской (1786 г.), и Николо-Песковской (1790 г.). Сами церкви ничего особенного не представляют: это небольшие, кубические в объеме здания, очень скромные по внешнему виду, завершающиеся традиционным пятиглавием. Колокольни же интересны как своей архитектурой, так и той ролью, которую они играют в городском ландшафте.

Ахтырская церковь в Орле. 1786

Колокольня Николо-Песковской церкви в Орле. 1790

Особенно хороша колокольня Ахтырской церкви (начало XIX в.), стройное четырехъярусное сооружение, увенчанное высоким шпилем. Основа её декора парные колонны трех портиков первого яруса и вторящие им полуколонны, украшающие второй и третий ярусы колокольни.

Собор Михаила Архангела, выстроенный в самом начале прошлого века (в 1801 г.), стоит на берегу Орлика, и так как со стороны реки он не закрыт никакими постройками, то на него удобно смотреть с расстояния, лучше всего с противоположного берега. Хорошо пройти этим берегом вдоль Орлика, чтобы взглянуть на храм с разных точек.

Стены храма прорезаны большими проемами удлиненных окон, полукруглых в завершении. Создается впечатление, будто

здание опоясано мощной аркадой, которая подчеркивает массивность всего сооружения. Такие же по форме окна помещены между парами пилястр, равномерно расположенных по окружности большого барабана под венчающим здание куполом. Парные пилястры располагаются также по фасадам четверика храма.

Над западным входом в собор возвышается изящная, но сравнительно невысокая, колокольня. Ярус звона колокольни украшают четыре пары колонн с раскреповками. Колокольня зрительно уравновешивает массив основной части храма с его фронтонами, барабаном и куполом.

Архитектура собора скромна и лаконична в своих выразительных средствах. Всё здесь подчинено одной цели: достичь единства, целостности и завершенности облика всего сооружения.

Собор Михаила Архангела в Орле. 1801

Храм Михаила Архангела подчиняет себе всю окружающую застройку, он выделяется на её фоне, но и сливается с нею, становясь неотъемлемым элементом городского ансамбля.

Ротонда-часовня в Орле. Начало XIX в.

Маленькая ротонда-часовня, выстроенная рядом с собором,— его ровесница. Она украшена расположенными по окружности коринфскими колоннами да небольшим барабаном с куполом, меньшим по диаметру, чем сама ротонда. Это небольшое сооружение, похожее скорее на парковый павильон, чем на культовую постройку. Да это теперь и неважно для нас. Ротонда — подлинное украшение города, замечательный памятник архитектуры Орла.

В районе «Дворянского гнезда», на Октябрьской улице, стоит небольшой деревянный одноэтажный дом. Это памятник архитектуры XIX века, «дом Фомичевых». Своеобразие этому скромному домику придает крыльцо, над которым высится фронтон с полуциркульным окном посредине. Фронтон поддерживают четыре колонны небольшого портика. По углам «дом Фомичевых» был украшен рустом, его остатки — небольшие деревянные планки, прибитые к тесовой обшивке дома,— можно видеть здесь и сейчас.

Этот милый и скромный памятник провинциального классицизма придает особую живость и обаяние одной из дворянских улиц старого Орла.

«Дом Фомичевых» в Орле XIX в.

И это обаяние характерно для многих орловских улиц и переулков. Как нередко бывает в старых провинциальных

городах, архитектурное своеобразие Орла — обаяние его — определяется не количеством памятников архитектуры, а всем обликом города, особенностями его застройки. Не отличающиеся как будто особой архитектурной ценностью здания образуют своеобразное и неповторимое целое. Поэтому особенно важно было сохранить характер застройки города, разрушенного войной, при его восстановлении. Важно было также не упустить одну любопытную особенность планировки Орла.

В Орле, по сути дела, нет одного, так называемого «точечного» центра. Центр города определяется здесь треугольником площадей, расположенный вблизи от места впадения Орлика в Оку. Первая из этих площадей (её часто называют центральной) — площадь Ленина в нагорной части Орла. На площади Ленина возвышается Дом Советов, и поэтому её можно считать административным центром города. Улица Ленина и мост через Орлик соединяют центральную площадь с площадью перед Театром имени Тургенева. Это центр культурно-просветительский. Наконец, отсюда идет прямая дорога через Оку к площади вокруг Сквера танкистов. Здесь находятся Центральный универмаг, Дом книги, многие магазины, и это место можно назвать городским торговым центром.

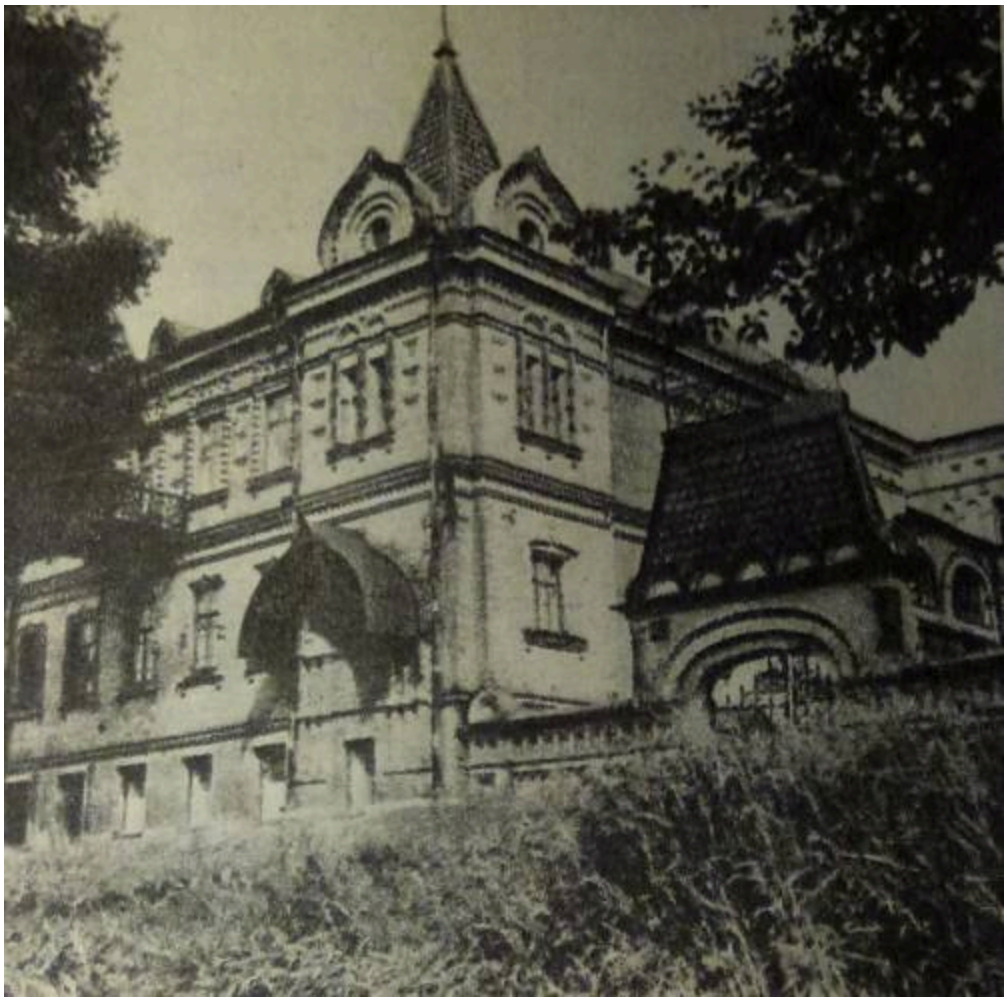
Район, ограниченный этим треугольником (в самом центре которого на стрелке Оки стоит монумент 400-летия Орла) и примыкающими к нему кварталами, образует большой центр города.

От того, как выглядит этот центральный район, каждая из его улиц и площадей, составляющих все вместе единое целое, зависит многое. Перед архитекторами встала важная градостроительная задача: сочетать старую и новую застройки, не разрушив единства архитектурного облика центра города, умело вписать в него новые здания.

Послевоенные постройки Орла по внешнему своему виду близки архитектуре классицизма XIX века. Дом политического просвещения на Октябрьской улице, здание Учетно-кредитного техникума на бывшей Театральной площади, Библиотека имени Н.К.Крупской рядом с бывшим домом губернатора на улице

М.Горького, Дом связи на площади Ленина — эти и некоторые другие сооружения хорошо вписались в окружающую застройку, не исказили облика города.

Пожалуй, особенно удачным было решение ансамбля бывшей Театральной площади (теперь площадь имени К.Маркса). Ведь и на самой площади, и в непосредственной близости от неё сохранилось много памятников архитектуры прошлого века. Архитекторы Б.Антипов, В.Овчинников, В.Новиков, Н.Деловиков, сооружая Театр имени Тургенева, который по замыслу должен был стать центром всей композиции, использовали сохранившуюся часть здания городского магистрата, выстроенного здесь в прошлом веке. Классическая ротонда магистрата украшает, как и прежде, одну из центральных городских площадей. Не нарушает ансамбля площади здание Учетного техникума (архитектор И.Иванов), имеющее небольшой классический портик с фронтоном. Из других зданий, стоящих недалеко от площади, наибольший интерес представляет здание госбанка, выстроенное в конце XIX века в псевдорусском стиле. Фигурные наличники, декоративные кокошники, кровли с крутыми скатами — элементы архитектуры XVII века — использованы в оформлении этого здания, весьма характерного для рубежа XIX—XX веков. Подобные сооружения, отдаленно напоминающие порою древние терема, можно встретить во многих городах нашей страны. Достаточно вспомнить Верхние торговые ряды (ГУМ) или Музей В.И.Ленина в Москве.

Здание банка в Орле. Конец XIX в.

Все послевоенные сооружения в центре Орла сравнительно невелики по размерам. Они не подавляют стоящие рядом с ними дома своей массивностью.

Лишь здание Дома Советов (архитектор А.И.Гегелло) своими размерами заметно превосходит всё, что расположено поблизости от него. Но монументальность Дома Советов определена и назначением самого здания и самим местом, на котором оно поставлено. Огромное открытое пространство площади Ленина требовало значительных размеров центрального здания ансамбля. Небольшое по объему сооружение нарушило бы пропорции всего комплекса застройки площади, затерялось бы на ней.

Площадь рядом со Сквером танкистов, третья центральная площадь Орла, лежит на другом берегу Оки, несколько в стороне от кварталов дворянско-купеческого города. Здесь можно было уже меньше ориентироваться на застройку прошлого века. Да и весь ансамбль этой площади создавался в послевоенные годы почти одновременно. Поэтому возникшие здесь здания (гостиница «Орёл», Дом книги, универмаг) заметно отличаются от того, что было создано в то же самое время в районе первых двух площадей. Но и здесь мы должны отметить определенное стилевое единство всего архитектурного ансамбля.

Своеобразие и привлекательность городского пейзажа в Орле заключены в органическом сочетании архитектуры и природы. Вообще в городе много зелени, здесь трудно найти улицу, на которой не было бы дерева, небольшого садика или сквера. Но кроме того в самом центре Орла мы встречаем почти нетронутые уголки природы. Конечно, само понятие «нетронутая природа» в городе весьма условно. Но живописные кручи «Тургеневского бережка» и «Дворянского гнезда» порою помогают забыть, что ты в самом центре большого промышленного города.

Хороши эти крутые откосы, зеленые берега Оки и Орлика. Небольшие беседки-ротонды, стоящие здесь у самого обрыва, вызывают в памяти мысль о былой жизни, давно ушедшей, но близкой и знакомой нам. Эта жизнь, сохранившаяся на страницах книг, стала для нас второй реальностью; и порою как будто смешалось в представлении и то, что происходило в действительности, и то, что было порождено вымыслом.

Вот в этот парк над Окою крепостная нянька выводила на прогулку маленького барчука, сына дворян Тургеневых, а в том небольшом садике над Орликом сидел когда-то Лаврецкий, «и на этом дорогом месте, перед лицом того дома, где он в последний раз напрасно простирал свои руки к заветному кубку, в котором кипит и играет золотое вино наслажденья,— он, одинокий, бездомный странник... оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердце...»[29].

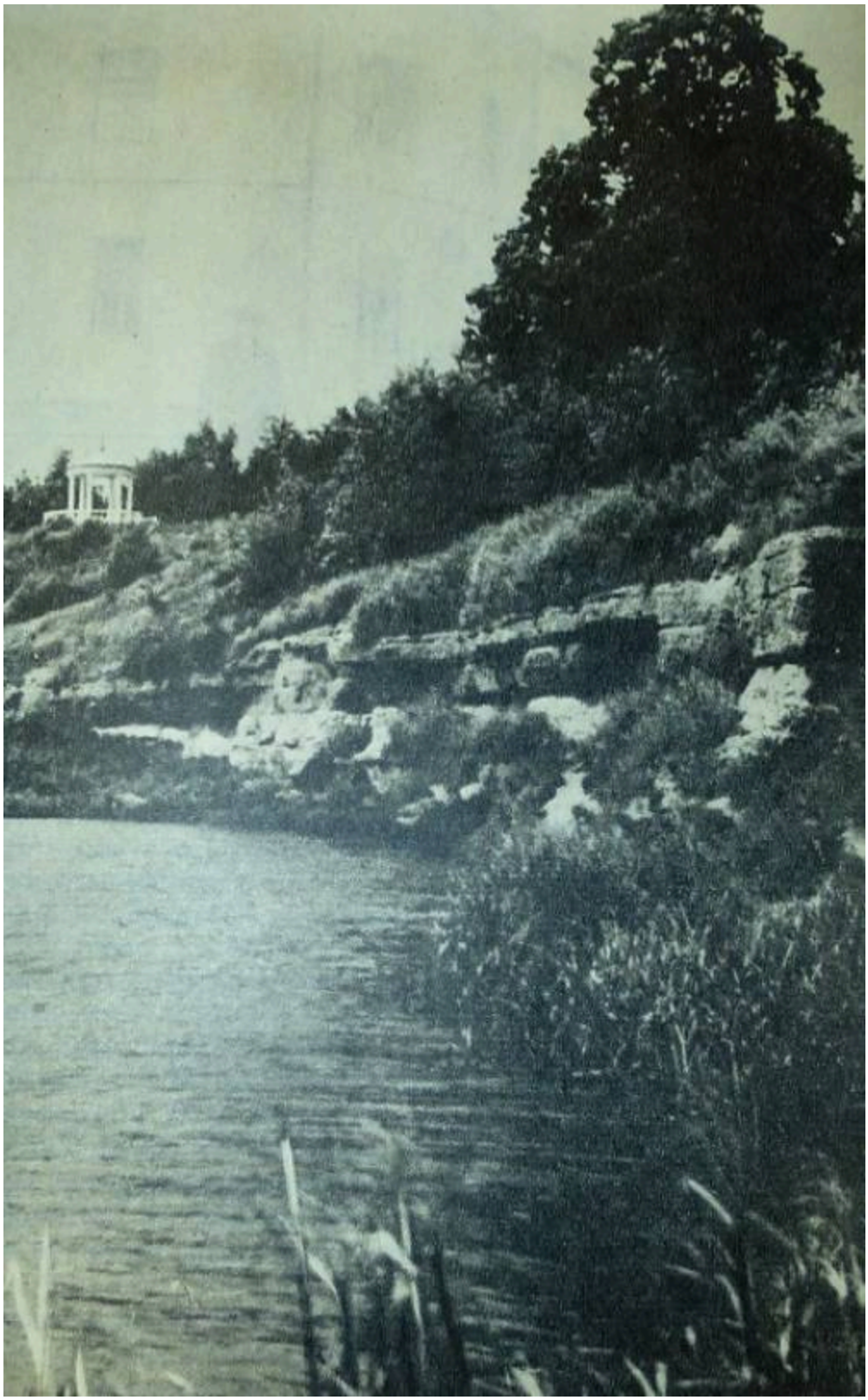
Рядом с центральной площадью, на углу улиц М.Горького и Гуртьева, находится бывший дом губернатора, в котором

останавливался Толстой. Тут же, по улице Гуртьева (там, где сейчас стоит дом № 5), размещалась редакция «Орловского вестника», в которой сотрудничал в 1889—1892 годах И.А.Бунин. Но эта же газета называлась и «Голос», и работал в ней бунинский Арсеньев. И это он спускался отсюда по Болховской, заходил в библиотеку, спешил к себе домой на Кромскую сторону.

«Я шел вниз по Болховской... глядя в темнеющее небо, в небе мучили очертания крыш старых домов, непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний. Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам, вечер синел, как синька, в городе становилось сладко, уютно... Я ускорял шаги, спускался к Орлику. Вечер уже переходил в ночь, газовый фонарь на мосту горел уже ярко...»[30].

Но ведь это был и Бунин, сам автор «Жизни Арсеньева». Он тоже ходил по Болховской, жил на Кромской стороне. Там и по сей день сохранился дом, где была одно время его квартира. Он находится недалеко от Рядов, на бывшей Воскресенской (сейчас улица Гагарина, № 3), длинный двухэтажный дом со скучными гладкими стенами.

Так кто же это был: Бунин, Арсеньев? Вымышленная жизнь оставила свои реальные приметы, она слилась с действительностью, она уже неотделима от неё. Раз есть дом Лизы Калитиной и сад, в котором состоялось свидание Лизы и Лаврецкого, значит, были и сами Лиза и Лаврецкий. И не надо ломиться в открытую дверь, доказывая, что они выдуманы Иваном Сергеевичем Тургеневым.

Берег реки Орлика вблизи «Дворянского гнезда»

Был Бунин, был и Арсеньев. Можно спорить и устанавливать, что в «Жизни Арсеньева» автобиографично, а что вымышленно. Вот, например, Лика, героиня бунинского произведения. Как будто все сошлись на том, что её прототипом была В.Пащенко. Но В.Н.Муромцева-Бунина в своей книге «Жизнь Бунина» упорно доказывает, что Лика — это вовсе не «девица Пащенко» (так В.Н.Муромцева-Бунина именует возлюбленную молодого Бунина). Кто же прав? Да все правы. Вообще этот вопрос об автобиографичности и вымысле, о прототипах и литературных героях и очень прост и сложен. И не лучше ли нам сейчас признать, хоть ненадолго, что жили на свете и Бунин, и Арсеньев, и Лика?.. И ходили они по этим вот орловским улицам. Ведь говорит же Арсеньев: «Я шел по Болховской... спускался к Орлику... на Московской заходил в извозчичью чайную...» Значит, это так и было.

Дом в Орле, где жил И.А.Бунин

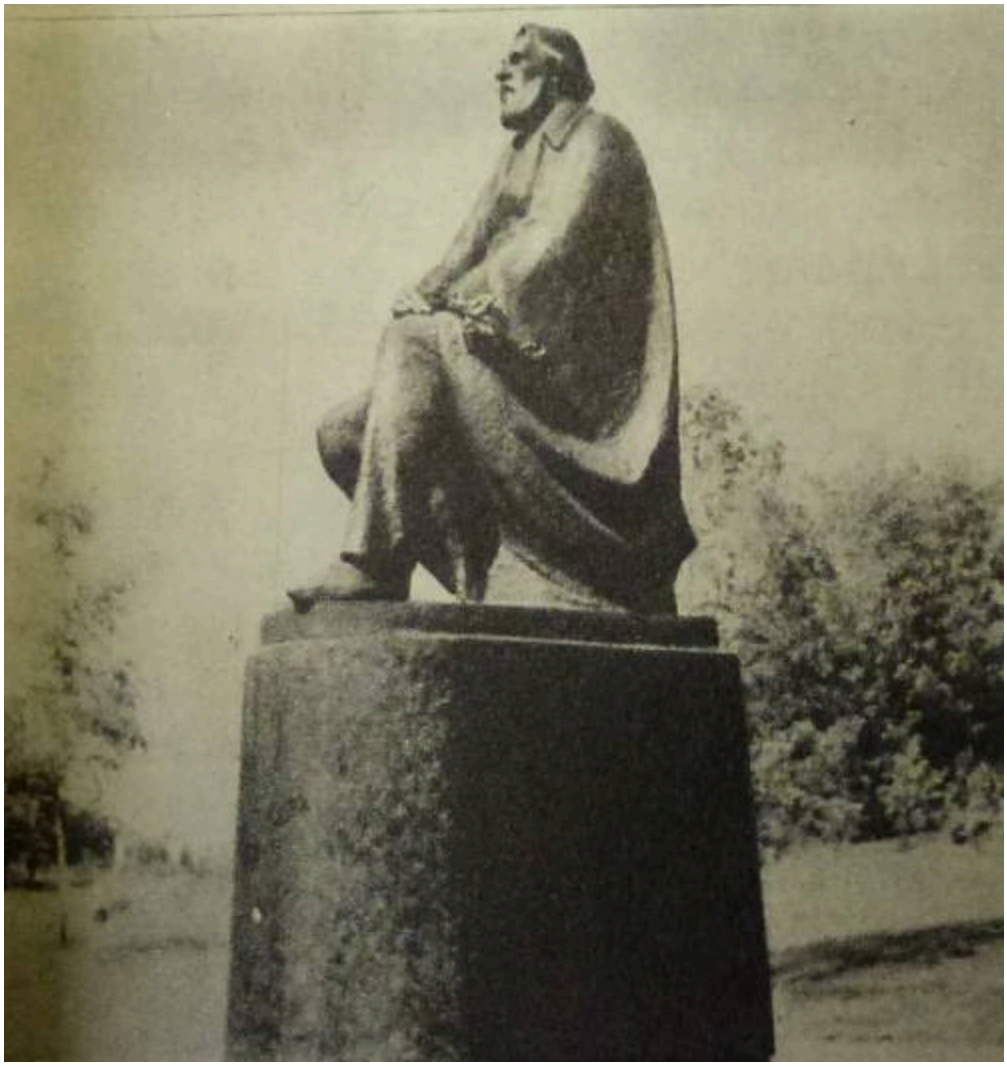
Дом-музей Н.С.Лескова в Орле

Орёл — город литературный. Стало уже традицией вспоминать слова Н.С.Лескова, говорившего, что Орёл «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город».

Одно перечисление имен писателей, связанных в различные годы своей жизни с Орлом и с Орловским краем, заставит каждого, кто любит русскую литературу, отнестись к этому городу с особым чувством: И.С.Тургенев, Н.С.Лесков, И.А.Бунин, Л.Н.Андреев, Т.Н.Грановский, А.Н.Апухтин, Марко Вовчок, А.А.Фет, Ф.И.Тютчев, Д.И.Писарев, М.М.Пришвин... Здесь бывали А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, В.А.Жуковский, Г.И.Успенский, Л.Н.Толстой, В.Г.Короленко... Перечень имен можно продолжать долго.

И все же Орёл вошел в сознание прежде всего как город Тургенева. Сами названия «Тургеневский бережок»,

«Дворянское гнездо» сразу же заставляют вспомнить о Тургеневе. Лесков называл «Тургеневский бережок» лучшим местом для памятника Тургеневу, и сегодня этот памятник стоит именно здесь, над Окой. К сожалению, не сохранился дом, где родился писатель. Здание, находящееся на его месте, отмечено мемориальной доской. И совсем близко, на этой же улице (она носит сегодня имя Тургенева),— тургеневский музей.

Памятник И.С.Тургеневу в Орле. 1968. Скульптор Г.П.Бессарабский, архитекторы В.С.Атанов, А.И.Свиридов

Вообще весь этот район можно по праву назвать литературным заповедником. Тут же недалеко, на Октябрьской, Дом-музей Н.С.Лескова. И дом Т.Н.Грановского тоже рядом, на улице 7 Ноября, идущей параллельно Тургеневской. Здесь же, поблизости от Музея Тургенева, Музей писателей-орловцев. И «дом Лизы Калитиной» и сад над Орликом, где стоит небольшой бюст Тургенева, также в этом районе.

«Дворянское гнездо». Само название существовало, без сомнения, и до выхода тургеневского романа. Тургенев использовал его ещё в «Записках охотника» (см. начало рассказа «Мой сосед Радилов»). Однако именно с Лаврецким и Лизой Калитиной мы связываем название этой части Орла.

Беседка «Дворянского гнезда»

О «доме Лизы Калитиной», кажется, нет единого мнения. Одни говорят, что он не сохранился, другие указывают на небольшой деревянный домик в самом конце Октябрьской улицы, глядящий на неё своим боковым фасадом. По правде говоря, дом этот несколько разочаровывает: слишком уж он прост. Ожидаешь увидеть особняк с белыми колоннами и фронтоном, а тут скромное деревянное сооружение с небольшой одноэтажной пристройкой, заменяющей крыльцо, да кирпичным погребком со стороны двора. «У Лизы была особая, небольшая комнатка во втором этаже дома её матери»,— вспоминается фраза из романа. Может быть, на этот дом указывают потому, что он единственный из сохранившихся здесь старых домов имеет два этажа?

Да не всё ли равно, в конце концов! Главное, что была Лиза, а уж жила-то она непременно где-то здесь.

Сюда, к этому дому, приходил бунинский Арсеньев (или сам Бунин?). «...Мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где, на обрыве над Орликом, в старом саду, осыпанном мелкой апрельской зеленью, серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися трубами, в котором уже вили гнезда галки. Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот ещё редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви»[31].

...и река Орлик

Когда-то, совсем, впрочем, недавно, в конце прошлого века, это место было городской окраиной. За садом Калитиных начиналось поле. С крутого берега Орлика открывалась панорама почти всего небольшого тогда ещё Орла. Весело, наверное, было смотреть отсюда на раскинувшийся внизу город. И сегодня его вид тоже не оставит нас равнодушными. Здесь мы и простимся с Орлом.

Развалины крепостных сооружений на правом высоком берегу реки Цон у села Сабурово видны издалека. Кажется, будто мощная твердыня поставлена здесь в давние времена для защиты Орла с юга от набегов многочисленных врагов. Но чем ближе крепость, тем больше сомнений появляется у каждого, кто, привлеченный её обманчивым видом, захочет осмотреть эти «древние укрепления», рассчитывая увидеть памятник архитектуры не позднее середины XVII века. Замечаешь, что

крепость стоит, не над самым обрывом, что естественно для всякого оборонительного сооружения, а на достаточно большом от него расстоянии, создающем большие неудобства для обороны. Подойдя же к самой стене, видишь: по толщине это скорее внушительная садовая или парковая ограда, чем древнее крепостное сооружение, способное защитить от врага.

Сабуровская крепость. Конец XVIII в. Башня

В действительности так оно и есть. «Крепость» выстроена в 90-х годах XVII столетия по прихоти владельца этих земель генерал-фельдмаршала графа М.Ф.Каменского. На территории «крепости» располагалась усадьба графа и большой фруктовый сад.

К сожалению, от усадебных построек до нашего времени ничего не сохранилось, да и «крепостные сооружения» подверглись значительным разрушениям. Сегодня здесь можно видеть лишь небольшие участки стены, длина которой была в свое время более километра, да несколько башен, различных по форме и по размерам. Разумеется, при строительстве «крепости» главное

внимание обращалось на декоративность архитектуры, а не на военную её «мощь», в те времена совершенно уже бесполезную. Крепостные башни, в плане то круглые, то прямоугольные, имеют пирамидальные конические и сферические завершения. Готические стрельчатые окна и арочные проемы, а также другие декоративные элементы, характерные для некоторых памятников архитектуры конца XVIII века, были применены при оформлении внешнего вида Сабуровской крепости.

По преданию, в одной из башен крепости некоторое время находился в заточении Емельян Пугачев. Однако верить этому не следует: арестованного Пугачева могли провозить через эти места, но сама крепость сооружалась почти через двадцать лет после Пугачевского восстания.

Сабуровская крепость. Конец XVIII в. Башня и церковь

Своеобразный вид усадьбы объясняется, очевидно, военной профессией её владельца, М.Ф.Каменского, известного военного деятеля второй половины XVIII века. Особого полководческого таланта Каменский, впрочем, не имел. Он был сторонником

прусской муштры и палочной дисциплины, обожал Фридриха II, признавая в нём высший военный авторитет своего времени. По характеру Каменский был заносчив, высокомерен, неприятен в общении. Екатерина II называла его «скучнейшим человеком на свете»[32] и не особенно жаловала своей милостью. Зато у Павла I Каменский оказался в чести. Именно Павел сделал его графом и фельдмаршалом. Ненадолго улыбнулась Каменскому военная фортуна и при Александре I. В 1806 году он был назначен главнокомандующим русской армии в войне против Наполеона. В Петербурге престарелому фельдмаршалу был устроен восторженный прием, сам Державин посвятил ему хвалебные стихи. Но этих надежд Каменский не оправдал. Перед решающим сражением он неожиданно для всех покинул армию, сославшись на какое-то ранение. Этот поступок настолько не вязался с представлением о роли и долге командующего, что все ожидали суда над фельдмаршалом. Однако с ним обошлись милостиво и ограничились лишь отставкой.

Последние годы жизни Каменский провел в своей усадьбе под Орлом, занимаясь сельским хозяйством, математикой и даже стихотворством.

Властный и своенравный характер графа проявлялся прежде всего в отношениях его с крестьянами; он был жестоким деспотом-крепостником. Тут лучше всего вспомнить даже не пример обращения Каменского с самими крестьянами, а эпизод из его семейной жизни. Однажды он публично нанес двадцать ударов арапником собственному сыну за то, что тот вовремя не явился по какому-то делу.

Если даже сын, человек уже солидный и в чинах, не мог избежать такого унижения, то что же было ожидать беззащитным и бесправным крестьянам?

М.Ф.Каменский был убит в 1809 году одним из своих крепостных крестьян.

Сын фельдмаршала граф С.М.Каменский, тот самый, которого отец отхлестал за «нарушение дисциплины», был страстным театралом. В своей усадьбе он собрал превосходную актерскую труппу и давал великолепные спектакли, слава о которых

разнеслась далеко за пределы Орловской губернии. Позднее Каменский перенес свой театр в Орёл.

На сцене театра Каменского выступал М.С.Щепкин. Он-то и рассказал А.И.Герцену историю талантливой крепостной актрисы Кузьминой, ставшую сюжетной основой повести «Сорока-воровка». Каменский был изображен в повести под именем графа Скалинского.

Ради театра граф не останавливался ни перед какими затратами: например, постановка спектакля «Халиф Багдадский» стоила ему 35 тысяч рублей — сумма по тем временам огромная. За семью актёра, состоявшую из трех человек, Каменский отдал одному из соседей-помещиков целую деревню в 250 душ! Стоит ли удивляться, что, в конце концов, владелец театра разорился, несмотря на огромное состояние, оставленное ему отцом.

После Каменских усадьба перешла к помещику Сабурову и название Каменское (так называлась она прежде) было изменено соответственно на Сабурово. Театральная же труппа дала начало Орловскому городскому театру, которому впоследствии было присвоено имя И.С.Тургенева.

Рядом с крепостью в Сабурове стоит полуразрушенная церковь, выстроенная, судя по некоторым приметам, в XVIII столетии. Очевидно, это был интересный памятник эпохи барокко. Ещё и сейчас кое-где проглядывают остатки затейливого декора: завитки волют, небольшие раковинки. Но, конечно, говорить сейчас о здании как о памятнике архитектуры очень трудно: не везде сохранились даже наружные стены нижнего яруса храма. Церковь разрушена в годы Великой Отечественной войны.

4. Болхов и Мценск — древние крепости на границе Дикого поля

Есть у нас городки, тихие и уютные, имеющие какое-то особое обаяние для приезжего. Они не всегда могут похвастаться обилием памятников, в них нет выдающихся шедевров архитектуры, их история не изобилует бурными и занимательными событиями. Но всё же мы по праву можем назвать эти города заповедными, то есть особенно дорогими для нас, неприкосновенными. Здесь интересны не отдельные детали, а целое, облик всего города сразу. Уже немного осталось сегодня таких мест, где можно не только увидеть следы минувшей жизни, но и почувствовать давно ушедшие времена, не важно даже, хороши или плохи они были. Они были, и поэтому мы должны знать их, помнить о них. И следы этой минувшей жизни, пожалуй, более других хранят города небольшие, менее затронутые бурной стремительностью нашего времени.

Таковы Болхов и Мценск — древние русские крепости на границе Дикого поля.

Первым из них мы посетим Болхов.

«Он расположен между несколькими холмами, которые, постепенно возвышаясь над берегом реки, придают городу живописный вид. Было время, когда эти самые холмы покрывались дремучим лесом, терявшимся в необозримых богатырских дебрях Брянска...»[33] — написано о Болхове в историческом исследовании прошлого века.

О болховских жителях ходило когда-то много анекдотов, где те представлялись людьми простоватыми, несообразительными, чем-то вроде вторых пошехонцев. «Кузовом солнышко поймать хотят», — говорили о них соседи.

Вот одна из историй о болховцах,

Некий болховский мужик с сыном поехали куда-то по надобности. Дорога была дальняя, и в пути пришлось заночевать. Распрягая лошадь, мужик оставил телегу оглоблями в ту сторону, куда предстояло ехать. Но ночью какие-то шутники

повернули оглобли в сторону Болхова, и наутро, недолго думая, мужик отправился в обратный путь.

— А что, батенька, ведь мы домой едем? — спрашивает сын.

Отец только выбранил его. Через некоторое время сын опять:

— А ведь вон и город наш показался. И церковь — никак наша!

Отец опять ругаться:

— Да что ж, таких церквей больше и нет нигде?

Но скоро пришло время и отцу удивиться:

— Смотри, точь-в-точь твоя мать стоит у калитки!

Лошадь тем временем знакомым путем направилась прямо к воротам. И только въехав во двор, мужик согласился:

— Ну, теперь верно, что домой приехали.

Подобные истории придумывались обитателями соседних местностей, и, скорее всего, превратно истолковывали характер болховцев.

А вообще болховские жители — народ все добрый и приветливый.

Мне приходилось не раз замечать, что в небольших городках люди кое в чём отличаются от жителей городов крупных, шумных и находящихся в вечном движении. Здесь они заметно приветливее, добросердечнее, услужливее. Сам неторопливый ритм жизни в этих городках определяет в чём-то характер человека. Я вовсе не хочу обидеть москвичей или ленинградцев, но они, вечно куда-то бегущие, вечно занятые и деловые, не всегда и времени-то имеют, чтобы подумать и осмотреться. Всесильная суета затягивает, подхлестывает, не дает остановиться.

Сегодня Болхов — тихий, уютный, зеленый городок, лежащий на высоких холмах над Нугрем, посреди огромного поля, на котором редко можно увидеть совсем крохотные перелески. И трудно уж поверить сейчас в существование здесь непроходимых дремучих лесов.

История Болхова, как заметил местный историк XIX века, делится на два периода: легендарный и достоверный. Предания относят начало города в столь незапамятные времена, что, будь это верным, у нас могло бы захватить дух от одной попытки представить себе его возраст. По свидетельству Татищева, Болхов относится к числу немногих городов, которые вятичи, заселившие эти земли где-то около VIII века, получили в наследство еще от сарматских племен. Доказательств, правда, тому нет никаких. Все события, связанные с существованием Болхова вплоть до времен Ивана Грозного, «теряются во мраке». Глухие и недостоверные предания не находят своего подтверждения в летописях.

В 1556 году Иван IV, укрепляя южные границы государства от набегов крымских татар, строит здесь несколько городов, один из которых — Болхов. Оборонным сооружениям уделялось в это время особое внимание. Вспомнить хотя бы, что в те же самые годы ведется строительство грандиозной Засечной черты, которая прошла чуть севернее Болхова.

Болховский острог находился на том месте, где сегодня стоят у крутого обрыва городской собор и Троицкая церковь. В память о древней крепости эту кручу называют сейчас «городищем». Стены острога возводились из толстых бревен в два ряда. Промежуток между ними заполняли землей и камнями. Над стенами возвышалось несколько деревянных башен. Для своего времени крепость эта была достаточно мощным сооружением.

От Рыльска до Болхова проходила в свое время так называемая «свиная дорога». Предание связывает это название с Батыем, который якобы прошел тут по болховской земле, «как свинья». Этим путем приближались к Болхову крымские татары.

Вдоль «свиной дороги» на возвышенных местах располагались дозорные, которые, завидев опасность, должны были не мешкая передать по цепи весть о близости вражеского войска. Предупрежденные заранее, жители успевали укрыться за стенами острога.

Вообще жизнь в этих краях была в XVI веке сурова и опасна. Для привлечения сюда как можно большего числа защитников, всем поселявшимся здесь предоставлялись особые льготы. Здесь

находили свободный приют те, кто подвергся опале и гонениям. Московское правительство предписывало не чинить этим людям никаких притеснений. Живя тут, можно было снять с себя опалу, возвратить все права и привилегии.

Особенно памятным для Болхова был набег Девлет-Гирея в 1565 году, когда город находился в осаде двенадцать дней, с 7 по 19 октября. Чувствуя, что овладеть Болховом ему не удастся, и опасаясь прибытия московского войска, Гирей решил при отступлении сжечь хотя бы посад, но болховцы, узнав об этом, сделали вылазку и спасли город от огня.

Несладко пришлось болховцам в Смутное время. Как разобраться в обилии законных и незаконных претендентов на власть? Не успеешь присягнуть одному, как появляется другой, третий. И каждый мстит «за измену».

Под Болховом произошло крупное сражение между войсками Василия Шуйского и Лжедимитрия II. Во главе московской рати стоял брат царя, Дмитрий Иванович Шуйский, слабовольный человек и неумелый воевода. Царь, зная об этих недостатках, всё же не решался заменить его другим: велика была опасность измены, да и сильны ещё были традиции местничества, не всякому и подчиняться захотят бояре из высоких и знатных родов.

Всю предшествующую сражению зиму Шуйский, сидя со своим войском в Болхове, пассивно наблюдал, как в 50 верстах от него, в Орле, собирает подкрепления новый самозванец.

И только весной, узнав, что тот уже двинулся на Болхов, Дмитрий Иванович решился наконец выступить ему навстречу.

Сражение произошло примерно в 10 верстах южнее города 10—11 мая 1608 года. В конце первого дня битвы на помощь Шуйскому подошло войско воеводы Куракина, и Лжедимитрий был близок к поражению. Но нерешительный и трусливый Шуйский, сам не веря в свое превосходство, приказал на следующий день отправить «на всякий случай» большие пушки под прикрытие стен Болхова. Узнав об этом, войска дрогнули, началась паника. Бегство Шуйского, по сути, открыло Лжедимитрию дорогу на Москву.

Несколько лет спустя Болхов чуть было не разрушил польский полковник Лисовский, но город устоял, хотя сильно пострадали посад и находящийся поблизости Оптин монастырь.

Семнадцатый век не принес Болхову мира и спокойствия. Сложные события на Украине представляли особую опасность для южных русских городов. Правительство предупреждает: нужно быть готовым к возможному нападению врага.

Крепость же болховская к тому времени сильно обветшала, и в 1660 году воевода Беклемишев доносит царю:

«...лес ставлен тонок, редок и низок, и острожная осыпь низка, за рекою болховкою гора выше острогу,— и с той горы воинские люди из их мелкого ружья, из мушкетов в остроге и на обломах людей побьют... Да подле, государь, острогу старое городище выкинуто, бывал на нем прежде сего рубленый город, а ныне на том городище города и острогу нет, и в приход, государь, воинских людей от того городища — в остроге в осаде сидеть страшно, потому: воинские люди сядут за осыпью, а на осыпи и шанец копать ненадобно, и тайник с того городища отымут, а очищать, государь, не мочно и нечем, пушек мало»[34].

Два раза, в 1662 и 1664 годах, обновляли болховские крепостные стены. Но, как оказалось, нужды в них особой уже не было. На этом и кончилась военная история Болхова.

Сохранилось любопытное свидетельство о том, как выглядел город в начале XVIII века. Некий паломник, священник Иван Лукьянов, писал:

«...город деревянный, ветх уже; церквей каменных есть от малой части, монастырь хорош; ... рядов много, торговая площадь хороша»[35].

Город постепенно разрастался. Процветала торговля. При монастыре каждое лето устраивалась большая ярмарка. Болховские купцы имели несколько подрядов на поставки в казну. Особенно процветали здесь кожевенные подрядчики. Их деятельность кончилась только в середине XIX века, когда в период Крымской войны окончательно проворовавшиеся купцы принялись сбывать государству самый негодный товар и даже,

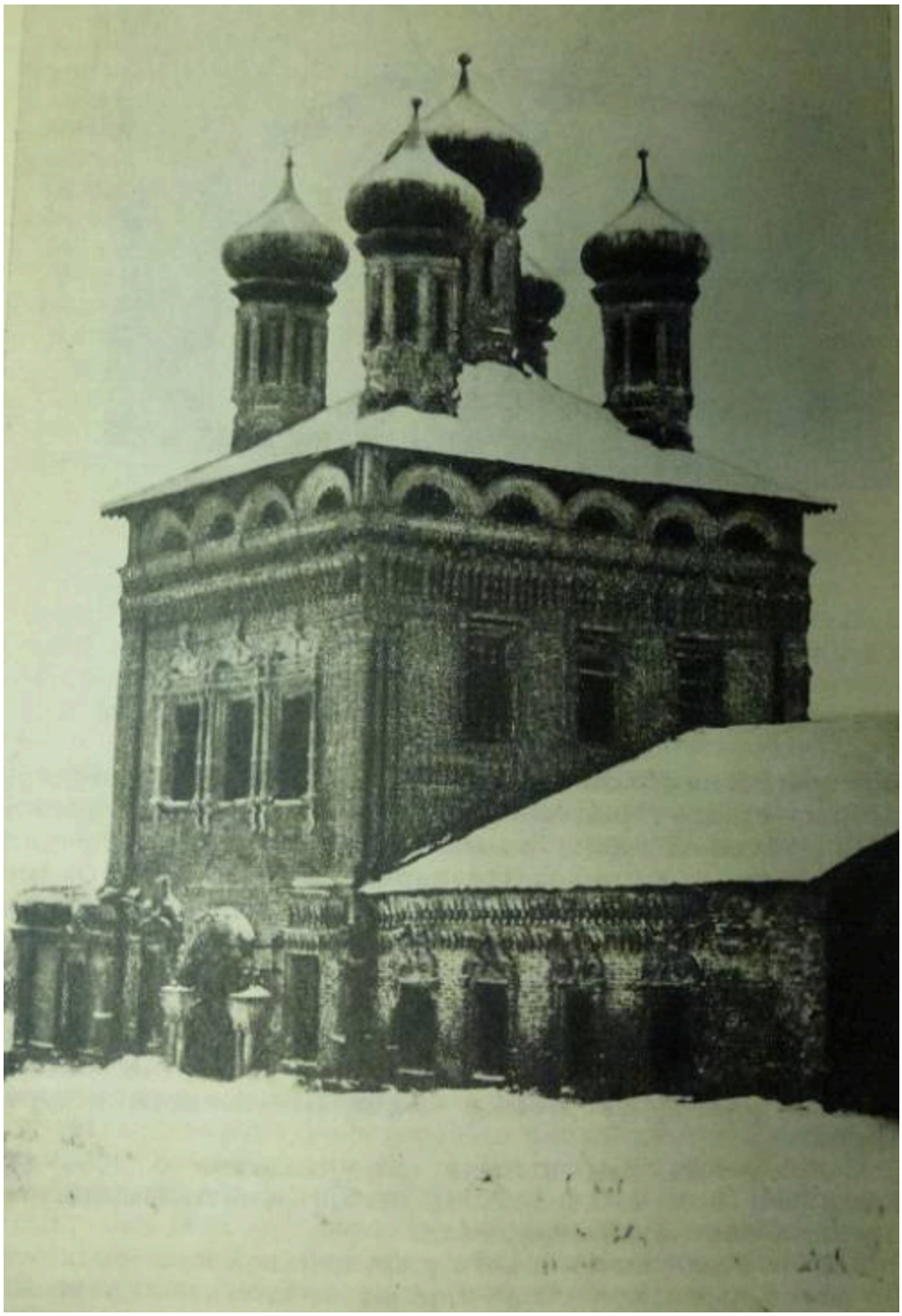
как поговаривали в народе, простой картон вместо кожи для подметок на сапоги.

Внешний облик города во многом сохранил сегодня черты российской провинции конца прошлого века. Как и прежде, возвышаются над домами главы церквей, придавая особую живописность болховскому пейзажу. Торговая площадь, главная улица города — большая часть их застройки относится к XIX веку. Вдали на холме виднеется собор древнего монастыря.

На улице Болхова

Есть в Болхове один храм, который без всяких оговорок можно назвать «жемчужиной русской архитектуры». Это церковь Троицы (1708 г.), стоящая рядом с собором на городище.

Троицкая церковь в Болхове. 1708

Троицкая церковь — типичный для конца XVII — начала XVIII столетия пятиглавый приходской храм, кубический в объеме, с

низкой трапезной и равной ей по высоте алтарной частью. Церковь хороша по пропорциям, создающим четкий и выразительный силуэт здания. Но замечательна она прежде всего своим декоративным убранством. Перед нами то самое «дивное узорочье», которое составило славу архитектуре XVII — начала XVIII века.

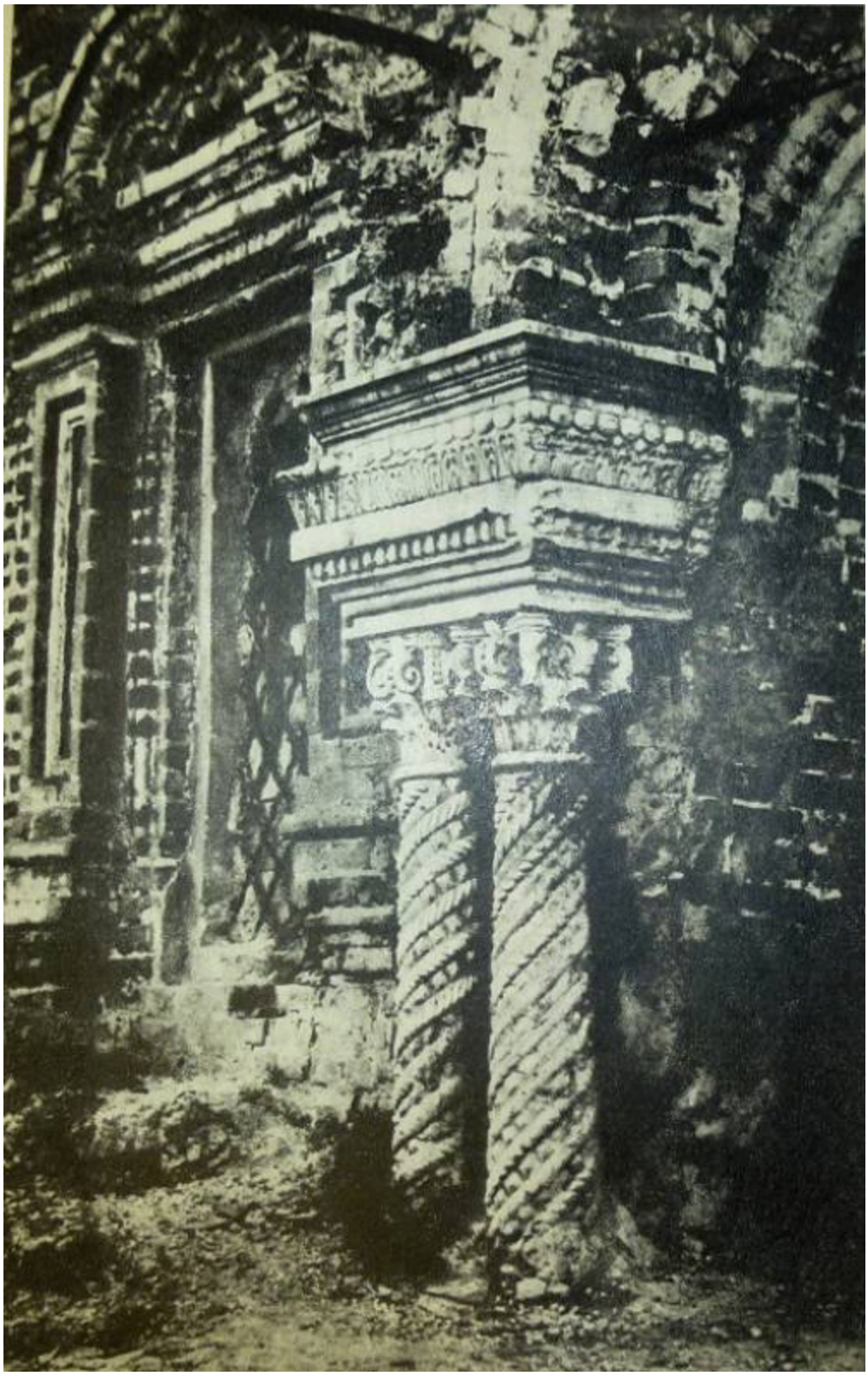
Троицкая церковь. Фрагмент наличника

В верхней своей части церковь украшена богатым и затейливым фризом, состоящим из пояса полукруглых кокошников, бегунка и балясинок. В тимпанах кокошников помещены декоративные раковинки — дальний отголосок алевизовского декора Архангельского собора в Московском Кремле. Пучки колонн по углам четверика придают большую четкость архитектурному рисунку здания. Небольшими колонками подчеркиваются и

грани на барабанах пятиглавия. Декоративные наличники окон выполнены из белого камня: из него вырезаны небольшие волюты, раковинки, кронштейны и тонкие витые колонки. Форма наличников, раковины в кокошниках, восьмигранные барабаны — всё это указывает на несомненное влияние нарышкинской архитектуры.

На северном фасаде храма частично сохранился великолепный белокаменный резной портал. Две пары витых колонн с капителями несут на себе богатые по рисунку карнизы, на которые когда-то опирались концы полукруглых и, несомненно, также резных архивольтов перспективного завершения портала.

К великому сожалению, архивольты эти не сохранились. Да и состояние всего храма вызывает большие опасения, больно смотреть на то, как постепенно разрушается это прекрасное творение безвестных русских зодчих.

Троицкая церковь. Портал

В конце XVII — начале XVIII века в Болхове была выстроена ещё одна сохранившаяся до наших дней церковь — Христо-Рождественская. Это очень скромное сооружение, лишенное каких бы то ни было украшений. Небольшой восьмерик с ровными плоскими гранями возвышается над таким же скромным прямоугольным основанием. Церковь представляется робким и наивным вариантом пышных столичных храмов подобного типа. Кажется, будто она в смущении прижалась к земле и не желает выставлять себя на всеобщее обозрение. Простота и «провинциальность» придают какое-то особое обаяние Рождественской церкви. Такие храмы были весьма характерны для городков, подобных Болхову.

Христо-Рождественская церковь в Болхове. Конец XVII—XVIII в.

Рядом с Рождественской церковью — надвратная церковь Алексея Митрополита, выстроенная примерно в одно время с первой, но подвергшаяся частичной перестройке на рубеже XIX

—XX веков. Обе церкви принадлежали когда-то небольшому монастырю, находившемуся на этом месте.

От Рождественской церкви хорошо виден находящийся в небольшом отдалении от города Троицкий Оптин монастырь. «Он расположен на склоне холма, обращенном к городу, и, таким образом, самим местоположением как бы привлекает к себе взоры жителей, удаленных от него на некоторое расстояние»[36].

Время основания монастыря неизвестно. Предполагалось, что он возник в конце XV века, и если это так, то по возрасту он может быть старше самого Болхова. Основателем монастыря был, по преданию, некий Опта, с именем которого связывают также и Оптину пустынь под Козельском. Однако здесь трудно утверждать что-то определенное. Подробности жизни Опты, по словам исследователя прошлого века, «навсегда скрыты от нашей любознательности». Нет полной уверенности даже в самом существовании этого человека. Да и названию есть иное объяснение. По второй версии, монастырь этот (так же, как и Козельский) долгое время был монастырем смешанным, в котором совместно — «оптом» — жили старцы и старицы. Отсюда якобы и название.

Любопытно только, что самого Опту предание нарекает станичником и разбойником. И тут нет противоречия. Станичниками назывались люди, жившие на границе государства и охранявшие их от врага. Но пограничные земли в этих местах в результате постоянных распрей между Россией и Литвой очень часто переходили из рук в руки. Поэтому если для одной стороны Опта был станичником, то для другой, разумеется, разбойником. Чья власть, тот и называет.

«В первое время Болховский Оптин монастырь стоял среди большого дремучего леса; а низменное место между монастырем и городом, где теперь превосходный монастырский луг, было всё погружено в воде. Тут было глубокое озеро, вокруг которого живописно зеленели ветвистые деревья и мелкие кустарники»[37].

Дорога к Оптину монастырю идет от Рождественской церкви по дну бывшего озера, упомянутого в приведенном отрывке из исторического исследования о Болхове, составленного в прошлом столетии.

С озером связана легенда о колоколе, который был спрятан монахами под воду перед одним из набегов татар. Но после ухода врагов достать увязший в тине колокол не смогли, и он с тех пор глухо звенел под землею, отзываясь на голос земных «собратьев».

Последняя война превратила Оптин монастырь в развалины. От него остались часть стены, небольшой жилой корпус и массивный Троицкий собор, который начали сооружать в 1668 году на средства Алексея Михайловича.

Троицкий собор Оптина монастыря в Болхове. 1668

Собор — типичный монастырский храм XVII столетия. Традиционное пятиглавие венчает огромный кубический объем здания. Расположенные в два ряда окна украшены скромными наличниками. Когда-то с западной стороны собора существовал большой притвор, но сегодня на его месте лишь зияющая арка входа.

С монастырского холма открывается прекрасный вид на Болхов. Рельефная городская панорама в равной мере с прочими компонентами архитектурного облика Болхова придает своеобразие и привлекательность этому городу.

Болхов расположен на холмах, что само по себе определяет выразительность его силуэта. Её усиливают отдельные церковные здания, виднеющиеся в разных частях города. И как самый звучный аккорд, как зрительный центр, притягивающий наше внимание, возвышается над городом комплекс сооружений на городище — Троицкая церковь, колокольня и массивный Спасо-Преображенский собор.

Можно по-разному относиться к самому собору, выстроенному в 1842 году и во многом эклектичному по своей архитектуре (особенно проигрывает он при сравнении со стоящей рядом Троицкой церковью), но важную роль его в формировании силуэта города отметить необходимо. В этом ценность храма как памятника архитектуры Болхова. Неплохим образцом классической архитектуры является колокольня собора, выстроенная в 1830-е годы.

Экспрессивность панорамы всегда настраивает на особый лад, когда впервые подъезжаешь к незнакомому городу. Он сразу приобретает притягательность, какое-то особое обаяние, которое ощущаешь затем постоянно, знакомясь с его памятниками. Живописная панорама — это и как прощальный привет уже ставшего близким города, когда, покидая его, ещё и ещё раз оглядываешься назад, пока не скроется он от взора за окрестными холмами.

Если болховцы слыли в округе людьми простоватыми, то о мценских жителях соседи держались совсем другого мнения. «В простонародье город Мценск называется Амченском, а жители амчанами. Амчане ребята бойкие; недаром у нас недругу сулят «амчанина на двор»[38],— писал в «Записках охотника» И.С.Тургенев. Город этот он знал очень хорошо, любил его. Вид Мценска, когда он открывался весь с вершины одного из окрестных холмов, вызывал у писателя радостное чувство, «чувство родины»:

«Кто мне растолкует то отрадное чувство, которое всякий раз овладевает мною, когда я с высоты Висельной горы открываю Мценск? В этом зрелище нет ничего особенно пленительного — а мне весело. Это и есть чувство родины»[39].

Я вспомнил эти слова, когда в книге А.Верта прочитал о Мценске 1943 года:

«Вдали, на холме, под голубым летним небом виднелись руины церквей, остатки домов и одинокие печные трубы. ...Руины на холме были развалинами Мценска. Две старухи и четыре кошки — вот все живые существа, которых советские солдаты нашли там, когда немцы отошли 20 июля. Прежде чем уйти, фашисты взорвали и сожгли всё — церкви и здания, крестьянские избы и всё остальное. В середине прошлого века в этом городе жила «леди Макбет» Лескова и Шостаковича. Как-то не укладывалось в голове, что эта драма страстей и крови развертывалась в городе, где теперь стоял запах крови, пролитой по совсем иным причинам»[40].

Мценск перед началом Курской битвы находился как раз на самой линии фронта. Правда, это место не входило в состав самой Курской дуги, но уже на втором этапе битвы, когда Советская Армия перешла в наступление, здесь шли жестокие бои за город. Верт приехал сюда сразу после освобождения Мценска.

И горькое чувство, возникавшее у каждого русского человека при виде разрушенного города, можно тоже назвать «чувством родины», но родины страдающей, требующей отмщения.

Сейчас Мценск уже отстроился, лишь разрушенные врагом церкви да танк в центре города напоминают о годах войны.

Мценск — город многострадальный. Сколько раз он был разорен за свою долгую историю! История же его начинается в 1147 году, Мценск — ровесник Москвы. Как и другие города этой земли, подвергался он многочисленным набегам, осадам, штурмам. В разное время город воевали татары, Литва, рязанские и московские князья. В христианство Мценск был обращен сравнительно поздно: лишь в 1415 году. Для этого сюда прибыл в сопровождении большого войска митрополит Фотий. Хотя Мценск был в это время под властью Литвы, московское влияние заметно усилилось после крещения местных жителей. Иван III окончательно присоединил Мценск к Московскому государству.

Во второй половине XVI века в Мценске сооружается мощная крепость. Общая длина стен и валов достигала тогда 2,5 километра. Мценская крепость, так же как и Болховская, находилась чуть южнее Засечной черты, на самой границе Дикого поля, и должна была принимать на себя первые удары вражеского нашествия. Главными же врагами этих земель были в то время крымские татары и поляки.

Немало бед принесло Мценску Смутное время. Не раз ещё подходили к стенам города татары. Но во второй половине XVII столетия границы государства отодвигаются далеко на юг и на запад. Мценск теряет свое военное значение. Мценская крепость ветшает, разрушается.

Древний Мценск возник на правом крутом берегу Зуши. Здесь же была возведена в XVI веке и городская крепость. Позднее центр города переместился на левый берег реки, на месте же старого городища находился Петропавловский монастырь с прилегающей к нему Стрелецкой слободой.

Историк монастыря, священник Иерофей, с наивной восторженностью описывал местоположение обители:

«...там откроются виды прекрасные. Почти отвесная крутизна высокого каменного берега реки Зуши, стремящейся под горою, приводит душу в трепет. Здесь человек не чувствует под собою

земли, стоя как бы на облаках и простирая взор свой на расстилающийся по ту сторону реки новый город Мценск, который с пятью своими церквами и лучшими своими зданиями рисуется превосходно живою картиною, представляя взору движущееся вдали наронаселение»[41].

Река Зуша и Петропавловская церковь в Мценске

Место для крепости было выбрано, конечно, очень удобное. Её защитникам помогала здесь сама природа. Высокий крутой холм при впадении в Зушу речки Мецны — место, типичное для русской крепости.

Когда же миновала военная опасность и у природы уже не нужно было искать защиты, жители начали селиться на противоположном, более удобном берегу реки.

Петропавловская церковь в Мценске. XVII в.

На городище же сегодня можно видеть лишь остатки земляного вала да чуть поодаль церковь Петра и Павла — небольшой приходский храм, единственное из сохранившихся сооружений стоявшего здесь когда-то большого монастыря. Церковь Петра и Павла, если судить по внешнему её виду, была выстроена в XVII веке. Это кубическое в объёме здание с венчающим его пятиглавием. С западной стороны подобные храмы имеют всегда небольшую трапезную и колокольню над входом. Есть они и у Петропавловской церкви, однако колокольня относится к более позднему времени, примерно к концу XVIII — началу XIX века. Очевидно, при возведении колокольни несколько изменили декор самой церкви. Каким он был прежде, сказать трудно, но обозначенные контуром два ряда полукруглых кокошников, являющихся сейчас единственным украшением церкви, не могли выглядеть так в XVII веке.

Можно предполагать, что храм завершала прежде небольшая пирамида кокошников в два яруса, которая была затем заложена и после этого схематически обозначена на плоской стене. Впрочем, небольшой уступ между верхним и нижним рядами кокошников заметен и сейчас. Но вопрос этот требует

изучения. (Тем более потому, что некоторые справочные издания относят церковь к XVI столетию, однако подобная датировка весьма сомнительна.)

Внутри храма можно увидеть редкие для православной церкви деревянные резные скульптуры — Распятие, Николай Чудотворец, Христос в темнице. Особенно хороша последняя: одинокий тоскующий человек сидит, печально подпирая рукой слегка склоненную голову.

«Дом боярина» (церковь Михаила-Архангела) в Мценске. Конец XVII—начало XVIII в.

Рядом с городищем, у самого шоссе, стоит так называемый «дом боярина», памятник архитектуры конца XVII — начала XVIII века. (На время постройки указывает форма наличников на окнах здания — схематическое подобие наличников «московского барокко».) Но это не жилой дом, а церковь Михаила Архангела (Вознесенская). Во время боёв за Мценск верхняя часть её была разрушена, колокольня снесена, и

церковь стала походить на небольшой феодальный замок с башенкой над входом, глухими стенами и редкими окошками. Кто-то, не разобравшись, назвал бывшую церковь «боярским домом». Вовремя ошибку не исправили, так она и дожила до наших дней и даже перекочевала в справочную литературу.

Недавно принято решение о реставрации «дома боярина», о восстановлении первоначального вида церкви.

Никитский собор в Мценске. Начало XIX в. Архитектор А.И.Мельников

Несколько церквей сохранилось в левобережной части Мценска.

Однако ценность их заключена не в их собственно архитектурных достоинствах, а в их значении для города в

целом. Они — основа городского пейзажа, без них город потерял бы свое лицо. Среди этих храмов наибольший интерес представляет Никитский собор, выстроенный, как предполагают, архитектором А.И.Мельниковым, автором Знаменского собора в Курске. Нет сомнения, что после реставрации Никитский собор станет одной из главных достопримечательностей города.

Хороши тихие улицы Мценска, на которых ещё можно увидеть скромные, но по-своему примечательные памятники провинциальной архитектуры.

Так же, как и прочие города Российской империи, Мценск получил в то время Торговые ряды. О Торговых рядах можно сказать то же, что о большинстве архитектурных памятников Мценска: сами по себе они не являют собой особенных достоинств, но без таких вот чрезвычайно характерных для уездного провинциального города сооружений он утратил бы свое главное обаяние, лишился бы основных черт, составляющих его «физиономию».

На улице Мценска

Глядя на Мценск с высокой горы, откуда он открывается весь, мы должны стремиться ощутить в себе то «чувство родины», о котором писал когда-то И.С.Тургенев. Это чувство, пожалуй, острее всего осознается в местах, подобных Болхову и Мценску. Ведь недаром же именно о Мценске вспоминал Тургенев в далеком Париже, думая о родине. Над этим стоит задуматься. И уже это одно должно заставить нас считать такие места поистине заповедными.

5. По тургеневской земле

Километрах в десяти от Мценска, по дороге на Орёл, находится бывшая усадьба Новосильцевых — Воиново.

От самой усадьбы мало что сохранилось: некоторые хозяйственные постройки, остатки парка... В самой отдаленной его части я набрел на хорошо сохранившуюся беседку-ротонду: белые высокие колонны держат над собою полукруглый купол. Такие беседки часто сооружались раньше в дворянских классических усадьбах. К месту, где стоит беседка, сходятся с трех сторон липовые аллеи, проложенные среди большого фруктового сада.

Что-то удивительно знакомое почудилось мне в этом уголке парка: аллеи, беседка... Может быть, нечто подобное видел я на старинной гравюре? А может, возникло это в воображении при чтении какого-либо романа? Трудно сказать.

Представляется здесь тихая жизнь обитателей небольшого «дворянского гнезда». Так и кажется, что появится сейчас в конце аллеи тургеневская барышня в белом платье, задумчиво бредущая на свидание к какому-нибудь нерешительному Рудину. А вот эта беседка непременно должна быть связана с трогательной и романтической историей в духе Тургенева. Почему-то хочется верить, что всё это было именно так.

То ли сама местность, обстановка к тому располагает, то ли заранее настроил я себя на определенный лад, но, кажется, ничего иного здесь, на тургеневской земле, и представить себе нельзя. Я стоял, прислонившись к одной из колонн беседки, и думал, что, может быть, и сюда забредал когда-нибудь неутомимый охотник Иван Сергеевич Тургенев. В этом нет ничего невозможного: ему случалось бывать и в более отдаленных от его дома местах. А если он и не был здесь никогда, то всё равно земля эта его, тургеневская. И всё здесь, вольно или невольно, несет на себе приметы тургеневских описаний.

Уже некоторое время спустя, перечитывая вновь «Записки охотника» и вспоминая места, в которых побывал, я нашел одно описание, удивительно напомнившее мне Воиново: «...таких садов у нас в Орловской губернии довольно много. Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбирали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. ...Эти усадьбы, «дворянские гнезда», понемногу исчезали с лица земли... Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окруженные распаханными полями, гласят нашему ветреному племени о «прежде почивших отцах и братиях». Прекрасное дерево — такая старая липа... Её щадит даже безжалостный топор русского мужика. Лист на ней мелкий, могучие сучья широко раскинулись во все стороны, вечная тень под ними»[42].

Конечно, Иван Сергеевич не описывал именно Воиново. Таких «дворянских гнезд», как он сам говорит, было в Орловской губернии довольно много. Но это одно из немногих сохранившихся. И не важно, бывал ли тут сам Тургенев. Эти места хранят память о нем.

Землю эту я назвал про себя «землею «Записок охотника». И стоя у старинной беседки в воиновском парке, я подумал, что нечего размышлять о дальнейшем маршруте своего путешествия: конечно, нужно сейчас же ехать в Спасское-Лутовиново.

Беседка-ротонда в усадьбе Воиново

Тургеневская усадьба Спасское-Лутовиново находится на таком же примерно расстоянии от Мценска, что и Воиново, но по другую его сторону, к северу. Гёте справедливо говорил: чтобы узнать поэта, нужно побывать на его родине. И родина эта теперь перед нами. Мценск... и совсем скоро — Спасское-Лутовиново.

Тургеневская земля — это не одно только Спасское. Это и огромное пространство вокруг него: леса, поля, деревни, которые писатель обошел не раз за многие годы своих охотничьих скитаний. Названия этих мест сохранились на страницах тургеневских произведений.

И кто же из любящих Тургенева и вообще русскую литературу не захочет хоть раз в жизни увидеть собственными глазами Бежин луг или деревеньку Колотовку, в которой состязались когда-то тургеневские певцы!

Собираясь в тургеневские места, я решил совершить для первого раза небольшое путешествие пешком от Спасского-Лутовинова до села Тургенево в Тульской области — весь путь километров двадцать с небольшим. И я приглашаю всякого, кто пожелает, пройти этой дорогой вслед за мною.

Само Спасское-Лутовиново по праву можно назвать «тургеневской столицей». Впервые Тургенев попал сюда в 1821 году, в трехлетнем возрасте, и вся жизнь его с той поры была связана с этими местами. Даже будучи далеко отсюда, за границей, мог ли не вспомнить он о родной земле! Он обращается к ней мыслью в письмах, в произведениях своих. Кто же не знает этих слов Тургенева из письма Я.П.Полонскому, в которых отдавал он последний свой поклон родине:

«Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу»[43].

Я вспоминаю их, стоя здесь, перед тургеневским дубом, растущим почти в самом центре лутовиновского парка. Рядом — табличка со строками из повести Тургенева «Фауст»:

«Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он... а что слышалось птиц!»[44].

Парк Спасского описан во многих тургеневских произведениях. Всякий, побывавший здесь, если станет затем перечитывать Тургенева, постоянно будет узнавать в описаниях знакомые уже, виденные места.

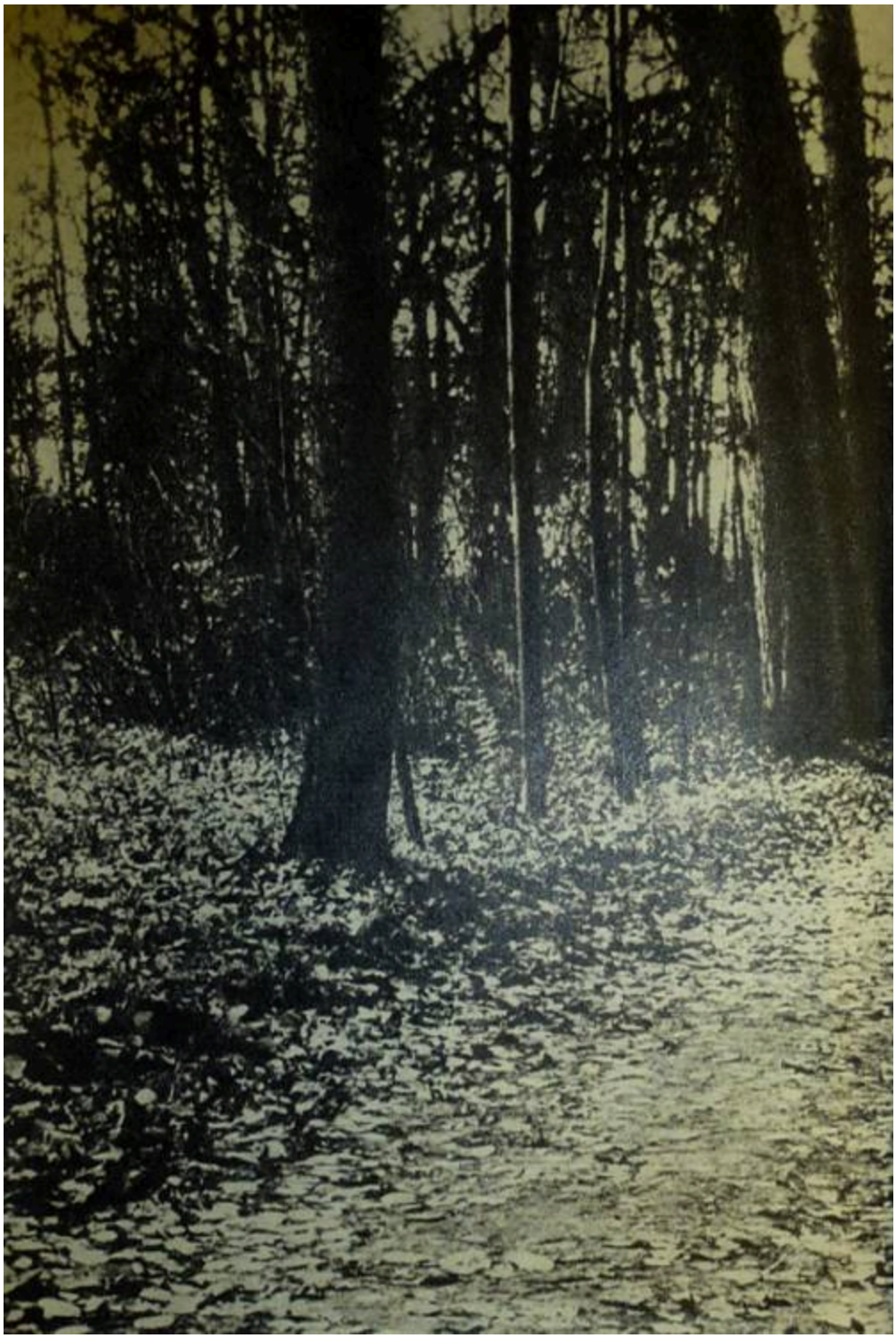
«Сад... был очень стар и велик и заканчивался с одной стороны проточным прудом... В голове этого пруда засел густой лозняк; дальше вверх, по обоим бокам косогора, шли сплошные кусты орешника, бузины, жимолости, терна, проросшие снизу вереском и зорей. Лишь кое-где между кустами выдавались крохотные полянки С изумрудно-зелёной, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрея своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистые сыроежки и светлыми пятнами загорались золотые шарики «куриной слепоты». Тут по веснам певали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тут и в летний зной стояла прохлада — и я любил забиваться в эту глушь и чащу, где у меня были фаворитные, потаенные местечки, известные,— так по крайней мере я воображал!— только мне одному»[45].

Любимый дуб И.С.Тургенева в Спасском-Лутовинове

Я долго брожу по усадьбе. Выхожу за ограду, туда, где стоит небольшой мавзолей-усыпальница Лутовиновых, а неподалеку от него — квадратный посеревший камень на «могиле гувернера». Пытаюсь различить надпись на его грани. Затем снова иду к усадебному дому, к дубу, к церкви... Рядом с церковью — «беседка Рудина», небольшая площадка, тесно обсаженная деревьями; здесь Тургенев писал свой первый роман. В парке за домом, на границе усадьбы — «пруд Савиной». Длинные аллеи пересекают парк в разных направлениях.

«Люблю я эти аллеи, люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле...»[46].

Аллея в Спасском-Лутовинове

Странное это ощущение — самому обойти, увидеть своими глазами всё то, то самое, что прежде было для тебя чем-то отчужденным уже от жизни, уже как будто существующим только на страницах книги, в литературе.

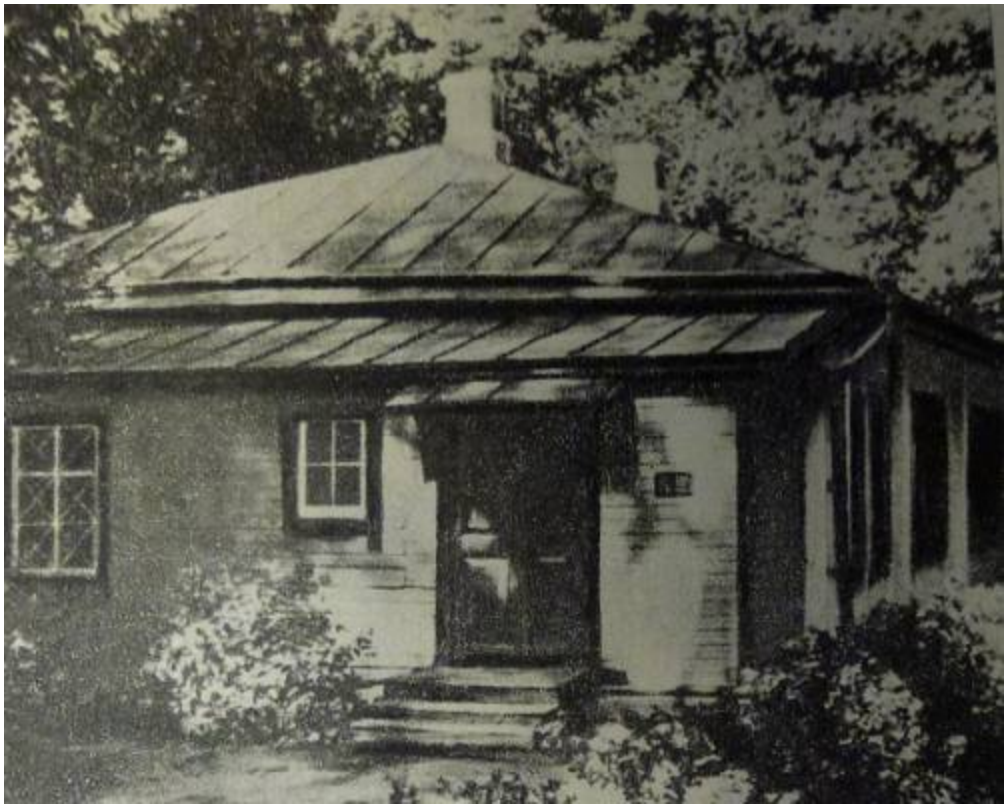
К сожалению, не всё в усадьбе сохранилось. Большой усадебный дом сгорел ещё в 1838 году. При доме было два флигеля, с которыми он соединялся полукруглыми каменными галереями. После пожара дом восстанавливать не стали, а приспособили для жилья один из флигелей, уцелевший от огня. Это здание и было прежде всего связано с памятью о писателе, но в 1906 году сгорело и оно. Много разрушений принесла Спасскому война. Гитлеровцы безжалостно вырубали деревья в парке, сожгли многие постройки.

Аллея в Спасском-Лутовинове

Сегодня усадьба почти полностью восстановлена. Заново выстроен дом Тургенева с прилегающей к нему каменной

галереей. Бывшая богадельня, церковь, «флигель изгнанника», в котором жил писатель в годы ссылки в 1852—1853 годах,— всё это выглядит так, будто и не касались усадьбы никакие разрушения, будто только что выехал отсюда её хозяин.

«Флигель изгнанника» в Спасском-Лутовинове

Для характера, для судьбы человека очень важны его детские годы. Заложенное в детстве во многом определяет всю жизнь его. Чтобы лучше понять поэта, надо попытаться заглянуть в его детство.

Детство Тургенева прошло здесь, в Спасском-Лутовинове. Именно здесь зародилось в нем «чувство родины», здесь соединились в его душе и сознании поэзия и природа. Здесь узнал он и полюбил простого русского человека.

О своем приобщении к литературе, происходившем под руководством дворового лутовиновской усадьбы, вспоминал Тургенев впоследствии в повести «Лунин и Бабурин»:

«Невозможно передать чувство, которое я испытывал, когда, улучив удобную минуту, он внезапно, словно сказочный пустынник или добрый дух, появлялся передо мной с увесистой книгой под мышкой и... указывал головой, бровями, плечами, всем телом на глубь и глушь сада, куда никто не мог проникнуть за нами и где невозможно было нас отыскать! И вот удалось нам уйти незамеченными; вот мы сидим уже рядком, вот уже и книга медленно раскрывается... Раздаются, наконец, первые звуки чтения! Всё вокруг исчезает... нет, не исчезает, а становится далеким, заволакивается дымкой, оставляя за собою одно лишь впечатление чего-то дружелюбного и покровительственного! Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокие травы заслоняют, укрывают нас от всего остального мира; никто не знает, где мы, что мы — а с нами поэзия, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у нас происходит важное, великое, тайное дело...»[47]. И ведь это было здесь же! И опять возникает это странное чувство прикосновения к тому, что на твоих глазах из вымысла превращается в осязаемую реальность. Я ухожу в глубь парка, пытаясь угадать место, укрывавшее когда-то двух «заговорщиков», двух любителей чтения. Найти его, конечно, нельзя, но оно где-то здесь, рядом; и я снова как будто прикасаюсь к жизни давно ушедшей и всё же такой близкой для меня сейчас, словно она только что совершилась на моих глазах.

Зайдя в самую глухую и отдаленную часть парка, я спустился в сильно заросший кустами и деревьями овражек. Поперёк него возвышалась передо мною земляная плотина. Почти на середине она круто обрывается к самому дну оврага, образуя большой прогал между собою и высоким берегом. Видно, давным-давно плотина эта была прорвана, да так и осталась, никому не нужная, стоять посреди оврага. Пруд же устроили на другом месте, чуть поодаль.

Я вскарабкался на самый верх плотины и осмотрелся. Место казалось диким и мрачным. «Да это похоже на Авдюхин пруд,—

подумалось мне.— Ну, конечно, на Авдюхин пруд».

«Авдюхин пруд, возле которого Наталья назначила свидание Рудину, давно перестал быть прудом. Лет тридцать тому назад его прорвало, и с тех пор его забросили. Только по ровному и плоскому дну оврага... да по остаткам плотины можно было догадаться, что здесь был пруд... Всё место около старого пруда считалось нечистым; пустое и голое, но глухое и мрачное даже в солнечный день, оно казалось ещё мрачнее и глуше от близости дряхлого дубового леса...[48]».

Плотина эта известна в округе под именем Варнавицкой плотины. В своё время ходили слухи, будто по ночам здесь бродит, не находя покоя в могиле, старый барин, основатель усадьбы Иван Иванович Лутовинов. Жестокий крепостник, он мучился своими грехами, и много их было у него на душе.

Как раз об этом говорят между собой мальчики в рассказе «Бежин луг»:

«А слыхали вы, ребятки... что намеднись у нас на Варнавицах приключилось? ...На плотине на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги [...] Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Чего, мол, батюшка Иван Иваныч, изволишь искать на земле?» [...] Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...»[49].

Я вышел по плотине на противоположный берег. Усадьба кончалась. Сразу за небольшой оградой начиналось поле. Неподалеку виднелась небольшая деревенька (с громким, впрочем, названием — Передовик). На её месте находилась прежняя усадьба Лутовиновых, где обитали предки Тургенева до перенесения господского дома в Спасское. Называлась она Петровское и была описана в романе «Отцы и дети» как усадьба братьев Кирсановых.

Подходя к деревне, я оглянулся назад: лутовиновский парк темнел островком посреди широкого поля. Не раз, наверное, глядел на него вот так же сам Иван Сергеевич Тургенев, то отправляясь на охоту и в последний раз оглядываясь на родной угол, то возвращаясь с полным ягдташем, резавшим своей тяжестью плечо, и радуясь скорому отдыху.

Вот она передо мною, земля «Записок охотника». И вся она кажется мне большим заповедником: эти места дали нам одно из самых удивительных произведений русской литературы.

Мы часто говорим о родине, о любви к своей стране, и эти понятия имеют для нас вполне определённый и совершенно ясный смысл. Родина для нас — вот эти поля, леса, которые окружают меня сейчас и кажутся бесконечными, и вот это небо, что раскинулось над головой... Родина — это и седая старина и наш сегодняшний день. И конечно, это люди, народ, живущий на этой самой земле, и без любви к которому нет и подлинной любви к родине. Мысль эта представляется нам теперь настолько ясной и бесспорной, что как будто не стоит и затевать ради неё долгий разговор.

Но эта же мысль каких-нибудь сто пятьдесят лет назад многим, и очень многим людям умным и образованным, казалась странной и даже дикой. Кого же любить? Вот этих темных и грубых существ, которых и людьми-то назвать трудно?

Великую задачу — раскрыть богатство души и возвышенное благородство простого народа, помочь полюбить этот народ — поставила жизнь перед русской литературой. Первым произведением, в котором правдиво, полно и с любовью был изображен крепостной русский крестьянин, были «Записки охотника».

Тургенев и Григорович впервые сделали мужика главным героем своих произведений. Но если автор «Антона-Горемыки» ограничивался в основном изображением тягот и бесправной жизни народа, то Тургенев, вовсе не закрывая глаза на несправедливости крепостного права, показывал прежде всего внутреннюю красоту и щедрый талант простого русского человека. Забитого мужика Григоровича мы жалеем. Мужиком Тургенева — восхищаемся. (И, к слову сказать, как ни велика

заслуга Карамзина и других писателей, бравшихся за изображение народа, но всё же впервые по-настоящему показал, что «и крестьянки любить умеют», именно Тургенев.)

Белинский, всегда очень чуткий ко всякому проявлению истинного таланта, умевший в самом зародыше разглядеть всё новое, что появлялось в литературе, сразу же отметил самые первые рассказы цикла как явление выдающееся. Он писал, что в рассказах этих «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил. ...С каким участием и добродушием автор описывает нам своих героев, как умеет он заставить читателей полюбить их от всей души!»[50].

«Записки охотника» вызвали недовольство властей. Автор был арестован, а затем сослан в Спасское-Лутовиново. Об этом напоминают нам названия: «флигель изгнанника», «аллея ссыльного» (эта аллея была посажена самим Тургеневым во время ссылки).

Вообще мы знаем много антикрепостнических произведений Тургенева. Наверное, в раннем ещё детстве каждый из нас уже знал печальную историю Муму. И чьё же детское сердце не проникалось жалостью к благородному Герасиму и негодованием на жестокую барыню! А ведь в этой барыне писатель изобразил свою мать, Варвару Петровну, самовластную и лютую помещицу. Дикие нравы крепостного права Тургенев мог наблюдать ещё ребенком. Он дал «аннибаловскую клятву» — «бороться до конца» против ненавистного ему порядка крепостной жизни.

В те далекие от нас времена поколения русских людей были воспитаны на мысли о бесспорном превосходстве дворянства над простым народом. Народ представлялся многим в виде бестолковых гоголевских дяди Митяя и дяди Миняя. За мужиком признавались определенные таланты и способности. «Ярославский расторопный мужик» создал знаменитую «птицу-тройку». Но стоило ей запутаться на дороге, и такие же мужики, Митяй и Миняй, пытаясь освободить её, распутать, запутали всё ещё больше. Мужик талантлив, но талант его проявится только, если им умело руководить. Сам он, дай ему волю, погибнет.

В «Записках охотника» крестьянин изображен на голову выше дворянина. Он умнее, талантливее, нравственнее своего господина. Тот же Хорь прекрасно обойдется без барина. А вот барин как? А баре-то все как на подбор таковы, что хуже некуда. Всё больше никчемные «гамлеты Щигровского уезда» или Чертопхановы и недопюскины (одни фамилии чего стоят!).

Тургенев лишает сторонников крепостного права права нравственно оправдывать существующие порядки.

На такое изображение народа был способен только человек, безусловно и искренне любивший этот народ.

«Чувство родины», о котором говорил Тургенев, включает в себя и «чувство природы» — это несомненно.

Мысль о тургеневском пейзаже связана в нашем сознании со словом поэтический. Тут как автомат срабатывает — только подумаешь: «описание природы», и сразу же выскакивает откуда-то — «поэтическое». В общем-то, спорить как будто и нечего; действительно, картины природы у Тургенева полны поэзии. Но если внимательно вчитаться в них, то окажется, что очень часто писатель показывает пейзажи, вовсе не отличающиеся особой красотой, порою даже невзрачные.

Откуда же это ощущение поэзии? Поэт может своим талантом превратить самое низменное проявление жизни в возвышенное создание искусства. Но, говоря словами Гоголя, «много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл созданья»[51]. Нужно любить даже это невзрачное, непривлекательное, которое, в сущности, является одним из проявлений прекрасного. Ощущение поэзии тургеневского пейзажа возникает прежде всего из любви его, подлинной любви к природе. «Он любит природу не как дилетант, а как артист, и поэтому никогда не старается изображать её только в поэтических её видах, но берет её, как она ему представляется. Его картины всегда верны, вы всегда узнаете в них нашу родную, русскую природу...»[52] — писал Белинский. В справедливости этих слов можно убедиться здесь, на тургеневской земле, сравнив описания с видом окрестных мест.

...Мне же тем временем нужно было продолжать свой путь. Я спросил дорогу на деревню Голоплеки. Деревня эта упоминается в «Записках охотника» несколько раз. Мне хотелось заглянуть в неё; я слышал, что там и до сих пор живут потомки однодворца Овсяникова, рядом же с деревней находится Чаплыгинский лес, тоже упомянутый Тургеневым. Хоть одним глазом глянуть, но всё же нужно.

— В Голоплевку? А вот задами дорога, да через поле наискось,— ответила мне древняя старушка, к которой я обратился с вопросом.

Я вышел на дорогу. Вначале, у деревни, по обе её стороны тянулись старые ракиты, так что она больше походила на аллею, но скоро они кончились, и я очутился в чистом поле.

Окрестности Спасского-Лутовинова

«Места... не могли называться живописными. Поля, всё поля тянулись вплоть до самого небосклона, то слегка вздымаясь, то

опускаясь снова; кое-где виднелись небольшие леса, и, усеянные редким и низким кустарником, вились овраги... Попадались и речки с обрывистыми берегами, и крошечные пруды с худыми плотинами, и деревеньки с низкими избёнками...»[53].

Деревни, куда я направлялся, видно впереди не было: местность тут полого поднимается вверх, и небольшая возвышенность скрывает за собою окрестные селения. Я опасался дать крюку, выйдя в сторону от Голоплек. На подъеме, посреди поля я разглядел какое-то странное сооружение, которое оказалось вблизи железной аркой с надписью: «Колхоз «Родина». Черненский район. Тульская область». Это была граница Орловской и Тульской земли. Голоплеки, которые теперь уже были видны отсюда, находились в Тульской области.

Для каждого, кто захочет повторить мой путь, эта арка будет верным ориентиром, который не даст сбиться с пути. А вообще не бойтесь заблудиться: любой случайный прохожий, стоит только обратиться к нему, начнет подробно растолковывать вам дорогу. А в деревне во всякую избу зайдите — не то что расскажут, за околицу с вами выйдут, указывая путь.

Так случилось со мной, когда в Голоплеках я постучался в первый попавшийся мне на дороге дом и спросил, как лучше пройти на Ветрово. (Ветрово, как объяснили мне ещё в Спасском, находилось прямо на моем пути в Тургенево.) Хозяйка, пожилая уже женщина, бросила какие-то свои дела и, как я ни отговаривался, повела меня за деревню, туда, где начиналась дорога. По правде говоря, вначале мне было совестно, что из-за меня человек отвлекается от дела, но потом я увидел, что возможность оказать мне эту маленькую услугу приятна моей провожатой. Она бодро шагала впереди, расспрашивая меня об обычных в таких случаях вещах: кто я, да откуда, да зачем тут очутился, да куда иду...

— А правда ли,— спросил я у неё,— что у вас тут много Овсяниковых?

— Да все Овсяниковы. Только три семьи Субичевых да одна — Ширяевы. А так все Овсяниковы.

— И вы из Овсяниковых?

— А чего ж!

Как-то странно было видеть человека, приходившегося, очевидно, родственником тому самому однодворцу Овсяникову, который был для меня хорошо знакомым литературным героем.

Мы вышли на край деревни; здесь женщина остановилась, но долго ещё не уходила, глядя мне вслед, как бы желая удостовериться, что я иду правильно и с пути не собьюсь.

— А влево не сворачивай, и к лесу не ходи! А всё прямо и прямо!.. А до дубков дойдёшь, оттуда сверху оно в низинке и видно уже! Всё прямо иди! — кричала она мне вслед, повторяя уже в который раз свои объяснения.

Дорога от Голоплек снова поднималась вверх, и опять горизонт был закрыт пологим холмом, но тут я уже не боялся потерять дорогу и всё-таки свернул к лесу, а чтобы не огорчать «непослушанием» эту заботливую женщину, дождался прежде, когда она ушла домой.

Чаплыгинский лес. Где-то здесь умирал на глазах Тургенева придавленный срубленным деревом подрядчик Максим. «Удивительно умирает русский мужик!»— вспомнилось мне.

Здесь, куда ни пойди, то тут, то там встретишь живые приметы давно ушедшего времени, память о котором хранят тургеневские страницы. И ведь всё же это было, происходило в действительности, и кажется мне, что теперь вот я могу здесь снова и снова прикасаться к далёкому прошлому, протягивая руку через столетие, отделяющее меня от той эпохи.

Жил на свете однодворец Овсяников; современники могли разговаривать с самим Хорем, живым, не выдуманным, деревня Хоревка существует и сейчас; в «степном селе» Льгове и по сей день стоит церковь, упомянутая Тургеневым.

«Я не могу выдумывать,— говорил Тургенев.— И фабулу и действующих лиц я всегда брал из жизни... Всё, что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мною»[54]. Писатели вообще-то любят иногда наговаривать на себя. Слова Тургенева не совсем справедливы, но к «Запискам охотника» их можно отнести вполне.

Цель каждого художника — перерабатывая в сознании различные проявления действительной жизни, выражать свою мысль в образной эстетической форме. Всякая мысль, данная вне эстетической сущности произведения, неминуемо покажется беднее и бледнее, чем могла бы быть она же, будь она облечена в соответствующую ей эстетическую форму. Всякий художественный просчет обедняет содержание.

Различные художники (а порою один и тот же мастер в разные моменты творчества) по-разному используют жизненные явления, то полностью трансформируя их в воображении, то перенося в своё произведение нетронутыми, почти без изменения. Последнее может показаться кому-то механическим, лишенным творческого начала. Но это не так. Сам момент перенесения из жизни в произведение является одним из чудес искусства: у подлинного художника в этот момент обыденный жизненный факт преображается, становится полноценным художественным образом. И это преображение — творческое.

Творческое потому, что прежде всего художник создает в своем воображении некий эстетический идеал, а затем, оценивая с точки зрения этого идеала окружающую действительность, отбирает явления этой действительности, в той или иной степени преображая их в соответствии со своим идеалом. Может случиться и так, что сама жизнь в каком-то своём отдельном проявлении почти полностью соответствует идеалу художника, вот в этот-то (и только в этот) момент он и берёт данное проявление жизни, перенося его без изменения в своё произведение.

Именно так подходил к «Запискам охотника» Белинский, оценивая их художественное своеобразие:

«Он (Тургенев.— М.Д.) может изображать действительность, виденную и изученную им, если угодно — творить, но из готового, данного действительностью материала. Это не просто списывание с действительности,— она не даёт автору идей, но наводит, наталкивает, так сказать, на них. Он перерабатывает взятое им готовое содержание по своему идеалу, и от этого у него выходит картина, более живая, говорящая и полная мысли,

нежели действительный случай, подавший ему повод написать эту картину...»[55].

Оценивая произведение искусства, мы принимаем во внимание не только степень мастерства в создании тождественного идеалу художественного образа (подлинный художник добивается именно этого тождества), но и этическую и эстетическую ценность самого идеала. И ценность эта характеризует не только достоинства произведения искусства, но и глубину творческой личности самого художника.

Перечитывая «Записки охотника», мы должны воздать должное благородной и одухотворенной натуре их творца, так полно выразившейся в этих безыскусных, но возвышенных образах.

В богатстве личности автора и в нравственной высоте его идеала залог бессмертия произведения искусства. Личность Тургенева определила непреходящую ценность «Записок охотника». В красоте души простого русского мужика отразилась прекрасная душа русского писателя. Он разглядел «искру божью» в другом только потому, что имел её сам.

Банальная истина: каждая эпоха подвергает искусство переоценке, отбрасывая многое из того, что привлекало предшествующие поколения. Старая задача — доказывать, что и крестьянин тоже человек — отжила своё.

Если бы значение «Записок охотника» ограничивалось только антикрепостническим содержанием, они превратились бы в мёртвый памятник истории вскоре после реформы 1861 года. Но пока жив на земле русский человек, будет жить и великое произведение русской литературы — «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева.

...Спускаясь с очень пологого холма, я вышел к деревне, которую принял вначале за Ветрово, но пожилой возчик, грузивший дрова на широкую подводу, сказал мне иное: «Живой ключ». Удивительные все-таки встречаются названия у русских деревень!

— А Ветрово где?

— А вон на горе.

Однако из дальнейших расспросов о дороге оказалось, что идти мне нужно вовсе и не через Ветрово, а совсем в другую сторону, берегом реки.

— Вот так, на Лобаново путь держать!

Что ж. Лобаново так Лобаново.

Идя вдоль реки со звучным именем Снежедь, я заметил несколько ключей, бивших у самого берега. Вот и разгадка названия деревни. Снежедь, как все равнинные реки, течет, делая большие медленные петли среди заливных лугов. То там, то здесь подступают совсем близко к её берегам высокие холмы, круто обрывающиеся почти к самой воде и заросшие по склонам густым кустарником. Огромные поля изредка перемежаются небольшими лесными островками. Темнеют крыши деревень.

Пройдя Лобаново, я скоро сбился с дороги. Заблудиться-то здесь было как будто невозможно, надо только придерживаться реки. Но я решил сократить путь и пошел напрямик через поле, держа направление на видневшийся вдали лесок. Однако вскоре мне показалось, что я слишком забрал влево, тогда как река, казалось мне, давно уже свернула направо. Круто повернув к реке, я вышел к высокому обрыву. Спускаться вниз, продираясь через его частые заросли, мне не хотелось, и к тому же сверху я ясно разглядел, что можно было бы срезать ещё порядочный угол, если взять опять немного влево. Я снова пошел полем и скоро очутился возле оврага, тянувшегося по краю леса.

Перебравшись через овраг, я остановился в недоумении: дороги не было. Я был в положении человека, который понимает, что, для того чтобы не заблудиться окончательно, нужно вернуться немного назад и идти пусть более долгой, но зато верной дорогой; однако уж очень не хочется возвращаться и всё какая-то надежда есть выйти скоро на правильный путь. Я решил идти без дороги напрямую, благо лесок показался мне издали совсем небольшим и заблудиться в нём было бы делом совсем уж мудреным.

И действительно, скоро я снова вышел в поле и по видневшемуся совсем рядом краю обрыва угадал близость реки.

Какие-то ребятишки медленно шли по краю обрыва и, пыхтя, тащили за собой велосипеды

— Что это за место? — спросил я их.

И услышал удивительно знакомое:

— Бежин луг.

Господи! Да неужели же это **тот** самый Бежин луг? Бежин луг, не выдуманный, настоящий!

Я знал, что он здесь. Я шёл к нему. Я уже ждал, что сейчас увижу его. Но теперь, когда он был передо мной, я не сразу заставил себя поверить, что это именно он.

Да, это был **тот** самый Бежин луг. Его и сейчас можно узнать по описанию. Я уже успел порядочно устать, поэтому уселся на краю обрыва и долго сидел так, оглядывая сверху всю эту местность, давно ставшую мне близкой и родной.

Странно было ощущать, что сто с лишним лет назад примерно отсюда же увидел Бежин луг Иван Сергеевич Тургенев и именно с этого места дал его описание: «Я... увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали её теченье. Холм, на котором я находился, спускался почти отвесным обрывом...»[56].

...Если от Бежина луга выйти к березовому лесу, начинающемуся почти сразу за деревней, пройти его, пересечь шоссе, тянущееся через поле за этим лесом, и идти дальше вдоль большого оврага, по дну которого течет речушка Снежедок, то второй деревней на пути будет Колотовка.

«Небольшое сельцо Колотовка [...] лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуще реки,— через реку можно по крайней мере навести мост,— разделяет обе стороны бедной деревушки. Несколько тощих ракит боязливо спускаются по песчаным его бокам; на самом дне, сухом и желтом, как медь, лежат огромные плиты глинистого камня»[57].

Рассказ «Певцы» — один из лучших в «Записках охотника». Образ Якова Турка вырастает в рассказе до высокого символа. Всё лучшее, что есть в народе, в простом русском человеке, прекрасная и возвышенная душа его — заключены в таланте Якова. «...В нём была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нём, и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны»[58].

Но Тургенев показывает нам своего героя не только «в блеске», но и в «нищете»: действие рассказа происходит в кабаке, и соревнование певцов идет за «осьмуху» пива; в конце рассказа тот же Яков, пьяный и неряшливый, напевает «осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню». Тут и высокий взлет, и глубокое падение человека, народа. Тургенев не скрывает ни того, ни другого. В этом разительном контрасте — щемящая мысль. Писатель не только восхищается талантом народным, но и скорбит по напрасно растрачиваемой силе его.

«Ты и убогая,

Ты и обильная,

Ты и забитая,

Ты и всесильная,

Матушка Русь!..»

Такое сопоставление заключает и другую мысль: в этих пьяных и непривлекательных на вид людях скрыты могучий талант и прекрасная душа. Действительность губит всё живое и возвышенное в народе. Понимающий это не должен отворачиваться от народа в брезгливом презрении.

В рассказе нашли отражение и эстетические взгляды Тургенева. Соперник Якова, рядчик, выражаясь языком современных искусствоведов и критиков,— чистейшей воды формалист. Он поет бойко и виртуозно, он украшает пение немыслимыми

переливами, «завихрениями» и «завитушками», и, кажется, в этом нет предела его умению и возможностям.

Подобные ухищрения приводят в восторг, создают впечатление, что выше этого подняться уже нельзя,— но лишь до того момента, пока не появляется возможность сравнить неодухотворенное мастерство с идущим из глубины души подлинным искусством, от которого «закипают на сердце и поднимаются к глазам слезы».

«Он (Яков.— М.Д.) пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль»[59].

Сама земля подсказала писателю это сравнение. Необозримо широкая степь уходит в бесконечную даль — и эта степь раскинулась сейчас у меня перед глазами. Я смотрю на неё, и снова, в который уже раз, прошлое и настоящее смыкаются в моем сознании, и в какие-то моменты я вдруг как будто перестаю отдавать себе отчёт, где я, когда я... Здесь начинаешь понимать, что нет ощутимой границы между прошлым и настоящим и что без жизни этих давно ушедших от нас людей, их надежд, страстей, страданий нет и нашей жизни и не может быть нашего будущего.

В самой этой мысли нет ничего необычного и неожиданного, она кажется уже банальной. Но в самом превращении мысли в избитую истину заключена некоторая опасность: подлинная суть её стирается и начинает скользить мимо сознания. Чтобы понять иную истину, нужно не разумом осознать её (уму-то она представляется слишком простой), но всем существом своим ощутить, столкнувшись с ней лицом к лицу в действительной жизни.

Выходя из деревни, я встретил двух старушек, пасших гусей на берегу речки. Одна из них начала рассказывать мне:

— Кабак вот тут как раз стоял. Тут и след от него.

Она показала на большую яму у края оврага, которая, верно, осталась от фундамента какой-то постройки.

— Я сама-то не помню, мне свекор рассказывал, а у них дом рядом стоял, да сгорел.

Место, на которое указывала старушка, не совсем подходило под тургеневское описание. По Тургеневу, кабак стоял на краю деревни у самого начала оврага, старушка же показывала место посредине деревни, и овраг тут был уже довольно внушительных размеров. Может быть тот, описанный Тургеневым кабак сгорел или был разрушен, а новый построили на другом месте? Трудно сказать. Я не стал спорить и спросил напоследок, как пройти на Тургенево.

— А вот иди край сада, там через кладни да лесом тропка. А как к тем березам выйдешь (она указала несколько берёз, стоящих отдельным островком на противоположном крутом берегу большого оврага), тут, считай, дорога прямо на Тургенево.

Уже вечерело, когда я подходил к селу Тургенево. Оно лежит, как пишет сам Иван Сергеевич, в четырех верстах от Колотовки. Здесь, на левом берегу Снежеди, находилась когда-то тургеневская усадьба, не сохранившаяся до наших дней. Полуразрушенная церковь на пригорке относится, очевидно, ко времени существования усадьбы.

Само же село возникло после того, как Сергей Николаевич Тургенев (отец писателя) перенёс сюда из близлежащей деревни несколько крестьянских дворов, чтобы мужикам было удобнее ходить на барщину.

В усадьбе подолгу жила мать писателя, Варвара Петровна. Часто наезжал сюда сам Иван Сергеевич, охотился в окрестных лесах и полях. После смерти матери в 1850 году усадьба досталась старшему брату Тургенева — Николаю Сергеевичу. Но и после этого писатель продолжал бывать здесь. Сегодня на месте усадебного дома стоит здание школы имени И.С.Тургенева.

Знакомство с тургеневской землей помогает лучше понять, почувствовать творчество Ивана Сергеевича Тургенева, приблизить к себе то время, когда он жил, полнее проникнуться «чувством родины», которое Он пронес в себе через всю жизнь.

Но эта земля расскажет нам и о Тургеневе-человеке. Не словами расскажет, и не разуму нашему, не рассудку, а чувствованию,

способности ощутить живую душу человека.

Отзывы современников о Тургеневе порою противоречивы. Нам хорошо известны сложные и не всегда ясные и безоблачные отношения Тургенева с Толстым, Достоевским, Некрасовым, Гончаровым. Я не хочу подробно говорить об этом, да у нас и нет права быть им судьями. Писатель раскрывается прежде всего в творчестве — истина бесспорная. Лев Толстой говорил даже, что писатель всё лучшее в себе вкладывает в свои произведения, и поэтому так ужасна порою его собственная жизнь.

Но разве эта неброская природа, которую он любил всей душой, не дает представления о натуре Ивана Сергеевича?

Я хочу вспомнить только один эпизод, в котором раскрылось вполне высокое благородство Тургенева. Известно, как порою несправедливы друг к другу бывают писатели. Тут и взаимная ревность, и разность в воззрениях на жизнь и на цели искусства, и какие-то личные недоразумения. Тургенев и Л.Толстой были в разное время и друзьями, и врагами, и соперниками в литературе. Одно время Тургеневу казалось, что как писатель он стоит выше Толстого. Но с годами он всё более убеждался в ином. И, отбросив мелочное самолюбие и тщеславие, Тургенев становится страстным поклонником и пропагандистом толстовского творчества, называет Толстого первым писателем России. Легко ли это было ему?

За два месяца до смерти тяжело больной Тургенев пишет свое последнее письмо Толстому:

«Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником,— и чтобы выразить Вам мою последнюю, искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! ...Друг мой, великий писатель Русской земли — внемлите моей просьбе!»[60].

Литература для Тургенева — выше всего. Поэтому всякому, кто услышит или прочтет нелестный отзыв о Тургеневе — о его самолюбии, высокомерии или неискренности, хочется посоветовать вспомнить предсмертное письмо Тургенева Толстому. Оно искупает многое.

Конечно, все места, связанные с Тургеневым, с его произведениями, даже с одними только «Записками охотника», обойти за один день просто невозможно. Вероятно, кто-то не захочет ограничиться этой небольшой прогулкой. И каждому хочется сказать: «В добрый путь!»

Примечания

[1] *«Великая Отечественная война 1941—1945», М., 1970, стр. 230.*

[2] К.К. Рокоссовский, *Солдатский долг, М., 1972, стр. 213.*

[3] *«Дорогой борьбы и славы», М., 1961, стр. 256.*

[4] Г.К. Жуков*, Воспоминания и размышления, М., 1971, стр. 458.*

[5] *«История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 3, М., 1961, стр. 262.*

[6] К.К. Рокоссовский, *Солдатский долг, стр. 219.*

[7] *Там же, стр. 219.*

[8] Н.К. Попель*, Танки повернули на запад, М., 1960, стр. 113.*

[9] Ю. Жуков, *Укрощение «тигров», М., 1961, стр. 69.*

[10] А. Верт, *Россия в войне 1941—1945, М., 1967, стр. 494, 503.*

[11] П.А. Ротмистров, *Танковое сражение под Прохоровной, М., 1960, стр. 91.*

[12] *Там же, стр. 72—73.*

[13] *Там же, стр. 87.*

[14] Ю. Жуков, *Укрощение «тигров», стр. 29.*

[15] И. Купчинский, *Курск и куряне, М., 1906, стр. 32.*

[16] *«Слово о полку Игореве», Л., 1967, стр. 46.*

[17] Цит. по кн.: Габель В.Ф. и Гулин И.Н., Курск, М., 1951, стр. 9.

[18] С. Ларионов, *Описание Курского наместничества, М., 1786, стр. 36.*

[19] Габель В.Ф. и Гулин И.Н., Курск, стр. 23.

[20] А.П. Чехов, *Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 118.*

[21] Н.И. Златоверховников, *Памятники и другие достопримечательности Курской губернии, Курск, 1902, стр. 8.*

[22] М.А. Ильин, *Подмосковье, М., 1966, стр. 266.*

[23] *В путеводителе по Курску Самсонова и Яжгура (Воронеж, 1965) архитектурный стиль банка ошибочно назван «псевдорусским» (см. стр. 65).*

[24] Г. Пясецкий, *Исторические очерки города Орла, Орел, 1871, стр. 61.*

[25] *Там же, стр. 69.*

[26] *Там же, стр. 72.*

[27] *Там же, стр. 74.*

[28] *Там же, стр. 82*

[29] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 2, М., 1954, стр. 306.

[30] И.А. Бунин, *Собрание сочинений, т. в, М., 1966, стр. 233.*

[31] *Там же, стр. 194.*

[32] *«Русский архив», 1869, № 10, стр. 1490.*

[33] Г.М. Пясецкий, *Исторические очерки города Болхова и его святыни, Орел, 1875, стр. 1.*

[34] Т.А. Мартемьянов, *Город Болхов Орловской губернии, Орел, 1897, стр. 24.*

[35] *Там же, стр. 26.*

[36] Г.М. Пясецкий, *Исторические очерки города Болхова и его святыни, стр. 72.*

[37] *Там же, стр. 81.*

[38] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 1, стр. 268.*

[39] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 12, стр. 326.*

[40] А. Верт, *Россия в войне 1941-—1945, стр. 496.*

[41] Иерофей, *Миценский Петро-Павловский монастырь Орловской епархии, Орел, 1900, стр. 5.*

[42] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 1, стр. 120.

[43] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 12, стр. 555.*

[44] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 6, стр. 162.*

[45] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 8, стр. 188—189.*

[46] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 6, стр. 162.*

[47] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т, 8, стр. 197—198.*

[48] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 2, стр. 89—90.*

[49] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 1, стр. 169, 171.*

[50] В.Г. Белинский, *Собрание сочинений в 3-х томах, т. 3, М., 1948, стр. 832.*

[51] Н.В. Гоголь, *Собрание сочинений, т. 5, М., 1967, стр. 157.*

[52] В.Г. Белинский, *Собрание сочинений, т. 3, стр. 833.*

[53] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 3, стр. 176.*

[54] Цит. по кн.: Л.Я. Богданова, Б.В. Богданов, Родной край в произведениях И.С.Тургенева, М., 1959, стр. 3—4.

[55] В.Г. Белинский, *Собрание сочинений, т. 3, стр. 832.*

[56] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 1, стр. 162.*

[57] *Там же, стр. 291.*

[58] *Там же, стр. 306.*

[59] *Там же.*

[60] И.С. Тургенев, *Собрание сочинений, т. 12, стр. 580.*

Библиография

К ГЛАВЕ 1

Алексеев З.Н. и Бельдиев П.М., По местам Курской битвы, Курск, 1963.

Жуков Ю., Укрощение «тигров», М., 1961.

«Курская битва. Воспоминания, статьи», Воронеж, 1973.

Марин И., Курская битва, М., 1958.

Мошенский А.И., По памятным местам на Курской дуге, Курск, 1973.

Попель Н.К., Танки повернули на запад, М., 1960.

Попель Н.К., Герои Курской битвы, М., 1971.

К ГЛАВЕ 2

«Вотчинный быт монастырей Курского Знаменского и Белгородского Николаевского», Харьков, 1892.

Габель В.Ф. и Гулин И.Н., Курск, М., 1951.

Головашенко, Краткий исторический обзор церквей и приходов Курской губернии, Курск, 1854.

Златоверховников Н.И., Памятники и другие достопримечательности Курской губернии, Курск, 1902.

«Историческое описание Коренной Рождество-Богородицкой пустыни», Курск, 1885.

Купчинский И., Курск и куряне, М., 1906.

«Курск. Очерки по истории города», Курск, 1957.

«Курская область», Курск, 1935.

«Курский сборник (с путеводителем по городу Курску и планом города)», Курск, 1901.

Ларионов С.И., Описание Курского наместничества, М., 1786.

Самсонов В.И. и Яжгур М.И., Курск, Воронеж, 1965.

Троицкий Н., Сергиевский кафедральный собор в г. Курске, Курск, 1907.

К ГЛАВЕ 3

«Город Орел», Орел, 1955.

«Городу Орлу 400 лет», Тула, 1966.

«Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии», Орел, 1905.

«По историческим местам Орла», Орел, 1966.

Пясецкий Г.М., Исторические очерки города Орла, Орел, 1874.

Федоров С.И., Орел, М., 1969.

К ГЛАВЕ 4

Иерофей, Мценский Петрово-Павловский монастырь Орловской епархии, Орел, 1900.

Макашов А., Ровесник Москвы, Орел, 1972.

Мартемьянов Т.А., Город Болхов Орловской губернии, Орел, 1897.

Пясецкий Г.М., Исторические очерки города Болхова и его святыни, Орел, 1875.

К ГЛАВЕ 5

Богданова Л.Я., Богданов Б.В., Родной край в произведениях И. С. Тургенева, М., 1959.

Громов В.А., Здравствуй, город Тургенева!, Тула, 1967.

Чернов Н., Орловские литературные места, Тула, 1970.

Фотографии выполнены Г.Д.Петренко, М.М.Дунаевым на стр. 18, 64, 66, 84, 94, 107, 108, 109, 110, 112, 114, 120, 121, 124; М.П.Цапенко — на стр. 48.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ДУНАЕВ

НА ЗЕМЛЕ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ

Редактор

Г.П.ПЕРЕПЕЛКИНА

Оформление серии художника

Ю.К.КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника

Ю.И.РАПОПОРТА

Художественные редакторы

Е.Е.СМИРНОВ, Е.А.БЕЛОВ

Технический редактор

А.Н.ХАНИНА

Корректор

И.Н.ГЛУХОЕДОВА

Сдано в набор 25/VI-1975 г. Подписано в печать 21/XI-1975 г. А14592. Формат бумаги 70x90 $1/_{32}$. Бумага тифдручная. Усл. печ. л. 5,557. Уч. изд. л. 7,068. Тираж 75000 экз. Изд. № 1167. Заказ 715. Цена 45 коп. Издательство «Искусство», Москва, 108051. Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета

Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

В КНИГЕ РАССКАЗЫВАЕТСЯ

О ГОРОДАХ КУРСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ, ГЛУБОКО СВЯЗАННЫХ С ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНЬЮ РОССИИ И СОХРАНИВШИХ ИНТЕРЕСНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ, А ТАКЖЕ О ПАМЯТНИКАХ, ВОЗДВИГНУТЫХ НА МЕСТАХ, ГДЕ ПРОИСХОДИЛА ВЕЛИКАЯ БИТВА — ЗНАМЕНИТАЯ «КУРСКАЯ ДУГА».

Заметки

[←1] «Великая Отечественная война 1941—1945», М., 1970, стр. 230.

[←2] К.К. Рокоссовский, Солдатский долг, М., 1972, стр. 213.

[←3] «Дорогой борьбы и славы», М., 1961, стр. 256.

[←4] Г.К. Жуков, Воспоминания и размышления, М., 1971, стр. 458.

[←5] «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 3, М., 1961, стр. 262.

[←6] К.К. Рокоссовский, Солдатский долг, стр. 219.

[←7] К.К. Рокоссовский, Солдатский долг, стр. 219.

[←8] Н.К. Попель, Танки повернули на запад, М., 1960, стр. 113.

[←9] Ю. Жуков, Укрощение «тигров», М., 1961, стр. 69.

[←10] А. Верт, Россия в войне 1941—1945, М., 1967, стр. 494, 503.

[←11] П.А. Ротмистров, Танковое сражение под Прохоровной, М., 1960, стр. 91.

[←12] Там же, стр. 72-73.

[←13] Там же, стр. 87.

[←14] Ю. Жуков, Укрощение «тигров», стр. 29.

[←15] И. Купчинский, Курск и куряне, М., 1906, стр. 32.

[←16] «Слово о полку Игореве», Л., 1967, стр. 46.

[←17] Цит. по кн.: Габель В.Ф. и Гулин И.Н., Курск, М., 1951, стр. 9.

[←18] С. Ларионов, Описание Курского наместничества, М., 1786, стр. 36.

[←19] Габель В.Ф. и Гулин И.Н., Курск, стр. 23.

[←20] А.П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 118.

[←21] Н.И. Златоверховников, Памятники и другие достопримечательности Курской губернии, Курск, 1902, стр. 8.

[←22] М.А. Ильин, Подмосковье, М., 1966, стр. 266.

[←23] В путеводителе по Курску Самсонова и Яжгура (Воронеж, 1965) архитектурный стиль банка ошибочно назван «псевдорусским» (см. стр. 65).

[←24] Г. Пясецкий, Исторические очерки города Орла, Орел, 1871, стр. 61.

[←25] Г. Пясецкий, Исторические очерки города Орла, Орел, 1871, стр. 69.

[←26] Там же, стр. 72.

[←27] Там же, стр. 74.

[←28] Г. Пясецкий, Исторические очерки города Орла, Орел, 1871, стр. 82.

[←29] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 2, М., 1954, стр. 306.

[←30] И.А. Бунин, Собрание сочинений, т. в, М., 1966, стр. 233.

[←31] И.А. Бунин, Собрание сочинений, т. в, М., 1966, стр. 194.

[←32] «Русский архив», 1869, № 10, стр. 1490.

[←33] Г.М. Пясецкий, Исторические очерки города Болхова и его святыни, Орел, 1875, стр. 1.

[←34] Т.А. Мартемьянов, Город Болхов Орловской губернии, Орел, 1897, стр. 24.

[←35] Там же, стр. 26

[←36] Г.М. Пясецкий, Исторические очерки города Болхова и его святыни, стр. 72.

[←37] Г.М. Пясецкий, Исторические очерки города Болхова и его святыни, стр. 81.

[←38] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 1, стр. 268.

[←39] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 12, стр. 326.

[←40] А. Верт, Россия в войне 1941-—1945, стр. 496.

[←41] Иерофей, Мценский Петро-Павловский монастырь Орловской епархии, Орел, 1900, стр. 5.

[←42] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 1, стр. 120.

[←43] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 12, стр. 555.

[←44] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 6, стр. 162

[←45] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 8, стр. 188—189.

[←46] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 6, стр. 162.

[←47] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т, 8, стр. 197—198.

[←48] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 2, стр. 89—90.

[←49] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 1, стр. 169, 171.

[←50] В.Г. Белинский, Собрание сочинений в 3-х томах, т. 3, М., 1948, стр. 832.

[←51] Н.В. Гоголь, Собрание сочинений, т. 5, М., 1967, стр. 157.

[←52] В.Г. Белинский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 833.

[←53] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 3, стр. 176.

[←54] Цит. по кн.: Л.Я. Богданова, Б.В. Богданов, Родной край в произведениях И.С.Тургенева, М., 1959, стр. 3—4.

[←55] В.Г. Белинский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 832.

[←56] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 1, стр. 162.

[←57] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 1, стр. 291.

[←58] Там же, стр. 306.

[←59] Там же.

[←60] И.С. Тургенев, Собрание сочинений, т. 12, стр. 580.